

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**ЛИЧНОСТЬ И ОБЩНОСТЬ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ЗАПАДА И ВОСТОКА**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Ставрополь
2010

УДК 93(075.8)
ББК 63.3(0)4я73
В 27

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО Ставропольского государственного
педагогического института

Ответственный редактор:

д-р юрид., наук профессор, Почётный работник высшего
профессионального образования РФ *Е.Г. Пономарёв* (ГОУ ВПО СГПИ)

Рецензенты:

канд. ист., наук, доцент *Н.Д. Крючкова* (ГОУ ВПО СГУ),
канд. ист., наук, доцент *Е.П. Тельменко* (ГОУ ВПО СГУ)

Величко Л.Н.

В 27 **Личность и общность** в историческом пространстве средневековых цивилизаций Запада и Востока: Учебное пособие. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. – 272 с.

ISBN 978-5-91090-070-1

Учебное пособие составлено с учётом современных методологических концепций и представляет историю цивилизаций средневекового Запада и Арабского Востока в контексте исторической антропологии. Представлены проблемы взаимоотношений личности и общностей разного уровня, гендерных ролей и отношение к детям в средневековом обществе, рассмотрены образы «чужого» и «другого» в средневековом западноевропейском обществе.

Предназначено для студентов, обучающихся на исторических и гуманитарных факультетах, а так же всем интересующимся культурой средневековых цивилизаций.

УДК 93(075.8)
ББК 63.3(0)4я73

ISBN 978-5-91090-070-1

© Величко Л.Н., 2010
© Ставропольский государственный
педагогический институт, 2010

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха Средневековья представляет сложный и противоречивый этап развития цивилизации, уже хотя бы потому, что в современной историографии нет единой точки зрения на определение терминологии и географических границ средневековых цивилизаций Запада и Востока. Традиционно в современной отечественной историографии понятие «Средневековье» представляется если не тождественным, то близким по значению понятию «феодализм», которое отражает существенные изменения, произошедшие в истории западноевропейской цивилизации V-XV вв. в социально-экономической, политической и культурной сферах, но не могут являться универсальными и однозначно принятыми для определения цивилизационных основ восточных обществ. В связи с этим содержательная часть большинства советских и современных учебных пособий по истории Средних веков весьма традиционна. Приоритетной областью рассмотрения в них являются вопросы экономической и политической истории, однако не только они определяли цивилизационные особенности. Между цивилизациями Запада и Востока было достаточно много общего в социально-экономическом и политическом развитии (формирование крупного земельного владения и зависимого крестьянства, становление аппарата управления и властных структур на местах), что довольно полно отражено в основной массе учебных пособий.

Между тем, проблема познания человека в обществе является основополагающей в выявлении особенностей всех элементов целостной общественной системы цивилизаций Запада и Востока. Учитывая, что анализ прошлого может быть полным только при условии освещения всех сторон жизни человека и, особенно, ментальных стереотипов и поведенческих моделей, целью представленного учебного пособия является попытка обобщить данные о специфике повседневной жизни средневекового общества, прежде всего, взаимоотношений личности и общности.

Эпоха Средневековья – это время существования корпорации различного уровня: от этнических и религиозных до цеховых объединений и интеллектуальных кружков как на Западе, так и на Востоке. Они носили многообразный характер и условно могут быть определены как формальные и неформальные. Личность, являлась частью корпорации, была в неё полностью включена и не признавалась как самоценность. Личный интерес и индивидуальная инициатива пресекались обществом, а принципы коллективного начала были определяющими в характери-

ке человека, над образом которого «работали» религиозные идеологи. Однако общество, являясь живым организмом, нередко давало возможность личности выйти за рамки общепринятых стереотипов и проявить свою индивидуальность. Это одна из особенностей Средневековья, без учёта и освещения которой, невозможно понять специфику цивилизационного развития в период Средних веков на Западе и Востоке.

В современной историографии продолжают споры о существовании в Средние века «личности» как таковой. Дискуссия о существовании «личности», в современном её понимании, в период Средневековья, была открыта Л.М. Баткиным и А.Я. Гуревичем. Большинство исследователей сходятся на том, что в период Средних веков сложился тип личности, характеризующийся особым уровнем сознания, определяемым религиозными канонами. Именно религия обусловила стиль поведения людей в обществе и сформировала основные ментальные принципы эпохи.

Представленное учебное пособие является дополнением к учебникам высшей школы по истории Средних веков и построено на освещении таких проблем, как «личность» в культурно-религиозном пространстве Средневековья; средневековый человек в системе социальных ролей; гендерные роли и отношение к детям в средневековом социуме; образы «чужого», «другого» в средневековом западноевропейском обществе. Эти проблемы особенно актуальны при изучении истории в педагогическом вузе, поскольку именно они являются основой антропологического знания, в свою очередь являющегося фундаментом педагогической практики.

Хронологические рамки определены временем западноевропейского средневековья (V-XV вв.), поскольку именно для этого региона «Средневековье» имеет универсальный характер, в то время как для истории Азии и Африки выделение этого этапа не столь очевидно. Исследователи отмечают отсутствие цивилизационного единства Востока и синхронности развития восточных обществ, что делает хронологические рамки Средневековья на Востоке подвижными и особенными для каждого региона. Поэтому, весьма условно, хронологический период Средневекового Востока можно определить так: с III в. – начало XIX в.

Определяя основной характеристикой взаимоотношений между личностью и общностью в Западной Европе, автор сделала попытку, насколько это возможно, показать не только внутренние особенности европейского общества, но и раскрыть его специфику, показав взаимодействие с обществом арабского Востока. Такой выбор не случаен, поскольку именно с арабским миром западноевропейская средневековая цивилизация оказалась

в тесном взаимодействии, переживая как период мирного сосуществования, так и период открытой конфронтации во время крестовых походов. С другими цивилизациями Востока европейцы не имели столь тесных контактов по объективным причинам. Но сравнительной характеристики этих двух моделей цивилизации достаточно для того, чтобы показать специфические черты развития особого типа личности и общности, которые сложились в период Средневековья на Западе и Востоке.

Настоящее учебное пособие ориентировано на студентов очной и заочной форм обучения исторических факультетов педагогических вузов.

РАЗДЕЛ I. ЛИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Глава I. Личность и общность в цивилизационном поле Западной Европы

Истоки западноевропейского средневекового общества уходят в традиции поздней античности и пронизаны идеями христианства. Именно они предопределили отношение к окружающему миру и человеку.

С одной стороны, человек провозглашается подобным Богу – своему творцу. В Средние века наблюдается переход от теории, согласно которой люди созданы вместо падших ангелов и должны занять их место, к концепции о самостоятельном достоинстве человека, сотворенного ради него самого. Не человек создан для чего-либо иного, но весь мир создан для человека, являющегося завершением Вселенной. Поскольку мир сотворен ради человека, в человеке можно найти весь мир и его единство, а отсюда идеи микро- и макрокосма. Человек разделяет с остальным земным тварным миром способность существовать, жить и чувствовать, но вместе с тем он разделяет с ангелами способность понимать и рассуждать. Человек – Венец творения.

С другой стороны, человек – раб Божий. Служение Богу не унижает, а возвышает и спасает человека. Но служение требует смирения, подавления личных склонностей, противоречащих идеалам христианства, поскольку искупление и завершение человека возможно лишь в ином мире, то свободное развитие личности исключено. Свобода воли, провозглашаемая христианством, оборачивается заповедью избегать всего, что может помешать спасению души. И хотя теологи подчеркивали, что личность человеческая представляет собой единство души и тела, все заботы христианина должны были направляться на первый компонент его личности, даже к явному ущербу второго компонента. Ибо душа и тело пребывают в разных измерениях – душа принадлежит вечности, а тело подвержено порче времени.

Подобно христианскому символизму, христианский «персонализм» оказался во многом соответствующим степени развития человеческой личности в средневековой Европе. Выйдя из стадии «родовой личности» эпохи варварства, люди феодального общества включились в новые коллективы, подчинявшие их себе не только материально и политически, но и социально-психологически.

В средневековом обществе отношения общности и личности были многосложны и многослойны. Средневековье породило общины, братства и сообщества. Сознание исходило из того, что ценность “ universitas “ общество, нация, церковь, корпорация, государство – концептуальна, а, следовательно, в действительности предшествует своим индивидуальным членам. В сознании личности была выстроена строгая иерархия взаимоотношений между различными общностями, низшую ступень в которой он отводил себе.

Первым условием социализации человека в средние века было его приобщение к числу христиан на Западе и Византии. Акту крещения придавалось исключительное сакраментальное значение, и душа человека, не подвергшегося этому таинству, не могла попасть в рай, даже если то была душа безгрешного младенца.

Со времен раннего христианства подчеркивался резкий контраст между крещённым и некрещённым. В крещении видели метаморфозу, целиком затрагивавшую человеческое существо; отныне вся его жизненная ориентация должна была определяться не его врожденными склонностями и задатками, а причастностью к социальной общности, которая вместе с тем была и сакральной, поскольку приобщение к числу верующих означало приобщение к Богу – ведь общество состояло, по средневековым представлениям, не из одних людей, оно объединяло их с Богом.

Вступая в число христиан и получая возможность спасения, человек вместе с тем отказывался от собственной индивидуальности. Отныне он был подчинен данному ему закону и должен был оставаться верным ему. Человек не осознает себя как автономную индивидуальность, он принадлежит к целому и должен выполнять в его рамках отведенную ему роль. Социальная роль, предназначенная для человека, рассматривалась как его призвание, – высшею силою он призван выполнять это призвание и всецело соответствовать своей роли. Его личные способности направлены на то, чтобы с наибольшим успехом осуществлять свое социальное предназначение.

Не оригинальность, не отличие от других, но, напротив, максимальное деятельное включение в социальную группу, корпорацию, в богоустановленный порядок. Выдающийся человек – тот, кто полнее других воплощает в себе христианские добродетели, кто в наибольшей мере соответствует установленному канону поведения и принятому в обществе типу человеческой личности.

Индивидуальные качества, отклонявшиеся от санкционированной нормы, подавлялись не только потому, что консервативное общество с не-

доверием и преудбеждением смотрело на «оригинала», но и потому прежде всего, что связанные с такими качествами умонастроения и поступки считались противоречащими христианским образцам и опасными для веры. Поэтому в ограничении индивидуальной воли и мнения в средние века не видели нарушения прав и достоинства человека. Публичное высказывание мнений, противоречивших установленной вере, было ересью. Преступность еретика, как разъяснял важнейший памятник канонического права, – «Декрет» Грациана, заключается в том, что он обнаруживает интеллектуальное высокомерие, предпочитая собственное мнение мнению тех, кто специально уполномочен высказываться в делах веры. Хотя грех представлял собой угрозу для души индивида, считалось, что он опасен для общества, а потому прихожане следили друг за другом, нередко обращаясь к священнику с жалобой на впавших в грех соседей.

Понятие «отлучение» так же, как понятия «крещение», «вера», «верность», «призвание», имело одновременно и сакральный, и социально-политический характер. Отлучение еретика от числа христиан было равнозначно исключению его из общества. Он ставился вне религии и вне земных законов. Таковы некоторые механизмы воздействия феодального общества на индивида и подчинения его господствующей системе. Однако дело заключалось не в одном подавлении индивида обществом.

Внутренняя жизнь индивида не образовывала самостоятельной целостности. Появившиеся в средние века автобиографический нарратив и житийная литература являют собой пример «конструирования образов» согласно христианской морали и идеалам поведения, определяемых обществом. В средневековых хрониках действуют люди. Но и историки, проявляя живой интерес к человеческому роду, не обращают особого внимания на индивидуальных людей. Индивиды для них – прежде всего носители определенных качеств гордости, смелости, благородства либо трусости, подлости, злонамеренности.

Понятие персона в Средние века уже не было связано с театральной маской как в древности, и тем не менее персонажи хроник – актеры, серьезно и старательно играющие свои роли. Все их действия публичны, поэтому зависят от публики и не определяются индивидуальными намерениями и склонностями, а ориентированы на норму, принятую в соответствующей социальной среде. Поведение рыцаря строится в расчете на зрителей, он исходит из требований, предъявляемых к нему заданной ролью, он предпочтет попасть в плен, но не будет спешить, покидая поле битвы, дабы никто не заподозрил его в трусости. Поэтому и хронисты объясняют человеческие поступки не личными особенностями,

тиями своих героев, а основными мотивами, которыми должен руководствоваться благородный, согласно принятому в рыцарском обществе кодексу поведения

Другая специфическая черта изображения человеческих поступков в хрониках, в особенности в церковных, заключается в том, что эти поступки приписываются не самим людям, а соответствующим их качествам: отдельный поступок вытекает из отдельного качества человека. Между собой эти качества остаются не связанными, следовательно, причиной действий героя рассказа является не целостная личность, но некая совокупность разрозненных качеств и сил, действующих самостоятельно. Средневековый реализм персонифицировал пороки и добродетели, как и всякие другие абстракции, придавая им самостоятельность. Таким образом, действуют отдельные атрибуты человека, а не единый характер, – вместо него церковный хронист видит ряд качеств, выступающих попеременно.

Образ человека – «сосуда», наполняемого разным, внешним по отношению к его сущности содержанием, раскрывает отсутствие в ту эпоху представления о нравственной неповторимости индивидуальной и суверенной личности.

Литература Средних веков не отражала «зеркально» жизненных отношений и воплощала идеальные представления о личности, типизировала действительность, отбирая из нее преимущественно лишь то, что соответствовало взглядам авторов, в задачу которых входило извлечение из истории или из жизни святого назидательных примеров, и то, что отвечало требованиям жанра. Реальность была неизмеримо богаче и многообразнее. Но, вновь подчеркнем, идеал выполнял существенную социальную функцию и выражал действительную тенденцию жизни средневекового общества, ориентированного на высшие цели.

Полностью обрести и осознать себя средневековый человек мог лишь в рамках коллектива, через принадлежность к нему он приобщался к ценностям, господствовавшим в данной социальной среде. Его знания, навыки, опыт, убеждения, формы поведения являлись его личными характеристиками постольку, поскольку они были приняты его общественной средой, группой.

Человеку редко приходилось действовать вполне индивидуально. Группа, к которой он принадлежал, постоянно присутствовала в его сознании. Противоречить групповым целям и нормам значило вести себя предосудительно. Голосование в тех случаях, когда оно применялось, не было способом установления соотношения индивидуальных волей. Противопоставлять себя группе, обществу значило проявлять непрос-

тительный грех гордыни. Утверждение индивидом своей личности заключалось в единении с группой, общностью, корпорацией.

Прежде всего корпорациями были основные в Средние века слои – сословия: два высших – дворянство и духовенство, городское – бюргерство и, наконец, низшее – крестьянство. При известных условиях горожанин или свободный крестьянин могли пройти в состав дворянства, прежде всего. Но условия эти были очень сложными. Для их выполнения требовалось, во-первых, быть готовым оставлять на неопределенный срок свое хозяйство. Во-вторых, обладать значительным состоянием, которое позволило бы претенденту являться по вызову короля «конно, людно и оружно», то есть в полном боевом снаряжении, с полным набором оружия, с отрядом вооруженных спутников и по боевому убранными лошадьми. В-третьих (а возможно, это и во-первых), получить специальную грамоту от короля, дающую дворянские права, что требовало от претендента особых заслуг перед монархом или перед теми, с кем монарх считался. С другой стороны, дворянин мог потерять свои сословные права, если не выполнял должным образом службу или совершил деяния, несовместимые с правилами данного сословия. Крестьянский или городской паренъ, в силу неких необычных условий и собственных талантов выучившись хорошо грамоте и латыни, мог стать писцом в королевской канцелярии; а если к тому же он вызубрил церковную службу, то мог также попасть и в состав высшего клира. Но все эти случаи были редкостью. Дворяне и священнослужители, освобожденные от тягла за службу королю или Господу, имели много своих правообязанностей и свои модели поведения и редко, очень редко, лишь в исключительных случаях делились тем и другим с представителями низших сословий.

Горожане, в сумме своей составлявшие в каждой стране бюргерское сословие, также имели свои правообязанности. Они несли тягло (обычно в виде фиксированных сумм денег), однако, согласно средневековому правилу, «городской воздух делал свободным», что привлекало в города личноезависимое сельское население. Но собственно бюргером мог стать только человек, получивший полноправие в том или ином городе, для чего требовалось немало условий, в том числе имущественных. Очевидно, что горожане также неохотно делились своими позициями с чужаками.

Крестьянское сословие имело больше обязанностей, чем прав. Однако и стать крестьянином было непросто: для этого требовалось иметь землю и свое хозяйство. На подавляющей территории Европы большинство крестьян пользовалось землей на условиях наследственного, иногда

в течение столетий, держания от господина, за которое несли ему повинности. Получить такое держание на давно колонизованных просторах той же Западной Европы, да еще войти в местную крестьянскую общину, которая распоряжалась угодьями (ведь без угодий крестьянин не мог хозяйствовать), опять же было непросто.

Люди, которые оставались за пределами сословий, – батраки, наемные работники, бедняки и просто нищие, воры, проститутки и так далее – никакими правами вообще не пользовались.

Очевидно, что средневековые сословия, особенно в «классический» период эпохи, то есть до XIV-XV веков, были в целом замкнутыми корпорациями, коллективно пользуясь правами и неся обязанности своего сословия и соблюдая свойственный ему менталитет. Они были непосредственно связаны с системой власти – высшей или на местах – и государственно оформлены. Но внутри сословий и как бы между ними была масса разнообразных корпораций, более напоминающих живые общности, поскольку они не только создавались, но и существовали практически вне компетенции властей, совершенно самостоятельно, автономно, как результат самодеятельности населения.

Тем не менее, средневековая личность находила возможность открыто проявлять собственную индивидуальность. Однако на определенной ступени развития средневекового общества индивид начинает находить средства для самовыражения. Немаловажный симптом – изменения в интерпретации образа Христа. До XII в. доминировали изображения Христа – далекого от людей господина, грозного судии, между тем как в последующие столетия на первый план выдвигается иконография, в которой подчеркивается Его человеческая природа, это страдающий, бессильный, униженный Спаситель распятий и пиеты. Таков Христос религиозно-еретических выступлений этого периода. Он – по-прежнему судия, но, по выражению Бернарда Клервоского, судия Он потому, что Он – «Сын Человеческий».

Хотя уже в XII в. отдельные мыслители (Абеляр, Иоанн Сольсберийский, Бернад Клервоский) начинают придавать особое значение интроспекции, поворотным в процессе возрастания человеческого самопознания явилось, скорее, следующее столетие. В 1215 г. IV Латеранский собор предписал в качестве обязательной ежегодную исповедь каждого верующего; исповедь заключалась не в одном лишь признании греха, но и во внутреннем раскаянии, в душевном сокрушении. Во всех отраслях жизни обнаруживаются симптомы, свидетельствующие о растущих притязаниях человеческой личности на признание. В искусстве – индивиду-

ализация изображений человека, зачатки портрета, развивающегося, правда, в последующие два столетия; в литературе – развитие письменности на родных языках, которые открывают гораздо более широкие возможности для передачи оттенков человеческих эмоций, чем латынь; начинается индивидуализация почерков. В XIII в. зарождаются естественные науки, выдвигающие эксперимент на место авторитета. С распространением аристотелизма связана частичная переориентация философской проблематики. Если богословы предшествующего времени подчеркивали значение одной лишь души в человеке, то философы XIII в. обращают особое внимание на нерасторжимое единство души и тела, которое и создает личность. Фома Аквинский развертывает и уточняет определение личности, восходящее к Боэцию. Наряду с разумностью поведения личности и ее самосознанием он подчеркивает среди признаков «персоны» ее ответственность за собственное поведение; личность управляется божественным Провидением таким образом, что сама принимает решения, и, следовательно, совершаемые ею поступки суть персональные деяния. По мысли Фомы Аквинского, персона характеризуется не только неделимостью на другие сущности, но и тем, что обладает определенным достоинством. Это достоинство состоит прежде всего в разумности человека, на которой основывается его свобода. Однако полноты свободы он может достичь только в будущей жизни, там он станет совершенным.

Рассматривая проблему отношений индивида и общества, Фома Аквинский провозглашает примат общего блага над индивидуальным. Но вместе с тем он не считает общество самостоятельной субстанцией – в отличие от индивида, ибо общество состоит из лиц, объединившихся для достижения определенной цели. Личность обладает бессмертной душой и способна лицезреть Бога, общество же на это не способно. Оно представляет собой средство, личность же — цель, и потому общество служит личности. Таким образом, у Фомы Аквинского уже намечается перенос акцентов на новую проблематику. Значение индивида еще более подчеркивается в построениях Дунса Скота, утверждающего неповторимость каждого отдельного индивида, и в особенности у Данте, выдвигнувшего принцип внутренней ценности человеческой личности.

В XIV в. во Флоренции, колыбели Возрождения, появляются рассказы горожан о собственной жизни. В отличие от биографических текстов, специфика автобиографического нарратива заключается в том, что они не предназначались для широкого круга читателей и имели практическое назначение. Авторы автобиографий XV в. не стремились создать собственный образ посредством литературных приёмов, но для них важнее было

раскрыть жизненные ситуации и рассказать о своей деятельности в каждом конкретном случае, чтобы предупредить потомков, показать возможный алгоритм действий. Это характерная для торгово-ремесленного общества черта определила специфику жанра «автобиографий». Однако это не означает, что автобиографические рассказы были лишены эмоционального фона и не дают представления о темпераменте личности, силе и глубине её чувств. Проявление эмоций, которые они фиксировали, и способы их передачи, свидетельствовали о потребности личности в саморефлексии, осознании ею собственных индивидуальных особенностей, а в некоторых случаях, в позиционировании себя относительно корпорации.

Автобиографические рассказы флорентийцев, включенные в исследование, условно можно разделить на три категории: автобиографический дискурс в семейном ракурсе: «Домашняя хроника» Донато Веллутти, «Книга о делах собственных» Лаппо ди Джованни Никколини ди Сиригатти и «Книга памятных заметок» Бернардо Макиавелли; автобиографический нарратив в политическом контексте: «Хроника»Ноффри ди Пьеро делль Риформаджони и «Хроника»Бонакcorso Питти; автобиографический дискурс «терапевтического характера», с высокой степенью саморефлексии: «Ricordi»Джованни Морелли и «Воспоминания о себе самом» Франческо Гвиччардини.

Последние два представляют особый интерес, поскольку позволяют наиболее рельефно рассмотреть личности самих авторов. Морелли и Гвиччардини считают себя обиженными фортуной. Заслуги и того и другого оказались не оценены гражданами, и тот и другой рассчитывали на большее в распределении государственных должностей и почестей. Дабы утешить себя и «оправдаться» перед потомками они берутся за перо.

Этих флорентийцев отличает стремление к самоутверждению, желание стать в центре корпорации и в тоже время, они являются примером конформистов, провозглашавших незыблемость принципов общего блага и верность корпоративным идеалам.

Таким образом, материалы флорентийских автобиографий XIV-XVI вв. свидетельствуют о складывании индивидуалистических черт в сознании представителей городской среды. Однако не стоит преувеличивать эти тенденции и признавать их абсолютную победу над корпоративными устоями. Социальная психология флорентийских горожан отличалась от психологии представителей каждой, свойственной традиционному средневековому обществу, среды. Тем не менее, их сознание отличалось дихотомностью. В нём сосчитались явно выраженные черты индивидуализ-

ма, свойственные мировоззрению Нового времени и элементы корпоративного кодекса поведения, характерные для Средневековья.

В целом, отмечая теологическую связанность учения о личности в Средние века и склонность к выделению типического за счет индивидуального, нужно признать, что оценка индивида в Западной Европе в тот период в какой-то мере сходна с его оценкой философско-этической традицией ряда народов Востока, в частности Византии и арабского мира. В восточной мысли индивидуализм имеет, скорее, отрицательный смысл и понимается подчас как эгоизм, правомерным считается отдавать приоритет обязанностям личности перед ее правами. Однако в дальнейшем оценки личности в западной и восточной традициях расходятся вследствие все возрастающей акцентировки роли и значения индивидуального начала на Западе, вступившем на путь буржуазного развития. Ибо европейская культура – это культура человека «на распутье», все вновь и вновь оказывающегося в ситуации выбора. Эта культура, ничего не преддрешающая раз и навсегда и не программирующая неизменного хода жизненного бытия, культура поиска, выводящая себя за свои собственные пределы, культура открытых возможностей.

Глава II. Определения «личность» и «общность» в цивилизационном пространстве арабского Востока

На Востоке дело обстоит несколько иначе. Исламский мир арабского средневекового Востока был не менее многосложен, чем мир западноевропейского общества. Здесь, как и на Западе, сложная иерархическая структура опиралась на религиозные основы, которые прочно укреплялись в повседневной жизни, проникая во все её сферы.

Природа человека, его место в мире были определены в Коране, который для мусульманина являлся книгой книг, в которой содержалось руководство по праведной жизни. Цель читающего – ответить не на вопрос, что есть человек, а на вопрос, что должен и чего не должен делать человек, что есть для него добро и что есть зло, какова его цель в этой жизни. Коран – это руководство к действию для человека от его рождения до его смерти, для человечества – от сотворения до Судного дня.

Кораническая антропология разворачивается в трех основных планах: как должен строить человек свои отношения с Богом, как он должен различать добро и зло и, наконец, как он может обрести спасение.

Согласно Корану, человек – творение Бога, творение избранное, наместник (халифа) Бога на земле. Но именно как творение он зависим

от Бога, зависим прежде всего в силу двойной слабости своей природы: онтологической (человек смертен) и нравственной (человек греховен). На этом уровне описания сходство трех монотеистических религий несомненно. Однако в акцентировках статуса человека перед лицом Бога существуют значительные расхождения.

В Коране нет идеи сотворения человека по образу и подобию Бога. Скорее, говорится о том, что Бог создал человека по его собственному образу: «Дал вам образ и прекрасно устроил ваши образы» (Коран 64:3). Или в другом месте: «О человек, что соблазняет тебя в Господе твоём щедром, который сотворил тебя, выровнял и соразмерил, в таком виде, как пожелал, тебя устроил!» (Коран 82:6-8). Нельзя сказать, что в исламе вообще отвергалась идея богоподобия. Многие мусульманские мистики, стремясь обосновать эту идею, ссылались на два хадиса, в которых ее можно усмотреть. В одном говорится, что Бог создал человека «по его образу», в другом – создал человека «по образу Милостивого» (Милостивый – одно из основных имен Бога в Коране). И все же большинство мусульманских комментаторов в первом хадисе местоимение его относили не к Богу, а к человеку; второй же хадис, как правило, считался недостоверным, то есть не восходящим непосредственно к Мухаммаду.

Из новозаветного вероучения следует, что как бы сильно ни была повреждена онтологическая природа человека первородным грехом, она уже частично реабилитируется тем, что человек создан по образу и подобию Бога и окончательно реабилитируется искупительной жертвой Христа. Иное дело в Коране, который онтологическому статусу человека не придает сколько-либо серьезного значения, но сосредоточен преимущественно на нравственном несовершенстве человека. Человек сам по себе, вне послушания и покорности Богу – ничто, он ничтожен, непостоянен, слаб. Эта тема часто звучит в Коране. Например, «истинно, человек сотворен малодушным, колеблющимся» (Коран 70:19), «человек восстает» (Коран 96:6), «человек более всего препирается» (Коран 18:54), «человек враждебен», «неблагодарен» (Коран 36:77 и 17:67), «когда Мы благодетельствуем человеку, он удаляется, уходит в свою сторону, когда же постигает его бедствие, он отчаивается» (Коран 17:83).

Любое действие человека всецело зависит от творящего, созидательного действия Бога. «Бог – творец всякой вещи» (6:102), – говорится в Коране и, более того, подчеркивается: «Господь наш творит, что желает... и нет у Него соучастников» (28:68). Бог не просто поддерживает мир, свободно им распоряжается, но творит его, так что в каждое последую-

щее мгновение любая вещь, любое существо, каждый человек суть иная, иное, иной. Тварный мир не обладает даже относительным онтологическим статусом. Не через промысел только, а через само перманентное творение он зависит от Бога. Между действием и его последствиями Бог устанавливает лишь связь привычки, обычности, но Он волен в любой момент нарушить эту связь, все изменить. Таким образом, тварный мир не обладает даже относительным онтологическим статусом.

Равно как и действия человека не имеют никакой внутренней онтологической реальности. Вместе с действием человека Бог творит и его способность принять или отвергнуть добро, принять или отвергнуть зло.

Однако сам по себе человек не способен различать добро и зло. В отличие от христианства в исламе проблема естественной способности человека выбрать между добром и злом не ставилась. Различение добра и зла дается человеку в откровении. Примечательно, что кораническое понятие «фуркан» (различение добра и зла) часто употреблялось в значении «богооткровенная книга» (не только по отношению к Корану, но и Евангелию или Торе).

Итак, Бог – единственная онтологическая реальность. Этот онтологический нигилизм по отношению к тварному миру отчетливо прослеживается и в мусульманских представлениях о равенстве, грехе и спасении.

Идея равенства всех людей перед Богом имплицитно содержится как в новозаветном, так и в кораническом вероучениях. Однако основания этой идеи различны. В христианстве эта идея имеет прежде всего онтологическое обоснование. Оно заключается в единстве человеческой природы, созданной Богом по Своему образу и подобию, природы разумной, свободной и предназначенной через благодать к сверхприродной цели. Человеческий род нерасторжимо связан единством своей природы и таинством искупления, которые делают людей сопричастными Богу и уже в силу этого равноправными.

Идея равенства в исламе имеет скорее не онтологические, а юридические основания. Все верующие в единого Бога, будь то халиф или абиссинский раб, равны перед божественным законом и через исполнение этого закона предназначены к той же сверхприродной цели. В Новом Завете утверждается безусловный приоритет благодати перед законом.

Кораническая концепция греха также во многом отлична от новозаветной. В Коране нет понятия первородного греха. Грех Адама, вкусившего от древа вечности (не от древа познания добра и зла, как в Книге Бытия; в Коране речь идет либо просто о дереве, либо о дереве вечности) есть акт его личного непослушания Богу. Он не имел последствий

для всего человечества. И многие современные мусульманские авторы утверждают, что грех Адама не имел наследуемого статуса. Этот грех не нанес человеку непоправимого ущерба. Из Корана следует, что человек не столько греховен, сколько слаб и нуждается не в искуплении, а в руководстве, без которого он неминуемо впадает в заблуждение.

Проступок Адама повторяют все люди (за исключением Марии и Иисуса, которых, согласно мусульманскому преданию, при рождении не коснулся сатана). Грех каждого человека – это его личный грех. Согласно Корану, грех имеет нравственную, но отнюдь не онтологическую природу. Добро и зло, как уже отмечалось, вообще не присуще природе людей. Единственный критерий нравственности – божественная воля. Различение добра и зла дается людям в откровении, в законе, в котором Бог возлагает на человека определенные обязанности (таклиф). От добросовестности их выполнения зависит судьба человека в этой и будущей жизни.

Сущность добра для человека – в послушании божественному закону, неповиновение божественному закону неминуемо ведет к греху. Соответственно степени неповиновения мусульманские законоведы и теологи различали большие и малые грехи. Однако согласно большинству суннитских богословов мусульманин, даже совершив большой грех, остается правоверным, а в будущей жизни его ждет только временное наказание. Единственный грех, которому нет прощения, – грех отступничества от веры в единого Бога, а следовательно, и от мусульманской общины. Таким образом, уже сама принадлежность, верность мусульманской общине есть залог спасения человека. В Коране грешникам прямо противопоставляются мусульмане.

Концепция нравственной природы греха определяет и особенности коранического учения о спасении, которое в общих чертах выглядит следующим образом. Человек по своей природе рождается добрым и верующим, но нравственно нестойким. Его собственных сил не хватает для того, чтобы быть праведным, но недостает ему для этого только моральных сил. Обрести эти силы человек может, приемля божественное руководство. Именно поэтому Бог по Своему милосердию периодически посылал людям Своего пророка или посланника с тем, чтобы они напоминали людям, что они должны делать для своего спасения. Собственно, каждый новый пророк, включая и последнего – Мухаммада – с большей или меньшей степенью полноты сообщал, а точнее, напоминал слабым и забывчивым людям одно и то же. Бог создал человека в таком виде, в каком пожелал. Как творение Божие, тем более творение избранное, наместник Бога на зем-

ле, которому даже ангелы должны были поклониться, человек изначально не может быть плох. Но именно как творение, бесконечно далеко отстоящее от своего Творца и ни в коем случае с Ним не сравнимое, человек неизбежно должен быть слаб и неустойчив. Поэтому он нуждается в постоянном руководстве Бога. Первый человек Адам был и первым посланником, т. е. тем, кому Бог дал свое руководство.

Приятие божественного руководства, данного в пророках и писаниях, уже достаточное основание для восстановления изначальной праведности и обретения спасения. Здесь основное отличие коранического учения о спасении от новозаветного. Новозаветное учение о спасении утверждает принципиальную невозможность спастись человеку самому по себе, каким бы совершенным законам он не следовал. Безнадежно повреждена природа человека, и нужна жертва Самого Бога, чтобы человек мог примириться с Ним и спастись. Нельзя не отметить, что в историческом исламе постоянно предпринимались попытки найти в кораническом учении основания если не для идеи искупления, то, по крайней мере, для заступничества. В X веке в народном исламе вопреки осуждению со стороны законоведов складывается идея эсхатологического заступничества Мухаммада за верующих его общины. Только однажды упоминаемый в Коране «путь геенны огненной» превращается в учение о мосте, тоньше волоса и острее меча, переброшенном через ад. В рай по нему смогут пройти только праведники. Люди же грешные, но веровавшие в единого Бога смогут одолеть этот мост благодаря ходатайству за них Мухаммада перед Богом.

Другой пример – культ святых, который постепенно оформился в суфизме. Он чужд кораническому учению. Святые в исламе – это близкие Богу люди, которые в какой-то мере наделялись статусом посредников между Богом и людьми.

В самом же Коране отношения между Богом и человеком строятся на бесконечном милосердии и снисходительности к человеку со стороны Бога и добровольной покорности, послушании Богу со стороны человека. Милосердие и послушание. Любовь человека к Богу и Бога к человеку нашла в исламе глубокую разработку в учениях мистиков. Однако суннитское богословие и законоведение относились к этой теме с крайней осторожностью.

В Новом Завете любовь Бога к человеку и любовь человека к Богу, и любовь человека к человеку основные темы, тогда как законоведческий ислам в полемике с суфизмом осуждал идею любви к Богу. Любовь есть волевой акт, а конечная воля человека не может иметь своим

объектом бесконечное. Совершенная вера должна выражаться в любви к закону, к установлениям Божьим, а не к Самому Богу.

В кораническом игнорировании онтологической природы человека не следует видеть приниженность человека, умаление его достоинства. Человек слаб, сам по себе несостоятелен, но он должен найти в себе силы признать этот факт. Раз признав его и доверив себя Богу, он становится Его избранником, субъектом Его бесконечного милосердия. Будучи верным Богу, человек становится ни много ни мало Его заместителем на земле. Признавая свое несовершенство, свою слабость, человек ставит себя на свое место. Всемогущество Бога сделает все остальное. «И полагайся на Всемогущего, который видит тебя», – утверждается в Коране.

Мусульмане верили в то, что они призваны Богом установить справедливый человеческий политический и социальный порядок на земле. Фундаментальное исламское учение о единстве Бога требует также единства религиозной человеческой общины. Исламское название такого единства – таухид. Мусульмане провозглашают Бога Единым и подкрепляют, поистине воплощают это утверждение энергичными усилиями к единству в доктринальном, ритуально-молитвенном и общественном измерениях своего существования, которые регулируются Кораном, а также учением и примером Мухаммада, закрепленными в его Сунне.

Мусульмане четко проводили грань, отделяющую их от немусульман. Общепринятое исламское приветствие ас-салам-алейкум, «Мир вам!», использовался только среди мусульман. Мусульманкам было запрещено выходить замуж за иноверцев, а мужчины-мусульмане могли брать в жены только тех, кто верует в единого Бога. Дети от такого брака считались мусульманами и должны были воспитываться соответствующим образом. Закрытая община, которой была средневековая Умма, не была враждебна тем, кто находится вне ее, в том смысле, что не развивалась в изоляции от других общностей, в том числе и религиозных. Но Умма не позволяла своим членам отдаляться от себя и при этом по-прежнему считаться мусульманами. Мусульмане активно принимали в свои ряды немусульман и язычников.

Первый столп ислама – Шахада, является одновременно формулировкой догмата и актом публичного исповедания веры. После того как это краткое исповедание веры произнесено, следующая обязательная ступень – каноническая молитва, известная под названием Салат. Отправление данного молитвенного обряда – это чаще всего исполняемая и самая распространенная из религиозных обязанностей верующего мусульманина; он должен совершаться пять раз в день, а также в

особых случаях, таких, как похороны или затмения. Салат в высшей степени формализован и подчиняется детальнейшим предписаниям, строго определяющим чередование словесных формул и телодвижений. Предписываемый Кораном и разработанный для ранних мусульман Мухаммадом, Салат скреплял единство Уммы в веках и внутри географических границ ислама, сообщая его культовой практике куда большее единообразие, чем знала любая другая религия. В исламе не существует клира в строгом смысле слова, так что каждый взрослый мусульманин должен знать Салат и быть готов в случае необходимости возглавить моление. Это особенно важно в подчёркивании равенства всех членов общины верующих перед Богом.

Ещё одним фактором единения мусульман являлся и является Закат. Закат – это род религиозного налога на некоторые виды имущества и богатства, под действие которого попадают те, кто располагает определенным минимальным уровнем доходов. По мусульманским представлениям, Закат очищает оставшуюся часть собственности дающего.

Эта милостыня собирается в конце каждого года для поддержки различных слоев населения: бедных мусульман, новообращенных, нуждающихся в помощи, чтобы «встать на ноги» (во многих обществах переход из одной религиозной общины в другую может иметь своим следствием радикальный разрыв, иногда даже социальную или экономическую «смерть»), для мусульман, по уважительной причине оказавшихся должниками, для мусульман – нищих путников, для мусульман-военнопленных, для мусульман, защищающих или пропагандирующих ислам, и для тех, чья работа – сбориание Заката. Закат не считался благотворительностью, это религиозная обязанность, которая наряду с Салатом рассматривается как основной акт служения Богу. Салат ярко символизирует абсолютную покорность одному, всемогущему Богу; Закат символизирует укорененность мусульман в жизни общины: помогая друг другу своим достатком, они тем самым не только укрепляют сплоченность и безопасность Уммы, но и делают ее чище. Коран уподобляет Закат ссуде, выдаваемой Богу, за которую он оплатит сторицей. Таким образом, Бог требует от мусульманина соучаствовать ему в поддержке существования праведной общины верующих. Халифская деятельность человека – это реальные возможности и ответственность, сводящиеся к распоряжению земными благами. Бог наделил свои создания богатством, и перед человечеством выдвинуто требование вернуть его деяниями, усиливающими общину. Иными словами, поддерживать общину посредством Заката – значит поклоняться Богу.

Главной причиной того, что мусульманская община обладала и продолжает обладать высокой степенью единообразия внутри обширных и разнящихся культурно, географически и лингвистически регионов, является Сунна Мухаммада. Сунна обеспечила специфическое руководство, предписывающее мусульманину, во что он должен верить и как поступать, чтобы сохранить исключительность характера Уммы как народа Божьего. Быть частью Уммы – значит быть в какой-то мере причастным «спасению», и Сунна, передаваемая от отца к сыну из поколения в поколение, составляет основу моделей поведения мусульман.

Прочная общинная структура мусульманской Уммы задается и регулируется Шариатом, «путем», предопределенным Богом и изложенным в Коране и Сунне. Шариат – это совокупность правовых, морально-этических и религиозных норм ислама, охватывающая значительную часть жизни мусульманина и провозглашаемая в исламе как «вечное и неизменное» Божественное установление; одна из конфессиональных форм религиозного права. Но Писание и учение Мухаммада сами по себе не могут быть применены без соблюдения определенной связности и метода. Их развитие было делом различных школ исламской юриспруденции (фикх), возникшей в первые три века ислама. Шариат включает в себя актуальное право, однако выходит за его рамки, определяя всеобщие законы отношений Бога и человечества. Люди – служители Бога, но они также обладают привилегией быть Его халифами, на которых возложена задача справедливо управлять земными делами в своем историческом существовании. Шариат – это инструментарий, при помощи которого мусульманская община сохраняется в течение веков, поддерживая тесную связь между своими членами, которая в свою очередь возможна лишь благодаря тесной связи между каждым мусульманином и Богом. Главенство Шариата над народом Бога – суть ислама.

Таким образом, представители христианского и исламского мира в осмыслении места и роли личности в обществе руководствовались религиозными постулатами, определявшими сущность и природу человека, его духовные основы и социальные роли.

Глава III. Личность и семантика средневекового общества

Средневековый человек предстает перед исследователями в разных социальных типах – монаха и рыцаря, крестьянина и бюргера, нищего и бродяги, школяра и студента и т. д.

При всем многообразии социальных и индивидуальных воплощений можно выделить общие характеристики, присущие в целом человеку этой эпохи. Люди жили в сформированной христианством идеологической и культурной системе, в особом мире представлений и чувствований, который предполагал и общие верования, и общие страхи, и специфические формы поведения. Среда, уровень образованности, историко-географические различия зон проживания вносили свои коррективы в культурное и психологическое поведение человека, не устрояя то общее, что было присуще ему именно как человеку западноевропейского христианского мира, средневековой цивилизации.

Одна из таких общих характерных черт – одержимость сознанием своей греховности и ее предвестия пороков, которые рассматривались как уступки дьяволу.

Козни дьявола проникали во все сферы повседневной жизни средневекового человека. Рассказы о них были излюбленными темами нравоучительных проповедей и «примеров», коротких историй, житейских анекдотов, призванных воспитывать благочестие и внушать пастве отвращение к греху.

Дьявол и его воинство, черти и чертенята, смущают благочестивых, мешают творить молитву, влезают на спину во время богослужения. Они принимают образ свиней, змей, псов, кошек, обезьян и незаметно влекут людей к соблазнам. Они прикидываются добрыми и даже творят чудеса (волшебство, которое в средневековом сознании переплеталось с чудотворством).

Не слишком полагаясь ни на собственное благочестие, ни на милосердие Божье, человек Средневековья отдавал себя в руки магии, которая должна была защитить его от реальных и сверхъестественных опасностей. Средневековое сознание разработало систему магических средств защиты от враждебной силы. В центре этой магии был поставлен крест – знак мученической кончины Христа, наделенный чудодейственной способностью отгонять нечистых духов. Крест – важнейший символ христианства, его водружали на церквах, наперсный крест носили князья церкви, крест выносили во время литургии, знак креста ставили в начале делового документа, знаком креста осеяли пищу. Магическую, чудесную силу приписывали мощам святых. Церкви гордились священными останками христианских мучеников и героев. Но более усердными покровителями, нежели святые, были ангелы. Каждый человек имел своего ангела-защитника, как, впрочем, и своего демона.

В XII в. складывается представление о семи смертных грехах. Это – гордыня, скупость, чревоугодие, роскошь, гнев, зависть, лень. Но на-

ряду с этим существовали особые дьявольские обольщения, которым были подвержены представители тех или иных сословий: монахи – лицемерию, рыцари – разбою, купцы – обману и ростовщичеству, клирики – симонии (приобретение должностей за деньги).

В 1215 г. IV Латеранский собор вменил всем верующим обязательную ежегодную исповедь и покаяние в грехах перед лицом священника, представителя Бога. Очищение от грехов посредством исповеди считалось настолько действенным средством исцеления души, что способно было даже изменить внешний вид человека.

Страх смерти и Суда «в конце времен» владел всеми. Церковь настойчиво внушала мысль, что спасутся немногие. В представлениях средневекового человека о Страшном суде исследователи отмечают некую двойственность. С одной стороны, согласно учению церкви, Страшный суд мыслился «в конце времен», как общий для всех, но с другой – в популярной проповеднической литературе, в нравоучительных рассказах и примерах сообщалось о немедленном суде над душой умирающего или умершего. В сознании простых людей эти два образа Страшного суда сливались в один – суд, который вершится над человеком в момент его кончины, тогда как Страшный суд перед Вторым пришествием представлялся далеким и неопределенным. Люди были уверены: Судный день уже на пороге, он уже происходит для многих грешников, но тем из них, кто готов покаяться и изменить свое поведение, может быть дана отсрочка и возможно даже возвращение души в тело. Многие впадали в отчаяние, полагая, что для них все кончено и исповедь их уже не спасет. Все это порождало общую атмосферу страха и ощущение виновности.

Священники внушали верующим мысль о неизбежности кары за грехи, о вездесущности Господа и вместе с тем о его милосердии. Большие надежды на смягчение наказания связывали с вмешательством Богоматери, Верили, что она способна вызволить из когтей Дьявола даже великого грешника, если он поклонялся ей при жизни.

Средневековый человек постоянно ощущал себя окруженным «видениями». Средневековая проповедническая литература, в частности такой ее жанр как «пример», сохранила содержание этих «видений», описывающих путешествие в потусторонний мир, совершаемое монахом или мирянином во сне. Посещаются Ад с его огненными реками, чудищами и муками грешников, Рай, где благоухают луга и раздаётся ангельское пение, Чистилище (с XII в.), где души умерших подвергаются всевозможным испытаниям. Эти тексты написаны чаще всего мона-

хами, но они отражают народные представления, фольклорные языческие мотивы (мост в потусторонний мир, охраняемый фантастическими животными, винные и медовые реки в запредельной стране сытости и блаженства), веру в чудеса и спасительную силу магии, свойственную и средневековому книжнику, и простецу, человеку «из народа».

И те, и другие верили в оживших мертвецов «временно» умерших и живых, посещающих мир иной.

«Тот свет», как он виделся средневековому человеку, не имел ничего общего с вечным покоем и сном, не говоря уже о том, что происходящее там напоминало сцены повседневной жизни горожанина или крестьянина.

В этом мире (открывшемся нам благодаря исследованиям французского медиєвиста Ж. Ле Гоффа и российского историка А.Я. Гуревича) сама вечность находилась буквально «в двух шагах» от времени земной жизни человека. Самый впечатляющий пример «вторжения» воображаемого средневековым человеком пространства и времени в реальную жизнь – Чистилище.

Средневековье представляло Чистилище как некое «опосредствующее», «третье» пространство между Раем и Адом, как место временного пребывания души человека «между смертью и воскресением», где она может очиститься не от самых тяжелых своих грехов. Считалось, что душа в Чистилище сохраняет некую телесную оболочку, которая и испытывает страдания.

В отличие от Ада и Рая, соотносимых с вечностью, существование Чистилища должно прекратиться к моменту Второго пришествия, когда его обитатели присоединятся к Раю, преддверием которого, собственно, и считали Чистилище. Таким образом, Чистилище сосуществует с земной историей и завершает свое бытие одновременно с земным.

Идея Чистилища восходит к раннехристианским представлениям о возможности при определенных условиях «выкупить» некоторые грехи уже после смерти. Однако образ его, как особой структуры потустороннего мира, окончательно утверждается лишь между 1170 и 1220 гг. Это произошло «под давлением потребности верующих в сохранении надежды на спасение, хотя бы и ценою мук, которые душа испытывает в течение более или менее длительного времени». На протяжении нескольких столетий теологи не решались прямо сформулировать идею Чистилища и видимо потому, что это «третье место» потустороннего мира не было предусмотрено Писанием и Отцами церкви. Это стало возможным под давлением действительности и изменения сознания самого человека. Жак Ле Гофф, французский исследователь, обращает внимание на то, что ут-

верждение образа Чистилища в богословской и проповеднической литературе, в обществе в целом, совпадает со все возрастающей привязанностью средневекового человека к благам земной жизни и вместе с тем все большим отдалением его в своем сознании от вечности, стремлением продлить время, разделявшее его брэнное существование и день Страшного суда. Заинтересованность в Чистилище, тщательное вычисление сроков пребывания там души выявляется одновременно с усилением внимания общества к счету, арифметике, числовым выкладкам, а также – к географии как земного мира, так и потустороннего.

Верили, что в Чистилище ведут «земные впадины», которые находятся в разных частях мира: это кратеры в Сицилии, гроты в Ирландии, Но пройти очищение можно было и другим путем.

Утверждение образа Чистилища сопровождалось изменением восприятия времени, которое стало осмысляться как объективное и субъективное: длительность и «интенсивность» пребывания в Чистилище зависела от количества и характера грехов умершего и это «объективное» время не совпадало с ощущением самого «посетителя», который полагал, что провел в Чистилище в десять или сто раз больше времени, чем на самом деле он был там. Переход из времени Чистилища в вечность воспринимался как особое торжественное событие, которое Данте в своей поэме (идеально отражающей движение по кругам Ада и различным областям Чистилища и Рая) обозначает ударом грома.

Вера в Чистилище заставила с большим вниманием относиться к обстоятельствам смерти человека, к его поведению в момент земной кончины, а также к поведению его близких после его смерти, ибо только их благочестие могло очистить усопшего от части его грехов: вера в Чистилище вынуждала общество по-новому осознать момент земной смерти. Она обогатила, усложнила и драматизировала похоронный обряд. Теоретически, каждый христианин мог помочь душе усопшего быстрее покинуть Чистилище.

Возносить молитвы за спасение души считалось долгом всех близких человека, причем не только родных, но и братьев по той или иной корпорации, прежде всего членов монашеских орденов.

На вере в то, что молитвы, мессы и приношения даров могут сократить срок пребывания душ в Чистилище, строилась широко распространенная в эти столетия практика завещаний. Составители их, завещая денежные суммы, были озабочены тем, чтобы за их души наследники отслужили как можно больше месс, особенно в первые месяцы после кончины, с тем, чтобы как можно скорее вызволить душу

из мук. Так возникала новая солидарность внутри семейного коллектива, городской общности, цеха, религиозного братства, ордена. Время, проводимое в Чистилище, определялось силой взаимной ответственности людей, интенсивностью и прочностью социальных связей умерших, также как и мерой индивидуальной ответственности человека перед самим собой в его смертный час.

Невидимый сверхъестественный мир проявлял себя в чуде. И жажда чуда – еще одна характеристическая черта сознания средневекового человека. В частное, прямое или косвенное, вмешательство Бога в порядок земной жизни верили все. Существовала целая иерархия выразителей и передатчиков божественной воли. Наиболее могущественная из них – Дева Мария, которая, как считалось, может добиться от Бога любого чуда.

Почитание Марии, как «Новой Евы» особенно распространилось с XI в. В 1140 г. был введен праздник Непорочного зачатия Марии. Богородица пользовалась особым народным почитанием. Ее трактовали как заступницу за людей перед Христом. Гвибер Ножанский объясняет как Мария, принадлежащая сотворенному миру, могла влиять на Творца: ведь она, заявляет Гвибер, мать Бога, а мать не просит, она приказывает. Вот почему Христос слушает ее и, прислушиваясь к ней, может менять свои решения. С культом заступницы, в котором отчетливы языческие народные мотивы, переплетается и поклонение тому вечно женственному началу, которое воспевали трубадуры и воплотили в камне скульпторы XII-XIII вв.

Иерархия заступников и чудотворцев продолжалась святыми. Каждая местность, каждая церковь или аббатство имели своего святого-покровителя, так же как и каждый человек считал своим заступником святого, именем которого он был наречен при крещении. Крупные святые обладали также большими возможностями в осуществлении чуда, но подчас местные святые вполне успешно с ними конкурировали.

Чудотворная сила святых проявлялась в самых разных сферах: изгнание бесов, умножение плодородия, защита от стихийных и общественных бедствий и т. п., но особенно – в целительной практике, где чудеса особенно часты. В позднее Средневековье развивается «специализация» святых: покровительство тому или иному ремеслу, способность исцелить от той или иной болезни. Но бывали и случаи «совместительства»: Святая Гертруда, сопровождавшая души умерших непосредственно после смерти, в то же время защищала от мышей.

Образ святого в средневековой культуре сформировался не только на основе христианской мифологии. Свой вклад в его разработку вне-

сли народная фантазия, волшебная сказка, фольклор, языческие верования в заклинания, амулеты, обладавшие магической силой и т. п.

Идеал христианского смирения, преданность Христу, отказ от мирских радостей, сосредоточение помыслов и сил на спасении души и служении Богу соседствовали и тесно переплетались здесь с жаждой чуда, с верой в волшебную силу всего, что имело отношение к святому, будь то его личные вещи, слезы, слюна или пыль с его усыпальницы.

Средневековое общество, каким оно выступает в житийной литературе, – общество, где люди и святые находятся в постоянном контакте и взаимодействии. Почитатели возносят молитвы своему святому, всячески его ублажают, но одновременно считают себя в праве предъявлять ему требования, когда тот долго не догадывается, каких благодеяний от него ожидают.

Отношения со святым, как и его образ, как показывают исследования А.Я. Гуревича, моделировались по образу и подобию земных, человеческих: дар требовал вознаграждения. То, что привлекало средневекового человека больше всего – это то, что любой неблагоприятный поступок мог повлечь за собой немедленное наказание со стороны заинтересованного небесного заступника. Он мог защитить и творить сверхъестественное.

Наряду со святыми, признанными и канонизированными церковью, широко было распространено и лжечудотворство. Чтобы избежать сомнительных случаев, претендующих на чудотворство, церковь с начала XIII в. стремится ограничить целительную практику святых их посмертным периодом. Это имело результатом распространение и расцвет культа мощей, прикосновение к которым могло повлечь за собой чудо и в котором было много от языческих верований в амулеты, священные предметы.

Таким образом, мир средневекового человека наполняли чудеса. «Чудесное», считает Жак Ле Гофф, один из крупнейших исследователей проблемы мировидения средневекового человека, – больше, чем другие элементы средневековой культуры и менталитета принадлежит предшествующим эпохам. Свои представления о чудесном Средневековье черпало из разных источников – памятников Античности, варварской, языческой, мифологии, фольклора, Библии. Но христианство в целом внесло мало нового в эту сферу средневековой культуры.

«Чудесное» – то, чего нет в действительности, но, что могло бы быть, что выходит за рамки нормального, естественного. Чудесное обычно связывали с различными местами, странами (горы, острова, источники, замки и т. д.), человекоподобными существами (велика-

ны, карлики, феи), фантастическими животными (грифоны, драконы и т. д.) и людьми (женщина-змея Мелузина, женщины-птицы – сирены), чудесными предметами (рог изобилия, волшебное кольцо, делавшее невидимым). Оно проявляло себя через сны, видения, в магических действиях, ведовстве, в фантастических описаниях людей, животных, населяющих окраины Ойкумены и в фантастических чудовищах изобразительного искусства.

Христианство было нетерпимо к чудесному, которое как бы противостояло его запретам и табу, утверждая культ чревоугодия, праздности и беспечности, трансформируя человека в животное, что было особенно скандальным для христианской идеологии, сосредоточенной на человеке как «образе и подобии Божьем». Вплоть до XII-XIII вв. чудесное оставалось главным образом принадлежностью традиционной, «народной» культуры, фольклора. Но одновременно церковь стремилась, особенно начиная с XIII в. «нейтрализовать» эти традиции чудесного, постепенно преобразовывая их, наполняя новым, христианским смыслом. Церковь тщательно разделяла чудотворное (сверхъестественное «божественное», христианское) и чудесное (сверхъестественное «естественное» – языческое), отодвигая его постепенно в осуждаемую область суеверий. Особенность чудесного, согласно этой концепции, в том, что источником его выступают силы разнообразные, в том числе и природные, тогда как источник чудотворного один – Бог, божественная сила.

Бог мог позволить себе вмешательство в законы природы, как это имело место в случаях установления истины в ходе судебного разбирательства. В чудесном средневековый человек находил противовес банальности повседневного размеренного существования. Это – особый универсум, мир – во всем противоположный земному, обыденному. Там изобилие пищи, нет нужды в одежде, топливе, тяжком труде. И именно к сфере чудесного относится распространение в начале XIII в. представления о стране сытости – Кокань, «стране навыворот», где нет забот и все сыты. Но одновременно «чудесное» – также форма сопротивления официальной христианской идеологии. Отсюда настороженность церкви. Она стремилась подчинить чудесное чудотворному, чудотворству, давая ему символическое или морализаторское истолкование. Вместе с тем стремление укрепить свое влияние на паству и общество делало церковь все более терпимой к его восходящим к древности представлениям. Результатом стало торжество чудесного в культуре готики классического Средневековья.

Характеристической чертой мировоззренческого инструментария средневекового человека, вытекающей из особенности видения им мира, является также «мышление символами».

Мир, – утверждал Блаженный Августин, состоит из знаков-символов и вещей. «Вещи» – материальные предметы, реалии жизни, но одновременно они – суть, отображение, знаки чего-то им соответствующего в сфере более высокой, сверхъестественной и священной. Мыслить, согласно средневековому сознанию, означало – открывать эти скрытые значения. Средневековый человек вынужден был постоянно «расшифровывать». Но это определяло его зависимость от клириков – духовенства, знатоков символики, людей, владеющих книжным знанием, способных прояснить для неграмотных простецов, мыслящих магическими образами, скрытый смысл символов, открывающих доступ в истинный и вечный мир, к спасению.

Символикой было пронизано все. Она начиналась уже на уровне слова: «назвать вещь – значит ее объяснить», утверждали христианские авторитеты, а понимание – «есть знание и овладение вещами, реальностями». И далеко не случайно, считает Ж. Ле Гофф, «фундаментом» средневековой педагогики было изучение слов и языка – тривиум: грамматика, риторика, диалектика. Грамматика составляла основу школьного преподавания и средневековые авторы воздавали ей почести, потому что она учила не только буквам и слогам, но и языку символов.

Символическим была пронизана природа и искусство, особенно архитектура. Символика господствовала в церковном и мирском церемониалах, таких как, например, миропомазание и рукоположение в сан духовного лица, коронация, выходы короля или папы и т. д.

Средневековый человек, по выражению Ж. Ле Гоффа, был заморожен «числом» и связанной с ним символикой. Вплоть до XIII в. наибольшее восхищение вызывали символические цифры: 3 – Троица, 4 – число Евангелистов, рек Рая, главных человеческих доблестей; 7 – число Божьих даров, таинств, смертных грехов; 10 – десять Заповедей Бога и Церкви; 12 – число Апостолов и месяцев в году и т. д. Целый универсум символических цифр, раскрывающих смысл и скрытые судьбы человечества, содержит Апокалипсис. В их числе и мифическая эпоха тысячного года (миллениум), как «периода устрашающего и вселяющего надежду человечеству», когда, вслед за испытаниями Антихриста, последует долгое царство правосудия и мира на земле. По мере роста общественных потребностей, распространения товарно-денежных отношений, проникновения их в феодальное хозяйство, усиление купе-

чества, эта увлеченность числами и вычислениями начинает сочетаться с точным счетом, арифметическими операциями.

Неграмотность, ограничивавшая возможности использования письменного слова, обусловила большое значение изобразительных форм в жизни средневекового человека и их воздействие на его чувство и разум. Церковь сознательно и широко использовала образ как инструмент воспитания, и дидактическая и идеологическая функции картины, скульптуры долго преобладали над эстетической ценностью. Вплоть до XIII в. естественные формы искажались в угоду символическому смыслу. Лишь с XIII в. по мере утверждения новой символической системы, основанной на имитации природы и использовании перспективы, начинает утверждаться «реалистический» образ.

В средневековом обществе, где чудесное было неотделимо от земного, где господствовало символическое мышление, большое значение придавали снам. Считалось, что сны способны открыть царство воображаемого, мир грез. Но сны – также источник страхов и соблазнов, поскольку они, как утверждала церковь, являются излюбленным полем битвы между дьяволом и Богом за то, чтобы погубить или спасти человека. В изображении снов библейских персонажей соревновались скульптура и живопись. Сон-чудо – неперемный атрибут, принадлежность и признак святости сновидца: святому Мартину, который отдал половину своего плаща встретившемуся ему бедняку, тот явился во сне в своем «истинном облике» – облике Христа.

Но предсказательные сны, предупреждала церковь благочестивых людей, исходят не только от Бога, но и от Дьявола.

Сон и у мирян, и у клириков рассматривался как состояние, которого желательно избегать, во всяком случае, не предаваться ему чрезмерно. Клирики в этом вопросе руководствовались аскетическим идеалом. Простые люди воспринимали сон и ночь как особенно зловещий и опасный промежуток времени. Средневековые медики объясняли (с XII в.) феномен сна и сновидений (в соответствии с теорией четырех телесных соков) как следствие пищеварения, исходя из чего давали конкретные рекомендации поведения. Сообщаемые средневековыми источниками прямые свидетельства о сновидениях и спящих охватывают широкий спектр различных ситуаций от случайно подмеченного разговора во сне, храпа, хождения и сомнабулического поведения, до точного описания ночных страхов, в том числе и у детей. Они включают в себя также описания состояния бессонницы, которую некоторые из страдавших ею объясняли состоянием перевозбуждения.

Описания конкретных сновидений эпохи Средневековья отражают жизненные обстоятельства людей того времени. Поскольку грамотность была распространена преимущественно в высших слоях и клерикальной среде, то традиционные тексты передают прежде всего заботы, нужды, радости и чаяния этих общественных групп, причем чаще всего мира духовенства. Традиционны и широко распространены сюжеты, в которых спящий входит в контакты с церковными деятелями или святыми, передает их повеления или пожелания; получает предостережения относительно собственной близкой кончины или своих домочадцев.

Таким образом, средневековый человек предстает перед нами обремененным тяжелым грузом представлений, восходящих к глубокой древности и трансформированных христианством.

Вопросы для самоконтроля

1. Что на Западе и Востоке в период Средневековья служило критерием определения личности?
2. Какие общие черты в определении роли личности можно выделить в христианском и исламском обществе Средневековья?
3. Можно ли утверждать, что кораническая этика наиболее приближена к повседневной жизни, чем евангельская?
4. Почему основной чертой мировоззренческого инструментария средневекового человека было «мышление символами»?

Источники

1. *Vita patrum*. Житие отцов, составленное святителем Григорием Турским / Пер. с фр. Л.Васениной. – М., 2005.
2. Средневековье в его памятниках: Сборник переводов / Переводы Н.А. Гейнике, Д.Н. Егорова, В.С. Протопопова и И.И. Шитца; Под ред. Д.Н. Егорова. – М., 1913.
3. Карло Гинзбург. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. /Перевод с итальянского М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской. Предисловие О.Ф. Кудрявцева. – М., 2000
4. Коран. – М., 1999.

Литература

1. Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. – М., 1965.

2. Большаков О.Г. История Халифата. I. Ислам в Аравии (570-633). – М., 1989.
3. Гуревич А.Я. К читателю // Одиссей: Человек в истории. – М., 1989.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984.
5. Гуревич А.Я. Человек средневековья // История Европы: В восьми томах с древнейших времен до наших дней. Т. 2: Средневековая Европа. – М., 1992.
6. Ислам: Религия, общество, государство. – М., 1984.
7. Конрад И.И. Запад и Восток. – М., 1966.
8. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. – М., 2001.
9. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
10. Массе А. Ислам (очерк истории). – М., 1982.
11. Ястребицкая А.Л. «Новая историческая наука» и новый образ западноевропейского Средневековья // Средневековая Европа глазами современников и историков: Книга для чтения в пяти частях / Отв. ред. А.Л. Ястребицкая. – М., 1995.

РАЗДЕЛ II. ЛИЧНОСТЬ И ЕЁ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ ЗАПАДА

Глава I. Трёхчастная модель европейского общества

Монашество

Средневековое общество представляло собой не просто иерархию, определённую имущественным положением, но чёткую систему социальных ролей.

Писатель XII в. Гонорий Августодунский сравнивал общество с церковью, колоннами которой служат епископы, витражами – магистры, сводом – князья, черепичной крышей – рыцари, вымощенным полом – народ, поддерживающий и питающий своим трудом весь христианский мир. В XIII в. саксонский популярный проповедник-францисканец Конрад отождествлял алтарь с Христом, башни – с папой и епископами, хоры – с клириками, неф – с мирянами. Тогда же Бертольд Регенсбургский различал 10 социальных классов, соответствующих 10 чинам ангельским. Немецкий сборник проповедей, составленный ок. 1220 г., перечисляет 28 «etats» («состояний»): 1) папа, 2) кардиналы, 3) патриархи, 4) епископы, 5) прелаты, 6) монахи, 7) крестоносцы, 8) послушники, 9) странствующие монахи, 10) секулярные священники, И) юристы и медики, 12) студенты, 13) странствующие студенты, 14) монахини, 15) император, 16) король, 17) князья и графы, 18) рыцари, 19) дворяне, 20) оруженосцы, 21) бюргеры, 22) купцы, 23) розничные торговцы, 24) герольды, 25) крестьяне послушные, 26) крестьяне мятежные, 27) женщины, 28) братья проповедники (то есть доминиканцы). По существу, это были две параллельные иерархии клириков и мирян, возглавляемые, соответственно, папой и императором. В «Книге о манерах» Этьен из Фужера не использует еще термин «состояние» (статус), но в первой части этой своей поэмы он определяет обязанности королей, клириков, епископов, архиепископов, кардиналов, рыцарей, а во второй – вилланов, горожан и бюргеров, дам и барышень»... Завершением признания «etats» (церковью) было включение их в практику исповеди и покаяния. Учебники для исповедников в XIII в., определяя грехи и спорные случаи, стали, в конце концов, каталогизировать грехи по социальным классам. Каждому «etats» отводились собственные грехи и пороки. Иоанн из Фрейбурга в книге «Исповедальное»... распределяет грехи по 14 рубрикам – «статусам»: 1) епископы и прелаты,

2) клирики, владельцы бенефициев, 3) священники приходские, викарии и исповедники, 4) монахи, 5) судьи, 6) адвокаты и прокуроры, 7) медики, 8) доктора и магистры, 9) князья и прочие дворяне, 10) супруги, 11) купцы и «буржуа», 12) ремесленники и работники, 13) крестьяне, 14) «пахари» [4:245-247].

Согласно учению времени высокого Средневековья, трехфункциональное общественное устройство, духовенство относило к первому разряду. В теории оно представляло собой единую социальную категорию, обладавшую общим главой – папой римским. Он занимал вершину иерархии, подобной вассальной иерархии, объединявшей рыцарство. Церковная иерархия состояла из нескольких ступеней: епископы, священники, диаконы, низшие клирики. Единство духовенства подчеркивалось общностью исполняемой ими функции – богослужения, которое должно было отправляться единообразно, на одном (латинском) языке, в одно и то же время и в соответствии с единым календарем во всех церквях Европы.

В действительности же оно распадалось на ряд орденов со своими уставами и заботившихся о процветании ордена больше, нежели о процветании церкви. Духовенство не было единым и по другой – социальной – причине: оно включало в себя весьма разнородные элементы от князей церкви (прелатов), происходивших из баронских, а то и королевских семей, до приходских священников, подчас вышедших из крестьянства и мало отличавшихся по своему быту от крестьян-соседей.

Основной функцией духовенства было богослужение. Церковь должна была быть постоянно открытой, огонь в светильниках постоянно поддерживаться. Священники совершали обычное и более торжественное богослужение. Важнейшим элементом его являлась месса, в ходе которой магически осуществлялось превращение хлеба и вина в тело и кровь Христовы, после чего верующие причащались – миряне хлебом, клирики хлебом и вином, подчеркивая тем самым свое особое место в социальной иерархии. В обязанности священника входило крестить детей, причащать умирающих, благословлять странников, принимать исповедь кающихся, раздавать святую воду.

По своей природе духовенство было открытым сословием. Однако до середины XI столетия приходские священники нередко были женатыми, но после установления celibата – запрета вступления в брак, клир мог пополняться только за счет выходцев из других сословий. В духовенство вливались младшие сыновья сеньоров, которых система сохранения неделимого наследования земельной собственности выталкивала

из пределов рыцарства. Доступ в ряды клира был возможен и для других общественных разрядов, даже для сыновей зависимых крестьян.

Низшая ступень духовенства – клирик или диакон приходской церкви. Он помогал священнику отправлять службу, а в его отсутствие мог читать молитвы во время утрени или вечерни. Эта ступень была близка ученичеству: в течение нескольких лет практики такой клирик овладевал всеми секретами ремесла священника, как цеховой ученик ремеслом сапожника или дамуазо – воинским искусством. Низшие клирики (как исключение) могли быть женатыми людьми. Они знали грамоту и помимо своих церковных обязанностей выполняли некоторые другие: обучали детей читать и писать, составляли купчие и дарственные грамоты, вели приказчицьи отчеты в крупных (церковных и монастырских) хозяйствах. Окончание ученичества завершалось утверждением священником. Обряд выполнял епископ, которому надлежало, прежде всего, проверить грамотность и моральный уровень посвящаемого: доступ в ряды священников был закрыт для незаконных сыновей. Епископы проверяли имущественное состояние будущего священника: выясняли, есть ли у него «титул», т.е. гарантированный доход, – дело в том, что епископ брал на себя обязательство «не дать умереть с голода» тому, кого он посвятил в священники. Если у клирика не было «титула», он мог получить его от какого-нибудь лица или от монастыря. Утверждение священником в очень большой степени зависело от местного сеньора. Священник как бы «держал» от него землю и в некотором смысле оказывался его человеком. С XI века усиливается тенденция высвободить клир из-под контроля светской власти и подчинить духовным учреждениям.

Приходские священники, низшее звено в среде священнослужителей, разделялись на два разряда: в Англии их называли ректорами и викариями. Ректоры были самостоятельными людьми, имевшими церковный бенефиций (земельное держание) в своем распоряжении, равно как и все церковные доходы. Викарий находился под патронатом какого-нибудь учреждения (обычно монастыря), присваивавшего себе две трети доходов его церкви. Самостоятельными ректорами могли быть в тех условиях, как правило, люди, принадлежавшие к местной знати; крестьянин, пробившийся в ряды духовенства, лишенный поддержки влиятельного фамильного линияжа (клана), мог рассчитывать лишь на положение викария с его нищенскими доходами. Он, по сути дела, продолжал и в церковном сане вести крестьянский образ жизни.

Утверждение священником предполагало наложение рук епископом на посвящаемого, помазание, передачу вина и хлеба – символов его действий, ибо превращение вина и хлеба в кровь и плоть Христовы во

время мессы было важнейшим моментом богослужения – и поцелуй как знак верности. Еще более торжественным было посвящение в епископы, когда происходило помазание головы посвящаемого мирром и передача ему посоха и кольца.

До VI в. специальной литургической одежды духовенства, т. е. такой, в которой совершалось богослужение, не было: клирики отличались от мирян лишь преимущественным употреблением белых одеяний и тем, что они выстригали на голове тонзуру. В быту клирики одевались как миряне, но литургическая одежда была парадной и изготовлялась из лучших льняных, шерстяных и шелковых тканей, часто ярких цветов, украшенных вышивкой.

Епископы по своему происхождению принадлежали к феодальной знати. Церковное право предполагало избрание епископа духовенством его области, фактически же епископ становился крупным феодальным сеньором или королем, осуществлявшим инвеституру: передачу посоха и кольца, символов епископской власти. В соответствии с этим епископы в понятии феодального общества оказывались вассалами короля или территориального князя (герцога, графа) со всеми вытекающими обязательствами. В XI в. вопрос об инвеституре епископов приобрел чрезвычайную остроту и породил бурные споры между римским папой и «римским» императором (германским королем): стремясь превратить епископов из вассалов германского государя в вассалов папской курии, папы видели в этом могущественнейшее средство сплочения христианской церкви. Однако при всех успехах папства ему не удалось осуществлять эту тенденцию повсеместно, и церковь во Франции и Англии с XII в. становится опорой национальной королевской власти.

Епископы управляли церковью при помощи капитула, члены которого (они назывались канониками) были в своем большинстве выходцами из рыцарских семей. Сама организация капитула (первоначально каноники должны были жить сообща в церковных помещениях) напоминала замок барона с его рыцарями. Каноники принимали участие в управлении церковью, ведали ею в отсутствие епископа, выбирали епископа (после чего он должен был получить папскую или императорскую инвеституру). Важную роль в управлении епископией – диоцезом играл архидиакон, которого иногда называли «епископским оком» и который осуществлял контроль за функционированием приходских церквей и за моральным состоянием диоцеза.

Более крупные территориальные объединения, включавшие несколько церквей, – архиепископии, строились по тому же принципу, что и епис-

копии. Епископы и архиепископы были носителями сеньориального принципа в средневековой церкви.

Позиция римского папы была более сложной и противоречивой. С одной стороны, он выступал как территориальный князь Рима и его непосредственной округи (так было до XI в.). С другой стороны, папство было воплощением идеи средневекового универсализма, особенно со второй половины XI в., когда папы возглавляют движение за реформы церкви, стремясь превратить духовенство в обособленную и сплоченную организацию и одновременно участвуют в таких «общеевропейских» предприятиях, как крестовые походы. Папа имел свой капитул – курию, члены которой именовались кардиналами. Они избирали нового римского епископа, они же выполняли административные функции, и, в частности, в качестве легатов – посланцев осуществляли папский контроль над отдельными епископами и архиепископами.

Духовенство, жило в миру и соблюдало мирские нормы поведения. Епископы командовали военными отрядами, а каноники охотились с собаками и соколами. Средневековые моралисты постоянно осуждают непристойное поведение каноников во время службы. Несмотря на свою внешнюю обособленность (костюм и принцип celibата играли в этом обособлении первостепенную роль), духовенство не стало строго отделенным социальным разрядом средневекового общества.

Особым слоем, выделяющимся и из массы мирян и из общности клириков, было монашество, которое по своему статусу должно было противостоять миру, служить его живым отрицанием, являя на земле (разумеется, в идеале) прообраз божественного общежития. Монашеская среда, на протяжении долгих столетий претендовала на гегемонию в обществе, представляя себя единственной подлинной наследницей первоначальной христианской церкви, являвшейся в сознании средневекового человека образцом благочестия и нравственности, «подлинного христианства».

Монах формой своей жизни противопоставлял себя миру. В Западной Европе, в отличие от Византии с ее отшельниками, затворниками, семейными лаврами – утвердился общежительный тип монастыря, где монахи жили не в кельях, а в общих спальнях, подобно баронской челяди в замке. Монастырь был отделен стеной от внешнего мира, доступ внутрь для мирян был закрыт, а пребывание монахов вне монастырских стен ограничивалось временем и регламентировалась монастырскими нуждами. Монастырь XI-XII вв. представлял собой устойчивый и хорошо организованный архитектурный комплекс, расположенный в сельской местности или города. Монастырские стены были зримым воплощением того

принципа, который сформулирован в XII в. «Монашеским зеркалом»: идеальный монах должен, подобно Мельхиседеку, безродному герою средневековой легенды, отказаться от отца, матери и родни. Как рыцарь, принося оммаж, включался в новую семью, которую он должен был ставить выше кровного родства, так и в еще большей степени монах разрывал земные связи и включался в монастырскую общину, заменявшую ему родных и соседей. Принятию монашества предшествовал период ученичества, или новициат. Новиций (послушник) мог, согласно церковному праву, в любой момент покинуть обитель и вернуться в мир, но социальная мораль расценивала такой поступок как предательство и прилагала к новициям-изменникам библейский образ псов, возвращающихся на блевотину свою, именовала их «апостатами» и «погибшими душами». Новиций носил особую одежду, отличную от мирской, но только после торжественной церемонии вручения монашеского одеяния и пострижения он становился полноправным иноком – на всю жизнь, ибо выход из монашеского состояния был запрещен.

Монах брал на себя определенные этические обязательства, которые определялись тремя принципами: повинованием, нестяжательством и безбрачием. Эти три принципа знаменовали отход от земных интересов – семейных и имущественных – и включение в новую организацию, пронизанную суровой дисциплиной. Конкретное выражение трех монашеских принципов составляли «четыре столпа» устава, сформулированного Бенедиктом Нурсийском в VI в.: отсутствие собственности, труд, замыкание от мира и пищевые ограничения. По уставу Бенедикта Нурсийского монахи должны были составлять самодовлеющую и замкнутую трудовую общину, в которой все принадлежало коллективу и где не приходилось рассчитывать на щедрое довольствие (монахи должны были соблюдать вегетарианскую диету – мясо разрешалось только больным).

Монастырь представлялся средневековому человеку то островом, оазисом, убежищем от мирской суеты, то «святым градом», образцом идеальной организации человеческой общности. В «золотые века» европейского монашества, наступившие с X в., эта социальная группа все больше осознавала себя как «святой коллегии», находящийся в привилегированных отношениях с Богом, избравший путь совершенства и именно поэтому незаменимый при определении загробной судьбы всех людей. Как излюбленная добыча Дьявола, монах наделен опытом противостояния натиску Сатаны и способен защитить и других людей от врага рода человеческого. Эта способность делает монашество особенно сильным, по существу непобедимым. Но монах, кроме того, своего рода «специалист» в сфере

смерти и загробного воздаяния. В поминальных списках монастырей сохраняется память об умерших и заключена надежда на спасение их душ усердными молитвами всей братии. Монах – также советник и посредник в делах знатных мирян, королей. Наконец, монах – человек, наделенный высшими интеллектуальными возможностями и средствами, знаток чтения и письма, хранитель классической культуры. Все это вело к тому, что в средневековом сознании именно монах, больше, чем представитель какого-либо другого разряда имел шансы стать святым. Таково представление, но реальность сильно отличалась от них.

К XI-XII вв. бенедиктинские «столпы» практически не соблюдались: физический труд на полях и на кухне и даже уборка клуатра были переложены на зависимых крестьян и на наемных работников. Монахи имели личные деньги, которые даже отдавали в рост. Монашество со временем стало настолько подвижным, что пребывание во внутреннем ограждении из нормы превратилось в наказание за бранное слово или за драку. И так как потомки рыцарей, постригавшиеся в монахи, не могли обойтись без плотной еды, то они отправлялись в больницу за мясными блюдами. Когда же папы запретили этот обычай, в монастырях стали появляться особые комнаты, где братия благополучно поглощала мясо, не оскверняя ни трапезную, ни больницу. Таким образом, монашеский идеал, как и все идеалы, оставался в сознании людей, далеко не воплощаясь на практике, наоборот, мы встречаем постоянные жалобы не просто на обмирщение монахов, но и на то, что их поведение расходилось с нормами не только «ангельской», но и человеческой морали.

Монастыри были основаны главным образом королями и баронами; их настоятели (аббаты), причисляемые к князьям церкви, к прелатам, принадлежали к аристократическим фамилиям; короли, бароны и рыцари были наиболее щедрыми дарителями монастырей, но зато короли и бароны фактически назначали аббатов и считали их своими вассалами. Монастыри становились крупными земельными собственниками, эксплуатировавшими крестьянство, и наряду с епископами и баронами – объектом крестьянской ненависти. Монахи знали цену деньгам и в нарушение церковного права давали ссуды под процент, умели наладить хозяйство, расчищали леса и применяли передовые приемы средневековой агротехники. Они составляли инструкции по управлению крестьянами, описи земельных владений, ввели письменную отчетность приказчиков. Монахи использовали панический страх человека Средневековья перед загробным наказанием, чтобы принудить крестьян к земельным дарениям.

Монастыри обладали хозяйственной мощью и, несмотря на все нарушения бенедиктинского устава, высоким моральным авторитетом. Они поддерживали папство в его стремлении реформировать церковь и осуществить универсалистские принципы. Однако при всей монашеской дисциплине, расчетливости и тенденции к универсализму монашество, как отмечалось выше, не стало единой организацией. Оно распалось на ряд орденов.

Первоначально в Европе доминировал бенедиктинский устав VI в., он был преобразован Бенедиктом Анианским и в 817 г. объявлен обязательным для всех монастырей. Именно Бенедикт Анианский отверг старый принцип физического труда и стал рассматривать монаха исключительно как рыцаря божьего, подчиненного своему аббату и выполняющего особую службу – молитвы и богослужение. Обмирщение бенедиктинцев и падение авторитета «черных» монахов, как их называли, приводят к ряду попыток реформ монашества, в том числе предпринятой в бенедиктинском аббатстве Клуни (Бургундия) в конце X и XI вв.

Внешне она выразилась в большей строгости устава (пост, молчание) и в большей торжественности богослужения, в сущности же, клунийцы осуществили дальнейшую аристократизацию монашества. Клунийские монастыри (входившие в могущественную конгрегацию под главенством Клуни) были тесно связаны с крупными сеньорами, обладали огромными богатствами и стремились, вопреки заявлениям аббатов, не к восстановлению первоначального бенедиктинского устава, а к созданию такого монашества, которое бы отвечало потребностям класса феодалов. Поддерживая папство, клунийцы в XI-XII вв. были одной из самых значительных сил, отстаивавших универсализм, и Адальберон, епископ Ланский, сатирически изобразил их рыцарями, штурмующими Францию и весь мир.

В XI-XII вв. стали появляться новые монашеские ордена (камальдулы, валломброзианцы, картезианцы, премонстранты, кармелиты и др.). Особенно важную роль играл орден цистерцианцев, основанный в 1098 г. В отличие от бенедиктинцев, «черных» монахов, «белые» монахи, цистерцианцы, подчеркивали аскетизм своего быта, затронувший даже богослужение: облачение из холста, кадилницы из меди и железа, отсутствие драгоценной утвари (кроме чаши для «крови Христовой»), отказ применять витражи и церковную живопись – все это резко отличало их от клунийцев. Другой особенностью ордена было разделение монахов на полноправных иноков и так называемых конверсов – братьев, происходивших из трудовых слоев общества и продолжавших трудиться в монашеском одеянии.

Особое место среди орденов этого времени заняли духовно-рыцарские ордена, видевшие свое назначение не в созерцательной жизни и молитвословии, а в активной деятельности, направленной против врагов христианства. Таковы госпитальеры, тамплиеры, тевтонские рыцари, ряд испанских орденов. Первоначально они участвовали в борьбе крестоносцев в Сирии и в отвоевании Испании у арабов (Реконкиста), а потом потеряли прежнее значение, и тамплиеры, в частности, превратились в хорошо налаженную торговую и банкирскую компанию.

В начале XIII в. появились так называемые нищенствующие ордена – доминиканцы и францисканцы (минориты). Всем своим обликом (босые, перепоясанные простой веревкой) монахи подчеркивали соблюдение принципа бедности, присущей ранней церкви. Но, осуждая богатство и наживу, нищенствующие ордена вскоре стали обладателями огромных богатств. Они переносят свою деятельность в город, их монастыри строятся в предместьях.

Ордена доминиканцев и францисканцев возникли совершенно разными путями. Доменик де Гусман (1170- 1221 г.), знатный испанский каноник, создал новый орден откровенно для борьбы с еретическим движением в Южной Франции, напротив, Франциск (1181/82-1226 гг.), сын богатого купца из Ассизи, выступил почти как еретик – с критикой церковной практики и с проповедью бедности. Для Доменика нищенство было явной маской, для Франциска – социальным поиском. Но независимо от их субъективных устремлений об ордена стали в XIII в. институтами, осуществлявшими идеологическое воздействие церкви прежде всего на новый общественный феномен – на город, центр растущих богатств и очаг ересей, причем особое внимание доминиканцы и минориты уделяли университетам. Фома Аквинский (1225/26-1274 гг.), один из крупнейших богословов Средневековья, был доминиканцем. Так вместо клюнийского монаха-воина в XIII в. вырабатывается новый идеал монаха-проповедника.

Монашеское одяжание состояло (помимо обычной нижней одежды) из длинной туники с узкими рукавами, нарамника, рясы с разрезом по бокам и капюшона. Ряса должна была быть черной (по бенедиктинскому уставу), изготовленной из местной, грубой шерсти. Зимой бенедиктинцы надевали овчину, чтобы выстаивать длинные службы в холодных церквях. Цистерцианцы считали бенедиктинские одяжание (особенно овчину) чрезмерной роскошью. Бенедиктинскую черную рясу они заменили белым плащом с широкими рукавами и капюшоном, но на работе цистерцианцы выходили без плаща, в наплечнике. Доминиканцы при-

близили свой наряд к светскому костюму: поверх рясы они носили плащ с капюшоном, типичный для трудящегося люда XIII в.

Монашеский идеал – идеал Христа – обладал исключительной притягательностью и оказывал значительное влияние на духовную жизнь феодальной эпохи. Одним из самых серьезных последствий этого стала длительная, распространившаяся не на одно столетие низкая оценка мирского существования. Показательны те соотношения – 100:60:30 – в которых на рубеже X и XI вв. церковные авторы, используя цифры из притчи о сеятеле (Евангелие от Матфея, XIII, 8), оценивали монастырскую жизнь, жизнь духовенства и мирское состояние. Влияние монастырской идеологии, представлявшей жизнь человека в виде неустанной борьбы против Дьявола, призывавшей к отказу от мира, презрению к телу нашло выражение в отшельничестве и аскетизме, сопровождавшихся беспощадной суровостью в умерщвлении плоти посредством истязаний, болезненной поглощенности стремлением подражать Христу вплоть до повторения его страданий. И не удивительно, что в сознании средневекового человека именно монах, больше, чем представитель какого-либо другого разряда, имел шансы стать святым.

Из различных социокультурных «воплощений» средневекового человека, пишет Ж. Ле Гофф, святой – наивысшее. Поскольку всякий святой стремится при жизни так или иначе уподобиться Христу, то образ его представлялся обычно стереотипным. В многочисленных житиях – жизнеописаниях святых обычно трудно разглядеть черты их реального земного бытия, каждое событие и каждый факт их биографии представляются авторами житий как «фрагменты вечности».

У истоков средневекового культа святых стоит позднеантичный культ мучеников, которых именно смерть приобщала к святости, если они погибали за веру. И позднее святой – это прежде всего «исключительный покойник», не такой, как другие; культ его складывается вокруг его захоронения, его тела, реликвий. Если позднеантичный святой был приверженцем жизни пассивной, искавшим совершенства на пути отречения от мира, то святые раннего Средневековья – обычно епископы, основатели монастырей, глубоко вовлеченные в жизнь общества. Они рисуются как защитники «слабых» от насилий, чинимых «могущественными» светскими лицами – не даром в это же время складывается представление о церковном убежище и о церкви как благотворительнице. Но, являясь заступником за жертвы несправедливости, святой отнюдь не выступает ни противником светской власти, ни фигурой, чуждой аристократической среде. Наоборот, выражением религиозного оправдания господствующего

положения знати становится как раз появление характерного для раннего Средневековья типа «знатного святого». Одно из следствий этого – ограничение возможностей восхождения к святости для людей из низших слоев общества. Бедняки, зависимые крестьяне не могли стать ни епископами, ни аббатами – им оставался лишь один путь: отшельничество, которое на Западе вплоть до XI в. было мало распространено.

В сфере представлений о святости проявляются многие определяющие признаки раннесредневекового менталитета: 90% святых той эпохи – мужчины, все они взрослые (дети не вызывали к себе тогда интереса), их моральное и религиозное совершенство тесно связано с их аристократическим происхождением.

В эпоху Каролингов и в X–XI вв. господствующий тип святости – святость, во многом обусловленная функциями, исполняемыми человеком в обществе: епископ, аббат, король, знатная особа. Появляются «святые короли», особое же предпочтение церковь отдает монашеству: монастырь рассматривается как «преддверие Рая», монахи – как «коллективные святые», люди «ангелоподобные» в силу самого образа их жизни, отмеченного усердными молитвами и целомудрием.

До XII в. те лица, которых начинали почитать как святых, принадлежали к аристократическим фамилиям принцев или королей. Общественное сознание в средние века наделяло именно знать совокупностью особых богом данных физических и моральных качеств, образовывавших своего рода харизму. Она могла быть утрачена тем или иным недостойным представителем знатного рода, но в целом члены знатных фамилий с самого начала располагали как бы капиталом «врожденных заслуг и доблестей», открывавшим им путь к «лучшим» местам в религиозной жизни и в потустороннем мире.

С XII–XIII вв. начинается переход от святости «функциональной» к святости, достигаемой путем подражания Христу. Сначала речь идет еще о святости как о чем-то, что в глазах современников касалось лишь «профессионалов», все тех же монахов, выделявшихся среди «обычных» верующих. Чувствуя себя изначально отстраненными от поисков святости, массы именно на монахов возлагают ту функцию посредников между землей и небом, без которой, как полагали, ни одно общество не может существовать.

Но постепенно представление о святости меняется: одновременно с критикой многих сторон жизни монашества прокладывает себе дорогу убеждение, что святым можно стать не только благодаря принадлежности к определенному социальному состоянию, но и благодаря личным,

индивидуальным заслугам благочестия. Достаточно в рамках возможного осуществлять в себе идеал апостольской жизни и евангельского совершенства, «следовать нагим за нагим Христом», исповедовать аскетический образ жизни, посвятить себя служению беднякам и страждущим. Основой святости становятся личный опыт жизни и внутренние моральные требования. Эта эволюция в восприятии святости, была усилена развитием процедуры канонизации: последняя теперь строго централизована, сосредоточена в руках папской курии, которая проводит тщательные расследования, касающиеся обстоятельств жизни того, кого приобщают к лику святых, опрашивает свидетелей его подвигов благочестия. Теперь на Западе – две категории святых: утвержденные папой и потому ставшие объектом литургического культа, с одной стороны, и те, кому приходится довольствоваться лишь местным почитанием, в пределах одного города или области, – с другой.

Канонизацией св. Франциска Ассизского и св. Доминика церковь значительно возвысила новый тип святости, основывающийся больше на стиле жизни, чем на социальном положении индивида, больше на нравственности, чем на чудотворстве. Все больше мирян, мужчин и женщин, воспринявших идеалы «добровольной бедности», смирения, благотворительности, «следования Христу», обретают в глазах современников ореол святости. Если на севере Европы еще сохраняется связь между святостью и высоким общественным положением человека и преобладают «святые из элиты» (короли, епископы и т.д.), то на юге, в Средиземноморских странах, святость в большей мере идентифицируют с образом жизни и моделью поведения, основанных на бедности и самоотречении, и среди святых здесь немалый процент лиц неаристократического происхождения.

Но архаическая концепция святости, хотя и отходит на второй план, сохраняется в ряде стран благодаря нескольким династиям, прежде всего династии венгерских Арпадов и слившейся с ней в XIV в. Анжуйской королевской династии. Генеалогическое древо Арпадов насчитывает с XI по XIII в. свыше десяти причисленных к лику святых королей и принцесс. Особенно много королей-святых приходится на XI в. – период христианизации, поддержанной венгерскими королями, сохранявшими верность римской церкви, несмотря на давление язычества и Византии. Святые из числа королей – явление, характерное и для других стран, вступивших в XI в. на путь христианизации (в том числе Швеции и Руси). Примечательно, что и во Франции именно в эту эпоху зарождается вера в исцеляющую силу прикосновения королевской руки

и наследственную передачу этой способности. К венгерским святым из династии Арпадов анжуйцы прибавили святых из рода Капетингов и своих собственных (Людовик II и Людовик Тулузский). Усилия Анжуйских, направленные на оживление венгерского династического культа святых, преследовали цель усилить позиции и придать ореол «законности» династии, относительно недавней как в Венгрии, так и в Италии. Францисканец Франсуа Меронне в проповеди о святом Людовике Анжуйском (1317 г.) оправдывал причисление внука Карла II к лику святых, прежде всего тем, что Людовик «по рождению» принадлежит к «генерации святых», так как по линии отца он внучатый племянник св. Людовика, а по материнской – восходит к первым венгерским королям-святых и святой Елизавете Венгерской. Теолог в данном случае следовал библейской модели древа Иисуса, генеалогии Христа, которой открывается Евангелие от Матфея.

Но в XIII-XIV вв. эта концепция уже становится анахронизмом. В житиях XIV в. святость – скорее подвиг всей жизни, чем совокупность доблестей, чудесным образом переданных индивиду с самого его рождения. Агиография, житийная литература отражает эту эволюцию, акцентируя большее, чем прежде внимание на детстве святого и игнорируя доблести его родителей, которые продолжают упоминаться в большинстве случаев. Число святых из королевских фамилий уменьшается. Общественное мнение канонизирует все чаще представителей нищенствующих орденов. И это примечательно как новое выражение «фамильной святости». Дело в том, что в житийной литературе этого периода понятие плотской семьи подменяется понятием семьи спиритуальной, духовной. Речь не идет больше об абстрактном, теоретическом соотнесении с отдаленным предком.

Доминиканские, а в еще большей мере францисканские проповедники развивали очень реалистическую идею о том, что высшее совершенство св. Доменика или св. Франциска суть источник и образ святости в лоне ордена. Развитие ордена и расцвет святости, согласно Бартоломео Пизанскому, – следствие некоей «оплодотворяющей благодати» основателя ордена. Более того, основатель ордена рассматривается как гарант спасения тех, кто принимает правила ордена, а сам орден миноритов – как семья и вместе с тем привилегированная среда, в лоне которой осуществляется наследственная передача святости. Уже сам факт вступления в орден или восприятия его правил открывают возможность подключения к потоку благодати, изливаемому сердцем основателя. Конечно, не все члены ордена святые, но все причастны к ситуа-

ции, благоприятной для приобщения к святости. Это представление получает иконографическое воплощение в подлинном древе спиритуальной генеалогии: религиозный орден изображается в виде ствола, исходящего из чрева его основателя и подразделяющегося на ветви, несущие «плоды»: блаженных и святых из числа членов ордена.

К концу Средневековья все большее число людей утверждает свою святость в сознании общества вдохновенным словом и визионерством, «даром видений». Все чаще становятся святыми мистики, бродячие пророки, проповедники, визионеры. Среди них значительную роль играют женщины, в особенности мирянки, чья святость имеет ярко выраженный визионерский, пророческий аспект. Это же время отмечено растущим противоречием между стремлением папства сузить круг лиц, подлежащих официальной канонизации, и ростом числа местночтимых святых, единственной заслугой которых зачастую было лишь то, что они без всякой вины претерпели насильственную смерть. Распространение местных культов таких «невинных святых» свидетельствует о том, что на исходе Средневековья, несмотря на все попытки церкви контролировать этот процесс, «народ сохранил свою prerogative создавать святых».

Рыцарство

С начала XII в. в Европе складывается монополия господствующего класса на военное дело. Крестьянское ополчение сходит со сцены, и армии становятся отрядами профессиональных рыцарей – тяжело вооруженных и сражающихся верхом. Основным оборонительным вооружением рыцаря была кольчуга, сплетенная из стальных колец, иногда в два или три слоя. Она имела разрез спереди и сзади (для удобства при верховой езде) и свисала до колен. Несколько позднее входят в употребление кольчужные чулки и рукавицы, так что все тело оказывалось закрытым, кроме лица.

Под кольчужой носили стеганую рубаху. Достоинством кольчуги была ее подвижность, соединенная с прочностью. Постепенно подвижность начали приносить в жертву прочности, защищая наиболее ранимые части тела металлическими пластинками. С XIV в. доспехи стали делать сплошными, состоящими не из кольчуги, а из лат. Это было вызвано усовершенствованием оружейного мастерства, и прежде всего зарождения огнестрельного оружия, против которого кольчуга не давала надежной защиты.

Голову воина закрывал капюшон, подбитый мягкой материей, поверх которого надевали шлем. Первоначально он представлял собой куполовидный железный головной убор с наносником и нащечниками. С конца XII в. развиваются более массивные горшковидные шлемы,

которые покрывали голову целиком и опирались на плечи. Они были слишком тяжелы, чтобы их можно было носить во время похода, поэтому их приторачивали к седлу; голову же защищали легкими шлемами с острым гребнем. В XIV в. шлемы часто украшали нашлемники из дерева с геральдическими фигурами. Их формы становятся разнообразными, варьируются в разных странах. Совершенной формой считали остроконечную, которая смягчала силу удара, заставляя оружие соскальзывать со шлема.

Рыцарские щиты первоначально были очень громоздкими, прикрывавшими все тело, но по мере развития доспеха их размеры сокращались: щиты стали делать треугольными и легкими, чтобы ими можно было манипулировать. На щите, а иногда и на сюрко (безрукавка из дорогой материи, с разрезами по бокам, а иногда – спереди и сзади), надевавшимся поверх кольчуги, был изображен герб рыцаря. Главнейшая часть герба – так называемый щит, который мог иметь треугольную, овальную или иную форму. Щит герба расписывался разными красками (червленной, лазурной, зеленой) и украшался символическими изображениями (горностаевый или беличий мех) и геральдическими фигурами (лев, леопард, волк, орел). Из военного обихода гербы очень быстро проникают в повседневную жизнь, ими украшают мебель. Костюмы носят в соответствии с цветом герба, а помимо того покрывают одежду аппликациями и вышивками, изображающими герб. Если щит герба состоял из двух или четырех частей разного цвета, то сюрко знатного человека также составлялось из двух или четырех кусков разных материй.

Основным наступательным оружием рыцаря были длинное копье (в XIV в. оно достигало 4,5 м.). Оно состояло из ясеневое древка и железного наконечника; под наконечником прикрепляли флажок, который имел и практическое назначение – мешал копью войти слишком глубоко в тело невооруженного человека. Применение такого копья стало возможным лишь после внедрения стремян: они давали всаднику опору, без которой он не мог бы действовать огромной пикой. Копье редко переживало одно сражение. В походе копья держали на правом плече, перед началом боя их приводили в вертикальное положение, опирая нижний конец на правую шпору, во время сражения его держали горизонтально. В конном сражении задача рыцаря – выбить противника из седла, а в тяжелом вооружении воин, как правило, уже не мог подняться без посторонней помощи.

Помимо недолговечного копья рыцарь был вооружен железным мечом. Раннесредневековые мечи сравнительно коротки: в IX-X вв. рас-

пространяются массивные и длинные, до метра, мечи с полукруглыми набалдашниками и прямой крестовиной. Мечам давали личные прозвища, их рукояти украшали драгоценными камнями, они переходили от отца к сыну, о мечах складывались легенды. Христианские представления также влились в культ этого грозного оружия: ведь меч с крестовиной (с IX в. она становится все длиннее и тоньше) напоминал крест, символ Христа, и когда рыцари клялись на мече, было неясно, чего больше в этой клятве – язычески варварского или христианского.

Военная служба в рядах тяжеловооруженной кавалерии предполагала природные качества, длительную подготовку и постоянные тренировки. Надо было обладать физической силой, и поэтому мускульная сила – одно из важнейших рыцарских достоинств. Другое непеременимое качество рыцаря – отвага. Поговорка каролингских времен гласила: «Кто до двенадцати лет остается в школе, не сядясь верхом, годится только на то, чтобы стать священником». Соответственно образ жизни рыцаря был иным, нежели у школяра: охота и турниры составляли существенный компонент его времяпрепровождения.

Охоту в аристократической среде ценили и превозносили в средние века прежде всего как поле деятельности, на котором рыцарь мог показать свою силу и отвагу, ибо сражение с раненым вепрем или медведем было столь же опасным, как и единоборство с вооруженным врагом. Погоня за дикими оленями развивала искусство верховой езды, необходимое воину. Но в охоте на птицу не было такой рыцарственности, никакой аристократ не стал бы гордиться умением стрелять из лука, ибо лук был низшим оружием – оружием крестьянина и горожанина, поэтому на птицу охотились с соколами.

В средние века сложилось предание о том, что турниры появились во второй половине XI столетия. На самом деле, видимо, эта имитация сражения существовала много раньше и восходила, возможно, к языческим обычаям. Турниры устраивали короли и бароны, и на эти состязания собирались рыцари с разных концов Европы, причем среди них могли быть и представители высшей аристократии. Для рыцарской молодежи турниры – основное время препровождения, они сыграли большую роль в эволюции социальных и этических представлений рыцарства в целом. Участие в турнире преследовало разные цели: быть замеченным, добиться успеха, престижа, но также и денежного вознаграждения либо от капитана, в команде которого рыцарь участвовал в поединке, турнире, либо, в качестве выкупа – от побежденного. Величина суммы постепенно возрастала, а турниры превращались в само-

цель. Это не был еще тот дух наживы, которым были заражены купцы: этика требовала от рыцаря презирать наживу и деньги. Тем не менее, турниры помогают, по мнению современного исследователя рыцарства Жоржа Дюби, проникновению соображений денежной выгоды в самую гущу внутрирыцарских отношений.

В ходе турниров отработывались и совершенствовались приемы ведения рыцарского боя. До XIV в. индивидуальный рыцарский поединок был исключительным явлением. Сражались группами – «ватагами» до 200 человек, внутри которых действовали сплоченные отряды по 10-30 бойцов. Тем не менее, уже к XIII в. складывается культ выдающегося храбреца, рыцаря-победителя. Культ личной храбрости становится питательной средой для самоутверждения личности рыцаря и ее высвобождения из групповых, родственных, дружеских и иных связей.

Война была профессией рыцарей, установление мира казалось им обременительным. Война воспринималась не только как развлечение, но как источник доходов, ибо средневековая война была неприкрытым грабежом, а грабеж подчас перерастал в феодальную распрю, когда весь линьяж поднимался, чтобы отомстить за нападение. В Европе к концу XI в. выделяется широкий слой бродячих рыцарей, готовых оставить свой дом и скудные земли, чтобы отправиться на край ойкумены – в Испанию или Малую Азию – в поисках славы и добычи.

Профессиональные воины из поколения в поколение, феодалы выработали особую форму социальной психологии, особое отношение к окружающему миру. Для христианского сострадания там не было места: рыцарство было не просто безжалостным, но и вводило расправу в ранг достоинств. «Нет войны без пожаров и крови», – откровенно возглашал провансальский трубадур XII в. рыцарь Бертран де Борн.

Презрение к смерти сочеталось с презрением к чужой жизни, с неуважением к чужой смерти. Сицилийские норманны, взявшие в 1185 г. Солунь, развлекались тем, что раскладывали на улицах трупы убитых в обнимку с мертвыми ослами и собаками. Рыцарь был готов отдать жизнь за сеньора, но у него не было угрызений совести, когда он забирал чужое имущество и отнимал чужую жизнь. Воспитанный в огне и крови, характер рыцаря был, более импульсивным, нежели расчетливым: плавное течение жизни, планомерное ее построение не привлекало феодала-рыцаря, который предпочитал повседневному труду быстрое обогащение и щедрые траты.

Чтобы лучше понять стереотипы рыцарского самосознания, важно также представлять себе специфику воззрений раннего и классическо-

го Средневековья на войну и мир. До тысячного года война представлялась современникам нормальным состоянием. Войны – полезны, так как они пополняют общественные ресурсы и способствуют обогащению страны и народа. Соответственно, мир представлялся временным и нежелательным состоянием между войнами. После 1000 г. отношение к войне резко меняется. Церковь вырабатывает идеологию войны, согласно которой война и все, что с ней связано, определяется как зло и греховное дело. Напротив, мир – состояние угодное Богу, «царство духа», противостоящее «торжеству телесного начала», каковым является война. «Сыны божий» должны сражаться лишь для того, чтобы сократить и уничтожить силы, связанные с войной. Война оправдана и справедлива, если она ведется во славу Божью и под эгидой Бога. Согласно этой доктрине, каждый христианин оказывается воином Христовым, обязанным воевать ради защиты «слабых», отмщения вершителям зла и расширения территории истинной веры. Лишь такая война не считается греховной. Вести ее и руководить ею должен король, выполняющий волю Божию, но король – также и гарант мира. Однако сплошь и рядом королевская власть была не в состоянии в XI в. выполнить эту задачу, и дело по поддержанию мира церковь берет на себя, выступив с идеей Божьего мира и его воинов «монахов и клириков». При такой трактовке «Божьего мира» военное, рыцарское сословие, формирующееся и усиливающееся в это время, оказывалось как бы вне признанного церковью правопорядка. Стремясь преодолеть этот разрыв между «молящимися» и «воюющими», церковь вводит освящение рыцарского оружия, новые правила ведения войны. Убийство равного себе по статусу осуждалось морально и рыцари-противники не стремились убивать друг друга, правда, еще и потому, что захват пленника был выгоднее: за него полагался выкуп. Иное дело, если речь шла о «неблагородном» противнике: убийство его было обычным явлением. В битве при Бувине (27 июля 1214 г.), где войска французского короля Филиппа II Августа одержали победу над соединенными отрядами германского императора Оттона IV, графов Фландрского и Бульонского и английским отрядом, по сообщению хрониста, погибло всего два рыцаря, но зато было захвачено не менее 130 знатных пленников (по другим источникам – ок. 300), что значительно превосходило результаты всех предшествующих побед, не говоря уже о трофеях. Нагруженное добычей войско поторопилось отступить под защиту своих крепостей. Война XII в., по выражению Ж. Дюби, продолжала в этом отношении традиции тех древних охотничьих цивилизаций, для которых грабительские

кие набеги на соседей представляли обычную и постоянную форму жизнедеятельности. Война могла быть прервана и бывшие враги собирались на богослужение в одной церкви или устраивали совместную трапезу и празднества. В массе гибли небогатые воины, «сержанты» – наемники, которых рассматривали как профессиональных убийц. Практика замены благородных рыцарей простолюдинами, ставшая обычной в XII – начале XIII в. осуждалась церковью и королями, поскольку она нарушала принятую концепцию структуры общества, ее деления на три разряда. Церковные соборы приравнивали рыцарей к еретикам, обвиняли в убийствах «слабых», разорении бедняков и святотатствах в церквях.

Война как таковая не давала решения спорных вопросов, из-за которых начиналась. Обычно это достигалось в ходе переговоров. Ход военных действий – один из аргументов, не более того. Другое дело – битва, сражение. Они означали столкновение главных сил. С точки зрения современников, сражение – своего рода форма судебного поединка, «Божьего суда» между двумя спорящими сторонами. Оно предполагало участие самих сюзеренов, короля, князя. Именно их поединок рассматривался как центральный элемент боя, хотя непосредственная встреча главных противников лицом к лицу была редким исключением. В отличие от обычных военных действий, сражение ставило на карту судьбу того или иного правителя и его княжества, так как цель его – уничтожение главного врага: либо его убийство в бою, либо захват в плен или обращение в позорное бегство. При любом из этих исходов, судьба потерпевшего поражение считалось решенной. Поэтому сражение, как правило, вело к немедленному прекращению войны и в этом смысле «оно было непосредственной прелюдией мира».

Класс феодалов – сложная социальная категория. Она охватывала разные общественные слои – от королей и князей, на одной стороне, до неимущих нобилей, которые вели крестьянский образ жизни и сами ходили за плугом – на другой. Отличительными чертами класса феодалов, во всяком случае, в период расцвета Средневековья, являются происхождение от знатных предков, обладание сеньориальными правами по отношению к зависимым лицам. Европейские феодалы, за исключением, пожалуй, Италии и Южной Франции, селились вне городов. Те, кто имел возможность, укрепляли свои дома, возводили замки. Со временем замок становится таким же символом Средневековья, как и ветряная мельница. Постоянные войны, набеги норманнов, страх перед угнетенным крестьянством – все это стимулировало возведение замков, которые превращаются в мощные каменные крепости.

В X в. замок – это деревянная прямоугольная в плане башня (донжон), возведенная на естественном или насыпном холме. Она окружена валом, палисадом и рвом. Донжон разделялся деревянными перекрытиями на несколько ярусов-этажей, сообщение между ними поддерживалось по приставным лестницам, которые убирались во время опасности через люки, прорезанные в перекрытиях. Нижний ярус мог быть забит балластом, и вход (также по приставной лестнице) вел сразу на второй этаж, плохо освещенный и служивший складом. Жилище феодала и его семьи находилось на третьем этаже, здесь помещался очаг с козырьком. Слуги размещались выше. В нижнем этаже иногда устраивали колодец.

Постепенно строительство замков усложняется. Их возводят из камня, хотя перекрытия (например, в Нормандии) долго оставались деревянными, что создавало угрозу пожара во время осады. Каменные своды начинают строить на юге. Палисад сменяет стена, нередко тройная, укрепленная угловыми башнями и увенчанная зубцами с бойницами. Принцип средневековой фортификации состоял в создании системы последовательных препятствий. Осаждающим предстояло, прежде всего, преодолеть ров, сухой или же наполнявшийся водой из соседней реки. Через ров перекидывался съёмный мост, по обе стороны которого воздвигались башни, превращавшие мост в самостоятельную небольшую крепость. Перед мостом, на наружной стороне рва, воздвигались деревянные укрепления. За рвом лежало широкое открытое пространство, проникнув на которое осаждавшие оказывались под обстрелом со стен и башен крепости. Главная стена поднималась отвесно над открытым пространством и благодаря своей высоте оставалась практически недоступной для штурма с помощью приставных лестниц. Ворота фланкировались башнями. Стены и башни имели талус – скошенное утолщение у основания. Внутри главной стены шла другая, а еще глубже располагался донжон.

Замок усложнялся не только как фортификационное сооружение. Он включал в себя теперь, помимо донжона, двор, на котором сосредотачивалась общественная жизнь: там располагались (обычно между двумя стенами) дом владельца, замковая капелла, колодец, «банальная» печь, как символ феодального господства, и дома ремесленников – эмбрион растущего города. Замок был воплощением феодальной независимости и вместе с тем средством господства над окружающим районом. Недаром подземелье, где содержались пленники во тьме и в холоде, становится столь же обязательным элементом замковой архитектуры, как и возносящийся к небу донжон.

Классическая страна замков – Франция. В Германии, если не считать королевских дворцов (пфальцев), замки по своим архитектурным и стратегическим качествам уступают французским. Обычно это донжоны, высящиеся на неприступной скале, оборона которых в большей степени обеспечивалась естественными условиями, нежели инженерным искусством строителей.

Система замков вызвала к жизни и систему осадных орудий. Часть из них была заимствована из античной военной техники: передвижной дом на колесах, который пододвигали к самым стенам осажденной крепости, и таран. К началу XIII в. в осадной технике появляются два важных нововведения, заимствованные с Востока. Во-первых, петрария – стенобитная машина, работавшая на принципе противовеса; она состояла из длинного бруса, закрепленного на оси, один конец которого был короче и толще и на который прикреплялся груз; когда ремень, сдерживавший длинное плечо петрарии, отпускали, груз ударял по стене, ломая камни. Во-вторых, был применен так называемый греческий огонь – горючая смесь, состоящая из нефти, серы и смолы, которую направляли на крепость из специальных сифонов.

Не все феодалы владели замками. Низший слой господствующего класса составляли простые рыцари, рыцарская беднота, не имевшая своих крепостей. Некоторые из этих рыцарей были по происхождению министериалами – домашними слугами короля или баронов, подчас даже несвободными людьми, получившими по тем или иным причинам доступ в ряды феодалов. Высший слой знати распадался на шатлэнов (обладателей замка), баронов (крупных сеньоров) и территориальных князей, включая короля. Но при всем своем различии все они (с середины XI в.) рассматривались как единая категория рыцарей, вступление в которую было сопряжено с особой символической церемонией – посвящением. Посвящение знаменовало переход к зрелости и самостоятельности – подобно ремесленному шедевру, оно завершало длительный, семилетний, искус, когда юноша в качестве дамуазо, слуги и оруженосца, проходил обучение у опытного рыцаря, прислуживая ему за столом, чистя его коня и разделяя с несвободными слугами все заботы о своем наставнике. И вместе с тем посвящение подчеркивало еще раз существование грани, не всегда непроходимой, но всегда отчетливой, между профессиональными воинами-феодалами и всеми остальными слоями населения.

Церемония состояла из нескольких этапов. Прежде всего дамуазо надевали шпоры и один из старейших рыцарей препоясывал его ме-

чом – самым почетным оружием. Затем посвящающий наносил юноше удар ладонью по затылку или по щеке – единственную в жизни пощечину, которую, по словам хрониста Ламберта Ардрского, рыцарь может получить, не возвращая. Весь ритуал завершился показом ловкости нового рыцаря: вскочив на коня, он должен был пронзить копьём установленную мишень.

Церемония посвящения носила первоначально совершенно мирской, более того, языческий характер. Только постепенно церковь вводит ее в религиозные рамки, стремясь обеспечить помощь воинов в осуществлении программы «Божьего мира» и вытекавших из нее предписаний, регулировавших вопросы войны и мира, о чем говорилось выше. Накануне посвящения юноша должен был бодрствовать всю ночь в часовне, затем, на рассвете ему надлежало возложить свое оружие на алтарь и посвятить его Богу, выстоять мессу и получить причастие. В некоторых случаях уже не рыцарь, а епископ совершал основной элемент посвящения – препоясывание мечом. В ритуале посвящения огромную роль играла символика цвета и предметов. На юношу надевали белую рубаху из полотна или шелка – символ его чистоты, а сверху алое сюрко – знак крови, которую он прольет во имя церкви. Его шосс (штаны, обтягивающие ногу), были коричневого цвета, ибо человеку суждено вернуться в землю, а пояс – белого, знаменуя «незапятнанность чресел». Навершие меча было украшено крестом, а двулезвийный клинок считался символом стойкости и верности в защите слабого против сильного и бедняка против богатого.

Как рыцарь, посвященный принадлежит классу феодалов, и вместе с тем он включается внутри этого класса в гораздо более конкретные – личные и имущественные связи. Он становится вассалом. Личный договор между вассалом и сеньором носил название оммаж: принося оммаж сеньору, рыцарь просил его покровительства (коммендировался) и как бы признавал себя его «человеком»(homo), что и дало происхождение термину «hommagium» – оммаж. Этот институт известен в графстве Барселона с начала XI в. В первой половине XI столетия он распространяется в Южной Франции, затем охватывает северные области; в Германии он засвидетельствован впервые в 1077 г. Как и посвящение, оммаж – символическая церемония. Вассал клал соединенные руки в ладони сеньора и произносил формулу: «Сир, я становлюсь вашим человеком», за этим следовала присяга на верность и поцелуй, так что вассала описательно именовали «человеком уст и рук», ибо руками и губами совершал он обряд оммажа. Со своей стороны сеньор переда-

ет вассалу оружие или его символ – палочку (*festuca*), знаменующую принятие человека в его новую семью. Передача оружия или фестуки – языческий обряд, но и в этом случае церковь стремится поставить его под свой контроль, дополняя церемонию оммажа клятвой, которую вассал должен приносить на мощах святых.

Центральным моментом вассальных отношений является обязанность верности и любви вассала по отношению к сеньору. В идеале вассал служит не во имя денег, но во имя любви к сеньору; тот, кто нарушает любовь и верность, ставит себя вне закона. Показательно, что терминология вассальных отношений та же, что характеризует отношения рыцаря к идеальной даме и мистика к Богу. Но хотя в идеале вассальные отношения должны были строиться на чувстве, а не на расчете, феодальное право довольно четко определяло обязанности вассала, которые покрывались двумя латинскими терминами: *consilium* (совет) и *auxilium* (помощь). Совет заключался прежде всего в том, что вассал должен был участвовать в курии сеньора, которая была своего рода его судебно-административным советом. Без курии сеньор не мог отправлять юрисдикцию, решать имущественные вопросы, например вопросы отчуждения земли, судьбы своих детей. Решение курии должно было быть единогласным.

Помощь состояла из двух элементов – военного и финансового. Вассал был обязан прежде всего нести военную службу – участвовать в походах сеньора, в защите его замка. Срок этой службы иногда исчислялся сорока днями в году. Финансовую помощь вассал должен был оказывать в трудный или торжественный момент жизни сеньора: для выкупа его из плена, при выдаче дочери замуж, при посвящении сына в рыцари. Со своей стороны, сеньор принимал обязательства по отношению к вассалу: защищать и поддерживать его. Конечно, на практике система не была столь безупречной, как в идеале: вассалы могли предавать своих сеньоров, и мифологические фигуры Дьявола и Иуды сливаются в средневековом сознании с образом вассала-предателя. С другой стороны, сеньоры нередко злоупотребляли своими правами, взыскивая чрезмерные поборы или заставляя вассалов слишком долго служить в войске. Противоречия между сеньорами и вассалами нередко выливались в столкновения, и все-таки вассальная система, придавая социальной солидарности семейно-клановой облик, скрепляла единство господствующего класса.

Одним из существенных элементов, определявших прочность и эффективность вассальных связей, было пожалование вассалу фьефа или

феода. Фьеф, как правило, представлял собой земельное владение, хотя со временем развиваются и так называемые невещные фьефы – феодальные доходы от пошрины, баналитетов и т. п. Передача фьефа проходила в форме символического акта, так называемой инвеституры, которая осуществлялась через вручение вассалу предмета (кольцо, посох, перчатки, даже пучок соломы), который символизировал недвижимое имущество или право. Наделение фьефом, инфеодация, до XII в. лишь крайне редко закреплялась составлением документа: Средневековье, как уже подчеркивалось, было эпохой ритуального жеста, а не письменного акта; слово и жест, совершаемые публично, были не менее значимы, чем грамота. Своеобразие феода заключалось в том, что он являлся, так сказать, расщепленной собственностью, на которую оба контрагента имели право. Хотя термин «собственность» (*dominium*) прилагался обычно к правам сеньора, а права вассала обозначались термином «владение» или даже «держание», в действительности же именно держание приближалось к собственности в римском понимании слова, тогда как верховная собственность сеньора реализовалась лишь в получении символической ренты (пара шпор, к примеру). Однако в случае неверности вассала его фьеф подлежал конфискации. Первоначально владение фьефом (его называли также бенефицием) было личным, оно прерывалось смертью любого из контрагентов. Постепенно этот обычай исчезает, и фьефы становятся наследственными. Оммаж и пожалование фьефа знаменовали включение рыцаря в вассально-ленную систему. В каждом королевстве король имел своих держателей, среди которых были как бароны (в свою очередь разделявшиеся на несколько рангов: виконты, графы, герцоги и т. п.), так и рядовые рыцари. От баронов держали фьефы их вассалы – шатлэны, а вассалами шатлэнов были рыцари. Принадлежность к классу профессиональных воинов, внутренне сплоченному вассально-ленной системой, налагала на человека определенные идеальные обязанности и в очень большой степени определяла его образ жизни. Одна из основных доблестей феодала – щедрость. Сеньор живет в замке, окруженный челядью, рыцарями, оруженосцами, и расходует на них богатства, полученные в форме крестьянской ренты. Если средств не хватало, он мог нарушить обычай и потребовать с крестьян больше хлеба, поросят, птицы или попытаться восполнить недостаток грабежом и военной добычей. Богатство – не самоцель в рыцарской жизни. Оно приобретает для того, чтобы быть розданным, растроченным, но непременно публично. Публичное расточительство – во время пиров, празднеств, турниров, приобретающее подчас

экзотические формы (вплоть до засеивания полей серебром), имело определенную социальную задачу феодального самоутверждения. Оно рассматривалось как внешнее выражение доблести и удачи. Трубадуры на все лады прославляли щедрость сеньоров. В рыцарских романах щедрость выступает как истинно королевское свойство. Напротив, корыстолюбие, скупость, расчетливость в глазах рыцарского общества XII–XIII вв. оказывается одним из самых позорных пороков.

Но наряду с культом щедрости рыцари (как социальная категория) чрезвычайно заботливо относились к сохранению целостности своих земельных владений – основного источника существования. В феодальной практике с конца XI в. утверждается система, отдававшая предпочтение старшему сыну, – именно он получает львиную долю отцовского феода. Более того, многие рыцарские роды ограничивают браки младших сыновей, которые либо становятся духовными лицами, либо живут холостыми в замке старшего брата, не имея никакой надежды (если не придет на помощь счастливый случай) получить экономическую независимость. Именно эти «молодые», благородные, но бедные, не получившие земельных пожалований и обеспеченного места в феодальной иерархии рыцари обусловили «подвижность, кипение и агрессивность», по выражению французского историка Ж. Дюби, свойства, столь характерные для рыцарской аристократии Средневековья.

Другое важнейшее понятие рыцарской морали – служение. Откуда бы ни выводить идею рыцарского служения – из варварской верности вождю или из христианского учения о небесной иерархии, развитого еще около 500 г. Псевдо-Дионисием (ставшего известным на Западе благодаря латинской переработке ирландского монаха Эригены), – к XII в. она охватывает все сферы человеческой жизнедеятельности и самые представления о космосе. Отношения с Богом мыслятся как служение человека, предполагающее, хотя бы в загробном мире, щедрое вознаграждение. Верность – характернейший предикат вассальных отношений – распространяется и на понятие связей человека и Бога, причем верность предполагается не только со стороны человека, но и со стороны Господа: он мыслится не только Богом верных, но и верным Богом (как верным должен быть и сеньор вассалу). Молитва осмыслялась как коммемдация Богу-сеньору, в результате которой Господь брал на себя защиту человека, а тот получал «правовую» надежду на получение фьефа на небесах. При этом иерархизирующее сознание средневекового человека конструирует, помимо верховного защитника – Бога, еще и под ним стоящего специального заступника – святого. В образах феодального быта рисует-

ся и день Страшного суда, когда Господь со своими «лучшими людьми» соберет свой двор, свою курию и будет судить правых и виноватых, как это делает феодальный сеньор. В рыцарских образах формулируется и космическая борьба «справедливого Короля» (то есть Бога) против отпавшего тирана-Дьявола. Оба они окружены своей свитой, рыцарями и слугами министерялами. Христос в миниатюрах псалтырей XII в. представлен полководцем с мечом и щитом, в кольчуге, со шлемом на голове. И в рыцарских образах и терминах формулируют поэты XII в. свое служение даме. Высокие принципы щедрости и служения подчас превратно реализовывались в действительной жизни. В XII в., в эпоху расцвета рыцарства, Этьен де Фужер упрекал французских дворян в том, что они только и заботятся, что о танцах и развлечениях, об охоте и турнирах. Они приносили клятву защищать слабых – вдов и сирот, а на деле крестьянам оставалось лишь одно – надеяться на эгоистическую мудрость сеньоров, согласно средневековой французской поговорке: «С кого раз сдерешь шкуру, того не пострижешь дважды». Характерно, что критика рыцарства в XII-XIII вв. осуществлялась преимущественно с рыцарских позиций: ему ставили в вину несоответствие рыцарскому идеалу, недостаток доблести и верности, нежелание подвергать себя опасностям и забвение таких образцов истинного рыцарства, как Александр Македонский и король Артур.

Когда не было войны, жизнь рыцаря ограничивалась охотой, обедом и долгим сном. Ведением хозяйства он не занимался – это противоречило сословной этике. Хозяйство своего поместья и даже суд над своими крестьянами сеньор, как правило, перепоручал старосте и приказчикам, хотя и участвовал в соответствии с принципами вассалитета в заседании судебной курии, разбиравшей дела его «равных», или возглавлял курию, судившую его вассалов. Вечерами обитатели замка собирались вокруг очага, играли в кости и шахматы. Особенно скучным временем были долгие зимние вечера, когда трудно было удержать рыцарей – холостую молодежь, нередко голодную (зимой рацион был ограниченным) и еще чаще пьяную – от взаимных оскорблений и драк. Утомительно-однообразный распорядок дня нарушался приездом гостей, турнирами или празднествами, когда в замок приходили жонглеры. Словом «жонглер» обозначали людей самых разных специальностей, выполнявших единую функцию – развлечения. Это были дрессировщики медведей и обезьян, акробаты, умевшие танцевать на канате и ходить на руках, музыканты и певцы, рассказчики фаблю и романов, наконец, трубадуры. В замках они появлялись обычно в дни турниров,

свадеб или посвящения в рыцари, и подчас их представление принимало характер состязания певцов и акробатов. Противоречивой и сложной была судьба жонглеров. Как правило, выходцы из городских низов, они связали свою судьбу с феодальными замками, где они были всего лишь приятным развлечением. Отсюда их стремление быть более рыцарственными (в своем творчестве), чем рыцари, и вместе с тем их принижал непроходящий страх за свое существование, постоянное «интеллигентное» нищенство, просьбы о милостыне. Они принадлежали этому миру замков с его грубостью, они поносили друг друга последними словами. Их буффонады сродни тем вкусам, где острое слово связывалось с низким дурачеством, шутовство – с физическим уродством, и недаром карлики и горбуны особенно ценились в челяди могущественных сеньоров. А вместе с тем именно жонглеры находили силы и мужество для стихов, осмеивавших пороки феодального общества.

Из рутины повседневности рыцаря вырывала война. Но и на войне и в мирных условиях феодал всегда выступал членом сплоченной социальной группы или даже нескольких групп – линияжа, основанного на кровных связях сообщества совместно живущих в замке рыцарей и дамуазо, содружества «равных» (пэров) – вассалов одного сеньора. По английской поговорке XIII в. «сеньор не садится за стол один», длинные столы и длинные скамьи – характерная мебель феодального замка. Корпоративность феодального быта отвечала корпоративной организации сословия феодалов.

Распространение огнестрельного оружия и наемного войска в XIV–XV вв. способствовало упадку военных функций рыцарства, равно как социального и морального престижа этого типа средневекового человека. Но упадок рыцарства не означал прекращения рыцарского образа жизни. Напротив, он был перенят королевским двором и городской элитой – патрициатом. Однако они приняли рыцарские идеалы за реальность в ту эпоху, когда эти идеалы стали уже недостижимыми. Политически знать в это время была лишена реальной власти абсолютизмом; экономически зависящая от земельной ренты, она не могла соперничать ни с государством, ни с третьим сословием. Рыцарь превратился в «бедного рыцаря». Рыцарство перестало быть сообществом людей, связанных духовными идеалами. Рыцарский образ жизни превратился в пустую формальность, в этикет.

Но идея рыцарства оставалась живой вплоть до Нового времени, идеалы которого, как считают исследователи, создавались под влиянием рыцарских идеалов. И в литературе Нового времени образ идеального

рыцаря продолжал существовать – от Неистового Орландо до Дон Кихота и Геца фон Берлихингера. Лишь Французская революция XVIII в. положила конец этой традиции. Идеал рыцаря появляется еще раз в романтической литературе (Новалис, Арним, Скотт), как символ ностальгии по ушедшему безвозвратно «героическому» прошлому. Но рыцарские институты и культура сыграли свою роль «одного из наиболее мощных двигателей процесса индивидуализации и обретения самосознания западным человеком, то есть «процесса цивилизации».

Крестьянство

Крестьянство было основным производящим классом средневекового общества, но оно не было единым и распадалось на разные группы, отличающиеся друг от друга по своему правовому статусу и по экономическому положению, по величине земельных держаний, по степени юридической обеспеченности владельческих прав, по раз мерам и характеру повинностей, по степени личной несвободы. Эти различия определялись не только теми или иными региональными особенностями. Они складывались исторически, в зависимости от тех путей, какими крестьянские семьи втягивались в подчинение феодальному сеньору, которому они были обязаны отдавать часть своего труда или продукта. Свободного крестьянства, стоящего вне феодальных связей, в Европе к началу XI в., за исключением отдельных окраинных районов (например, Восточная Англия, Скандинавия), уже почти не было или еще не было. С упадком публичных институтов в XI–XII вв. этим группам крестьянства стало практически невозможно доказать свое свободное состояние. Сама «свобода» была разных степеней, а зависимость оказывалась более или менее тяжелой, поскольку «аппетиты» отдельных сеньоров были различными. Сближение между свободными и сервами в XI–XII вв. протекало аналогично ранее происходившему сближению колонов и рабов, но результаты при этом оказались диаметрально противоположными. В некоторых областях именно серваж наложил свой отпечаток на положение всего крестьянства.

Новые группы свободного крестьянства появились впоследствии в районах активной внутренней колонизации, расчистки и освоения лесных пространств и болот. Заинтересованность сеньоров в привлечении трудовых ресурсов на эти впервые вводимые в оборот земли обеспечивала новопоселенцам льготные условия и относительную свободу. Это в свою очередь вызвало движение за уменьшение сеньориальных поборов, повышение юридического статуса зависимого крестьянства и коллективное освобождение старых деревень по образцу тех, что возникли в результате крупных распашек нови.

Присвоение феодалами прибавочного труда или продукта, производимого зависимым крестьянством, осуществлялось в разных формах. На более ранних этапах распространенными формами были объезд сеньором подвластных ему деревень, обязанных кормить его и его свиту, и регулярные поставки продуктов питания в резиденцию сеньора. Со временем наиболее типичной формой организации производства и присвоения феодальной ренты становится феодальное поместье – вотчина, которое обычно состояло из господского хозяйства и крестьянских наделов.

В экономическом отношении крестьянство разделялось на две группы: имеющие дом надельные крестьяне (сколь бы малым ни был их надел) и живущие в господском доме дворовые слуги – челядь. Последняя была занята в сеньориальном хозяйстве, обслуживала феодала. Объем повинностей челяди не регламентировался. Они получали содержание из барских запасов, питались за общим столом и ютились в каморках господского замка. Надельные крестьяне, напротив, были тесно связаны с землей, на которой стоял их дом и располагался участок. Следует отметить, что уровень жизни крестьянина зависел в большей степени не от его личного статуса, а от статуса земли, которой он владел.

Крестьянский надел не был простым количеством пашни, луга, виноградника, сада, но чем-то сопричастным семье и человеку, и предания рисовали длинную нить поколений, владевших и трудившихся на одной и той же земле. Крестьянин, который постоянно жил в деревне и лишь изредка или случайно оказывался за ее пределами, воспринимал землю как что-то свое, как кровно с ним связанное. Их привязывало к земле и феодальное право, призванное обеспечить поместье трудовыми руками. Но в своей хозяйственной деятельности они были относительно самостоятельны, так как работали на своем наделе, отдавая сеньору лишь часть своего времени и труда либо в форме барщины, либо в форме натурального или денежного оброка – чинша. Основу крестьянского населения составляло среднее крестьянство, достаточно обеспеченное землей и другими условиями производства, чтобы прокормить свои семьи и выполнить все повинности своему сеньору.

Другой принцип разграничения крестьянства – правовой. Степень правоспособности крестьянства варьировала очень сильно – от личной зависимости до обязанности делать чисто символические взносы (например, пару каплунов к празднику) и подчиняться сеньориальному суду. Личнозависимый крестьянин (во Франции их называли сервами, в Англии – вилланами) не мог без разрешения господина и без уплаты соответствующего побора уйти из поместья, выдать замуж дочь

или продать свой надел. Сеньор пользовался по отношению к нему правом мертвой руки, т. е. правом на принадлежавшее умершему крестьянину имущество, которое постепенно трансформировалось в право взыскать лучшую голову скота или лучшую одежду и определенную денежную сумму с наследников умершего крестьянина – за разрешение вступить в права наследования.

Непосредственное присвоение сеньором крестьянского труда осуществлялось путем отработок на господской земле и на господском дворе со своим рабочим скотом и со своими орудиями под надзором старосты или приказчика, причем размеры этих отработок соответствовали площади наделов. Например, если полнонадельный крестьянин работал на барщине четыре дня в неделю, то владелец половинного надела – только два дня. Немало времени и физических сил отнимало исправление извозных повинностей, размеры которых, как правило, не фиксировались и определялись лишь волей и потребностями сеньора. Наибольшей интенсивности отработки достигали осенью, во время уборки урожая, когда крестьянские руки были особенно необходимы в своем собственном хозяйстве. Дополнительные работы крестьян во время жатвы и молотбы, которые сначала носили характер помощи сеньору, впоследствии превращались в обязательные повинности, которые нередко доводили размеры осенней барщины для полнонадельных крестьян до шести дней в неделю.

Размеры крестьянской ренты определялись обычаем: количество дней, время и характер барщинных работ (пахота, жатва, косьба, молотба, рытье канав и др.), тип и объем поставляемых продуктов. Виды натурального оброка отличались большим разнообразием: крестьяне уплачивали взносы сеньору хлебом и пивом, домашней птицей и сыром, медом и маслом, изделиями из дерева и железа и многими другими продуктами своей хозяйственной деятельности. Денежные платежи на первых порах встречались как исключение и были незначительными. Чаще всего различные виды ренты комбинировались. Сумма крестьянских повинностей зависела как от давления и произвола со стороны сеньора, так и от сопротивления им со стороны самих крестьян.

В регионах преобладания пахотного земледелия и особого развития домициальной системы и отработочных рент, которые требовали жесткой связи между крестьянским и господским хозяйством и постоянного контроля за рабочей силой со стороны сеньориальной администрации, неизбежно возникали наиболее тяжелые формы личной зависимости. В скотоводческих и промысловых районах эта связь была гораздо

слабее, а пространство крестьянской свободы – соответственно шире. Однако и в областях развитого земледелия структура поместья и соотношение в нем разных форм рент отнюдь не были стандартными, а в значительной мере отражали личные предпочтения вотчинника, который, как это нередко случалось, мог вовсе не заводить или ликвидировать барщинное хозяйство, переведя всех крестьян на оброк.

Зависимость крестьян проявлялась и в так называемых баналитетах. Баналитет – это принудительная обязанность крестьянина использовать господский инвентарь, расплачиваясь частью продукта. Крестьяне должны были молотить зерно на мельнице господина, печь хлеб в господской печи, выжимать виноград на давилъне сеньора. Попытки крестьян обойти запрет пользоваться собственными ручными мельницами преследовались, а последние изымались и уничтожались. Известны многочисленные крестьянские бунты против сеньориальных баналитетов.

Кроме того, господин был не только получателем крестьянской ренты, но и судьей над своими людьми. Королевские суды в ряде стран не принимали жалоб крестьян на их господина. Объем компетенции сеньориальных судов (курий) был различным – от наложения штрафов за воровство и за отказ от барщины до права смертной казни. Кулачная и палочная расправа, во всяком случае, входила в число наказаний, применяемых частным судом. Многочисленные штрафы, налагаемые поместными судами за различные правонарушения, составляли немалую долю доходов вотчинника и нередко разоряли крестьянские хозяйства. В частности, «Песня землепашца» отводит этой форме эксплуатации значительную роль в бедственном положении английских вилланов XIII в.

Преобладающей формой поселения западноевропейских крестьян в XII–XIII вв. была деревня, средняя численность жителей которой колебалась между двумя-четырьмястами человек. Территория деревни распадалась на три части: внутреннюю – место поселения, пахотную землю и так называемую альменду – неподделенную землю, находившуюся в совместном пользовании (лес, воды, луга, пустоши). Как место поселения, деревня состояла из дворов, деревенской площади и колодца. Двор средневекового крестьянина представлял собой сложный комплекс: он включал дом с примыкающими строениями, сад, виноградник, небольшие участки, засеянные льном или коноплей. При этом с точки зрения средневекового права двор имел решающее значение; именно с ним было связано право пользования пахотной землей, он сохранял свою правовую значимость и в том случае, когда на нем не было дома, – если дом сгорел или был разрушен. В рамках хозяйственной жизни дво-

ра крестьянин действовал по своему усмотрению и его трудовая деятельность здесь никем не регламентировалась.

Внутренняя территория деревни была обнесена изгородью, принимавшей подчас характер укреплений типа городских валов и рвов. Селиться за пределами ограды было запрещено. По мере роста населения ограда расширялась. С деревенской оградой, обозначавшей границы поселения, связывались древние магические представления, она служила также защитой от неожиданного нападения. Реальный мир средневекового крестьянина был пронизан двойственностью, находившей отражение в противопоставлении «своей» возделанной земли и бескрайних массивов «чужого» леса, пустошей, болот, которые ограничивали его пространственный и умственный кругозор. Хозяйственный прогресс Средневековья долгое время сводился к выкорчевыванию деревьев и распашке пустошей, к освоению леса. Деревни были отделены друг от друга глухим бором, «ничья земля» разделяла территории, уже вовлеченные в сферу собственности крестьянских общин или феодальных сеньоров. Там, где было много невозделанных, главным образом лесных пространств, членам общины предоставлялось право заимки пустой земли в личное пользование.

Обнесенная изгородью территория средневекового деревенского поселения располагала особым правом (миром) – преступления, совершенные на территории деревни, карались с особой строгостью. Одним из институтов деревенского мира было, в частности, право предоставления убежища, но в полной мере это право не утвердилось – феодальная судебная власть постоянно ограничивала его, а в ряде случаев вообще отрицала. В отличие от города средневековой деревне не удалось превратиться в замкнутую сферу действия особого права.

Пахотная земля деревни подразделялась на три поля, которые в свою очередь делились на отдельные полосы. В принципе полноправный крестьянин – владелец двора – должен был иметь в каждом из полей свои полосы, однако в действительности дело обстояло далеко не так. Имущественная дифференциация очень рано возникла в средневековой деревне: отнюдь не все крестьяне располагали плугом (или сохой), имели упряжку, немало было и таких, которые обрабатывали свой участок вручную. Можно обнаружить целую иерархию уровней жизни внутри каждой юридической категории крестьян. Верхушку деревенского общества составляла малочисленная группа зажиточных крестьян, имевших значительные по площади наделы и занимавших различные должности в сеньориальной администрации, что обеспечивало режим наи-

большого благоприятствования в хозяйственной деятельности, возможности для обогащения и социальный престиж.

Альменда – это прежде всего лесные угодья, а лес для крестьянина Средневековья был не только источником топлива и строительного материала, но главным образом пастбищем, и в первую очередь для свиней. Пользование альмендой первоначально было привилегией полноправных крестьян, и до тех пор, пока деревня состояла из однородных в правовом отношении домохозяйств, альмендой пользовались совместно, а коллективные права и обязанности укрепляли соседские связи. Но с XIII в. положение меняется: под влиянием роста численности населения, интенсивного освоения нови и резкого сокращения лесных угодий обостряется борьба за альменду – сначала между зажиточными, полноправными крестьянами и бедным людом, а затем между всеми жителями деревни и пришельцами, корчевавшими леса.

Деревня была самодостаточной экономической единицей, производящей все (или почти все) необходимое для существования. Из этого, однако, не следует, что продукция крестьянских хозяйств целиком предназначалась для внутреннего потребления и платежей феодалу. Даже в небольших деревнях уже в IX-X вв. возникают еженедельные рынки, и крестьяне втягиваются в торговлю продуктами земледельческого производства. В целом к 1300 г. экономическое положение крестьян многих областей Западной Европы было тяжелым и они более чем когда-либо ранее нуждались в дополнительных источниках дохода, что способствовало развитию сельских промыслов. Но и в предшествовавший период в деревнях, располагавшихся в окрестностях городов, где развивалось сукноделие, крестьяне работали сдельно или за установленную плату на предпринимателя, обосновавшегося в городе.

И вместе с тем связь деревни с внешним миром была ограниченной и жизнь здесь больше, чем где-либо, подчинялась природному ритму и обычаям. Крестьянство, само существование которого зависело от непосредственного взаимодействия с природой, воспринимало себя как ее неотъемлемую часть. Вся его трудовая деятельность подчинялась привычной смене времен года и повторяющимся циклам сельскохозяйственных работ. Рутинная обстановка придавала черты патриархальности не только крестьянскому быту, но и взаимоотношениям с феодалами. Пока феодальная рента ограничивалась размерами потребляющего хозяйства сеньора, эксплуатация скрывалась под покровом традиционных услуг, оказываемых друг другу обеими сторонами. Когда созревал урожай и господин испытывал особенно большую потребность в рабочих руках,

обычай требовал, чтобы крестьяне выходили на помощь, отрываясь от своих собственных столь же настоятельных дел, но за это обычай требовал от сеньора щедрого угощения, подчас стоившего больше убранного зерна. Таким образом, патриархальность отношений закреплялась соображениями хозяйственной необходимости: обе стороны, несмотря на взаимное недовольство, не могли обойтись друг без друга и направляли свои усилия на ежечасное воспроизводство установившихся хозяйственных форм и социальных связей.

Нередко случалось недалёковидному сеньору непомерными поборами и притеснениями подрывать основы крестьянского хозяйства. Кроме того, бесконечные распри и вооруженные столкновения, затяжные феодальные войны сеньоров между собой имели разрушительные последствия, которые больше всего сказывались на материальном положении крестьян и угрожали самой их жизни. Именно потому, что крестьянин и его труд служили источником существования и богатства своего господина, сеньоры в борьбе друг с другом стремились подорвать, а то и вовсе уничтожить этот источник.

Хроники, сообщающие нам о бесконечных феодальных войнах, сопровождают рассказы стереотипным рефреном о разорении крестьян, горящих деревнях, избиваемых стариках, женщинах и детях. Сражаются рыцари, а хронист добавляет: «Дома и сельские строения погибали, будучи преданы огню и мечу». Описание осады замка хронист обычно сопровождает фразой: «жители многих деревень истреблены, и даже были сожжены церкви с людьми, которые порывались скрыться в них, как сыновья под покровом матери». В Артуа в начале XII в., рассказывают «Деяния епископов камбрейских», сражались люди сеньора Гуго с епископом города Камбрэ. Сначала Гуго, укрепившись в своем замке Кревкер, грабит и сжигает окрестные деревни, истребляет крестьян, нападает на всех, кто идет на базар в город. Затем то же проделывает епископ, нисколько не стесняясь своего звания, по отношению к деревням и людям своего недруга. В 1260 г. Эрве де Шеврез с четырьмя оруженосцами нападает на земли приората Иветт, мучает крестьян, отнимает у них лошадей. В 1315 г. люди гасконского герцога захватывают земли рыцаря Пьера де Лавердака, угоняют тысячу голов скота, арестовывают и убивают многих из его держателей [7:177].

Попытки установить внутренний мир помогли мало, но самые договоры и клятвы свидетельствуют о трудности положения крестьян. В 1023 г. Варэн, епископ Бовэзийский, приглашал сеньоров давать такую клятву: «Я не отниму ни вола, ни коровы, никакого другого скота; я не

буду захватывать в плен ни крестьян, ни крестьянок, ни купцов; я не буду отнимать у них денег и принуждать их выкупать себя из плена, Я не пожелаю, чтобы они теряли свое имущество из-за войны их сеньора, и я не буду подвергать их порке, дабы отнять у них пропитание. Я не буду захватывать у них на пастбищах ни коней, ни кобыл, ни жеребят. Я не буду разорять и предавать огню их дома; не буду отбирать у них виноград и не буду под предлогом войны истреблять виноградники. Я не буду разрушать мельниц и не буду похищать на мельницах муку, если только это не будет на моей земле, и я не буду требовать постоя» [5: 177-178]. Но, как правило, господин был заинтересован в жизнеспособности хозяйства своих крестьян. Поэтому, если богатеющий крестьянин нередко встречал со стороны господина недоверчиво враждебное отношение, то разоряющийся бедняк мог получить поддержку и помощь зерном, скотом или недостающим инвентарем, особенно в голодный неурожайный год, и одновременно эта помощь усугубляла зависимость ее получателей, зачастую вынужденных платить за нее отработками, что усиливало социальную напряженность, которая время от времени проявлялась в саботаже на барщине, отказе платить оброки и штрафы, кражах с полей сеньора и браконьерстве в его лесах, поджогах и порче его имущества, побегах крестьян. Относительное равновесие этой системы отношений было нарушено в результате бурного роста товарно-денежных отношений и кризиса барщинно-домениального хозяйства в XIV в., выразившегося в постепенной ликвидации собственной запашки сеньора и сдаче господской земли крестьянам в различного рода держания, в коммутации, т. е. в переводе натуральной и отработочной ренты в денежную форму, и в так называемом освобождении крестьян, т. е. в выкупе ими повинностей, вытекающих из их личностно-зависимого статуса (поземельная и судебная зависимость крестьян от сеньора и связанные с ними платежи сохранялись в полной мере). Одновременно многочисленные войны и междоусобицы XIV в. основательно разрушили образ защитника и поколебали престиж сеньора в глазах крестьянства, способствовали психологическому и моральному отчуждению крестьян от своих господ. Разоренные Столетней войной французские крестьяне имели все основания усомниться в том, что их сеньоры способны выполнять какую-то общественно-полезную функцию. По словам очевидца событий, монаха Жана де Венетта (1307- 1371 гг.), сочувствовавшего простому народу, «крестьяне, видя бедствия и утеснения, которые со всех сторон им учиняли и от которых дворяне не только их не защищали, а напротив, еще больше, наподобие врагов, их тес-

нили, с оружием в руках поднялись против французской знати». Вот как описывает он ситуацию во французской деревне и положение крестьянства в год Жакерии: «В этом (1358 г.) году виноградники, источник благотворной влаги, веселящей сердце человека, не возделывались; поля не обсеменялись и не вспахивались; быки и овцы не ходили по пастбищам; церкви и дома... повсюду носили следы всепожирающего пламени или представляли груды печальных, еще дымящихся развалин. Глаз не услаждался, как прежде, видом зеленых лугов и желтеющих нив, но наталкивался всюду на тернии и сорные травы. Колокола не звонили радостно, призывая верных к божественной службе, а лишь били тревогу, подавая сигнал к бегству крестьян при приближении неприятелей. Что сказать мне еще? Нищета царила повсюду, и особенно среди крестьян, ибо сеньоры усугубляли их страдания, отнимая у них и имущество, и их бедную жизнь. Хотя количество оставшегося скота – крупного и мелкого – было ничтожно, сеньоры все же требовали платежей за каждую голову: по 10 солидов за быка, по 4-5 солидов за овцу. И, тем не менее, они редко обременяли себя заботами о том, чтобы защищать своих вассалов от набегов и нападений неприятелей...» [7:77].

Одним из существенных элементов средневекового обычая и вместе с тем его главной опорой была сельская община, крестьянский коллектив, объединявший и сплачивавший отдельные семьи. Сельская община обладала многообразными функциями: хозяйственными, административными, социально-культурными. В распоряжении общины находились неподделенные угодья – альменда. Община как целое могла дарить или продавать эти угодья и вместе с тем она обеспечивала каждому общиннику право пользоваться ими. Запрещалась лишь эксплуатация общинных владений с целью наживы: можно было ловить дичь и рыбу для себя, но не для продажи, и точно так же воспрещалась рубка леса на продажу или выпас чужих свиней. Чересполосица крестьянских земель ставила очень остро вопрос об общинном контроле за сельскохозяйственными работами: каждый клин должен был засеиваться одним сортом семян, обрабатываться и убираться в одно время и в одно время превращаться в открытое поле, на которое выгоняли пастись скот. Общинный сход решал дела, касавшиеся общего хозяйства, решал земельные споры между крестьянами, наказывал за мелкие проступки. Со временем, когда в этом возникала потребность, традиционно поддерживавшиеся общинные распорядки могли быть зафиксированы в уставе общины.

Административные права общины складывались из судебных и фискальных функций. Объем этих прав был различным: в некоторых средиземноморских районах деревня становилась самоуправляющейся коммуной, привилегии которой фиксировались специальной хартией, в других – деревня была подчинена воле сеньора и ее должностные лица (староста и присяжные) либо избирались под контролем господина, либо прямо им назначались. В соответствии с этим община брала на себя осуществление своего рода круговой поруки, требуя от своих членов добросовестного выполнения феодальных повинностей и налагая штрафы на нарушителей обычая. А вместе с тем, приучал крестьян к совместному решению вопросов и к солидарным действиям, направленным на защиту общих интересов, община была той организованной силой, которая могла оказывать сопротивление сеньору и отстаивать от его притязаний свои леса и луга, равно как и традиционные размеры ренты. Таким образом, диалектика взаимодействия сеньора и местной сельской общины предполагала и сотрудничество, и конфликты на почве злоупотреблений фискального, судебного или административного характера. Выступая чаще всего в форме пассивного сопротивления, социальная борьба нередко выливалась в настоящие бунты, а иногда и в крупные крестьянские восстания.

Соотношение общины с господской вотчиной было весьма сложным. Сравнительно редко имело место полное совпадение деревни и вотчины, обычно же деревня распадалась на несколько феодальных держаний, принадлежавших разным лицам. Община как бы оказывалась разорванной на несколько владений и соответственно владения одного сеньора лежали в разных деревнях, не образуя единого территориального комплекса. Кроме того, сложность структуры общины проявлялась в том, что в ее состав входили обычно не только крестьяне разных сеньоров, но и крестьяне разного личного и поземельного статуса, обязанные своим господам разными повинностями. Разумеется, средневековую общину не следует идеализировать, она (во всяком случае, в XIII в.) не была эгалитарным учреждением. Внутри общины образовалась группа относительно зажиточных и в силу этого влиятельных семей, которые ссужали деньги на общинные нужды и оказывали решающее воздействие на поведение общины. По большей части именно из них выбирались старосты и присяжные. В функции общины входило поддержание мира на ее территории, организация противодействия пришельцам, а также благотворительность, контроль за функционированием церкви и часовни. Сопrotивляясь любым нововведениям, ог-

раничивая личную инициативу и предприимчивость, сельская община выступала хранителем не только аграрных распорядков, но и бытовых и культурных традиций.

Как никакой другой из социокультурных типов средневекового общества крестьянство разных стран и регионов несло на себе отпечаток конкретных географических, климатических, демографических условий среды обитания, которые формировали его характер в историческом процессе борьбы производителей с природой за выживание и материальное обеспечение своих семей и своих господ. Природные условия и тип занятий определяли ритмы трудовой деятельности, которые, конечно, были различными у земледельцев и у тех, кто занимался перегонным скотоводством. В целях самодостаточности и большей защищенности от капризов погоды и постоянной угрозы голода крестьянин должен был поддерживать многопрофильность своего хозяйства, выращивать различные культуры, заниматься домашними промыслами. В благосостояние семьи вносили свой вклад все ее члены: женщины пряли и ткали, дети пасли скот.

С монотонностью тяжелого физического труда и вынужденным повседневным самоограничением контрастировали яркие и буйные народные празднества, сопровождавшиеся пирами и попойками, танцами и играми, многие из которых восходили к языческим, дохристианским временам и которые уже, может быть, в силу одного этого встречали осуждение церкви и светских властей. Именно в крестьянском быту всего прочнее сохранялись архаичные верования и обычаи, да и сами христианские представления и мифы перекраивались на языческий лад, получая новое содержание за счет фольклора, народных верований и социально-этических представлений. Так возникла народная трактовка христианства, или «народная религия».

Крестьянское население в массе своей оставалось неграмотным. Все же некоторая, хотя и очень небольшая часть крестьян при особо благоприятных условиях получала элементарное образование... Во Франции во многих деревнях уже в XIII в. имелись церковноприходские школы, в которых обучались и крестьянские дети, готовившиеся к духовному званию. Они получали низший духовный сан и часто становились авторами многих стихов и песен.

Песни, сказки, поговорки, басни, которые, по крайней мере, до XVI в. повсеместно сохранялись только в устной традиции, бытовали преимущественно в крестьянской среде и чем дальше, тем больше становились выражением собственно крестьянского мировосприятия. То же относится и к новым фольклорным жанрам, возникшим в XIII-XV вв. имен-

но в крестьянской среде. Излюбленные сюжеты баллад связаны в первую очередь с живыми человеческими чувствами и переживаниями – страданиями влюбленных из-за различий в их социальном положении, защитой девушкой своей части или ее мезтью за поруганную честь (обычно человеку богатому и привилегированному), трагедией семьи, разоренной долгами, столкновениями между бедными и богатыми.

Неизменным в принципе оставалось и отношение к бедности и богатству, как к двум неразрывно связанным и взаимодополняющим явлениям. Всякая зависимость крестьянства, в том числе и личная, по-прежнему считалась закономерной, установленной богом после грехопадения, а его равенство с другими членами общества признавалось только перед Богом, но категорически отвергалось применительно к реальной общественной жизни... В литературе XIII-XV вв. крестьянин обычно изображается как бедняк или человек, стоящий на грани бедности... Удел бедного труженика плохо согласовался с представлением о личном достоинстве крестьянина. Даже в ортодоксальной церковной литературе, с ее внешним пиететом к бедности, крестьянам охотно приписывались пороки, которые бы служили оправданием их бедности и тяжелого, неполноправного положения. Монах Гильом из Нормандии (XIII в.) видел главный порок бедных людей в том, что они «не желают покорно, по доброй воле, сносить свои страдания и бедность, что они преступны и полны зависти, злословия, гордости... всегда мечтают о приобретении богатства». Другой церковный писатель XIII в. Готье де Куэнси считал, что тяжелый труд и бедность крестьян – это наказание за их равнодушие к Богу и церкви, нежелание платить десятину и ненависть к духовенству.

Еще резче настроено было в XIII-XV вв. по отношению к бедным, и в частности к крестьянам, рыцарство, особенно во Франции и в Англии. Около 1260 г. французский поэт, рыцарь Робер де Блуа в поэме «Наставление государям» призывает «более всего воздерживаться от доверия к сервам», ибо «против природы возвышать тех, кого она желает принизить». Сервы же существуют только для того, «чтобы служить». Они лишены чувства верности и ежедневно готовы менять по своей воле сеньора, ибо не умеют любить всем сердцем. Широко известны инвективы против крестьян знаменитого трубадура Бертрана де Борна (конец XII в.): «Мужики, что злы и грубы, на дворянство точат зубы, только нищими мне лобы. Любо видеть мне народ голодающим, раздетым, страждущим, небогатым»... Среди феодалов имели хождение унижительные для крестьян поговорки «спина Жака-простака все вынесет», «мужик тот же бык, только без рогов» и прозвища «пентюх», «войлок», «гужеед», «земля-

ной крот» и т. д. Эти принижающие достоинство крестьянина характеристики оказывали известное влияние на его самооценку.

В XIV в. отдельными представителями крестьянства делаются попытки как-то осмыслить это новое отношение к крестьянскому труду. Весь пафос поэмы Ленгленда «Видение Уильяма о Петре Пахаре», например, заключается не только в противопоставлении труженика-пахаря тунеядцам-расточителям, но и в религиозном обосновании особых достоинств, далее «святости» крестьянского труда... Крестьянский труд выступает в поэме как средство спасения, как одна из высших христианских добродетелей..., ставится выше созерцательной жизни, даже если она проходит в постах и молитвах... [6:222]

Но в крестьянской среде в XIII-XV вв. существовали и иные представления о труде и лени. Они особенно ярко отразились в поэмах и балладах о стране изобилия, ... бытовавших и во Франции («Страна Кокань»), и в Англии («Страна Кокейн»), и в Италии («Страна Куканья»), и в Германии («Страна Шлараффия»). Содержание всех этих поэм очень сходно и, возможно, восходит к общему источнику. Схоже оно и со сказочными сюжетами о пряничных странах и городах, о молочных реках и кисельных берегах и т.д. Но главная прелесть этой страны – и это подчеркивается во всех вариантах, – что там не надо работать... В этом неоднозначном отношении к труду и лени проявлялась, однако, не столько противоречивость взглядов крестьянства в этих вопросах, сколько различные аспекты их рассмотрения – утопический и реалистический... [6:224.]

Богатство в широких массах крестьянства всегда вызывало подозрение в моральной нечистоплотности, стяжательстве, ассоциировалось с неправедно нажитым добром. В памятниках фольклора богатые люди чаще всего выводятся глупцами, которых легко обводит вокруг пальца умный бедняк, часто прослой крестьянин. Один из излюбленных сказочных сюжетов в средневековой Европе – о богатом и бедном крестьянине. Бедняк все время обманывает жадного богача, готового ради обогащения верить всяким небылицам, которые рассказывает ему бедняк, и, в конце концов, бросается с моста в реку, убежденный бедняком, что на дне реки пасется множество овец. Напротив, положительным персонажем большинства народных сказок Средневековья является социально обездоленный бедняк человек, крестьянский, часто младший, сын, лишенный наследства, пасынок или падчерица, также живущие в нищете.

Чувство личного и сословного достоинства, все отчетливее выступавшее в XIII-XV в. в социальной психологии крестьянства Западной Европы, было трудно совместимым с его личной несвободой. Личная

зависимость теперь сплошь и рядом воспринимается крестьянскими массами как оскорбление и унижение. В 1392 г. в Йоркшире (Англия), где в это время происходили крестьянские волнения, была популярна бунтарская боевая песня: «Но презрения мы не потерпим, ни от Хоба, ни от Джона, ни от кого другого. Мы были бы последними негодьями, если бы потерпели пренебрежение к вилланам, все равно от большого или малого человека». Позднее, в конце XV в., крестьянскую жажду свободы один английский виллан выразил так: «Если бы я мог добиться свободы, я был бы гораздо более счастлив, чем если бы имел любой материальный достаток»... [3:593-616.]

Социально-политические взгляды средневекового крестьянства представляли одну из наиболее идеологизированных сфер его духовной жизни... Мыслительным материалом для их идейного оформления, как и в более ранний период, служила официальная церковная политическая теория «трех сословий». Даже французские крестьяне во время Жаке-рии объясняли свою непримиримую ненависть к дворянам не в последнюю очередь тем, что они не выполнили свою сословную обязанность защиты королевства, и в частности крестьян... Но на более позднем этапе получают распространение и новые социально-политические идеи, связанные со стремлением изменить существующий строй. Среди них наиболее популярной была идея уравнивания сословий. Эта идея нашла практическое осуществление в одном из пунктов Смитфилдской программы 1381 г., который наряду с отменой личной зависимости требовал, чтобы все люди были «свободны и одного состояния».

В определенных кругах крестьянства пользовалась популярностью и идея уравнивания имуществ, которая обычно сочеталась с требованием его обобществления... В описании страны Кокейн говорится, что там «всё вместе у всех – у юнцов, стариков, у кротких, у смелых, худых, толстяков». В своих проповедях Болл выдвигал в качестве условия благополучия Англии не только уравнивание сословий, но и такое положение, «когда все станет общим». Идею общности имуществ проповедовали и левые табориты во главе с Маргином Гуской... Прimitивно-уровнительная оболочка этих требований, иногда связанная с проповедью крайнего аскетизма, естественно, могла привлечь лишь беднейшие слои крестьянства, остро нуждавшиеся в земле и не державшиеся за свое жалкое имущество, но они обычно оставались чуждыми для широких крестьянских масс, стремившихся, напротив, к максимальному улучшению своего положения, к укреплению своего личного хозяйства и не желавших делить свое имущество с бедняками...

Уравнительные идеи в смысле уравнения как сословий, так и имуществ были тесно связаны со стремлением крестьянских масс к полному переустройству общества на основе социальной справедливости... Такого рода социальные утопии сочетались обычно с призывом к активному революционному действию и насилию. Так, Дольчино призывал своих соратников во время восстания истреблять последователей римской церкви, требовать с них выкупа, отнимать их имущество, утверждая, что это не является грехом. Табориты оправдывали «божественным правом» призыв «обагрить свои руки кровью злых»... Джон Болл призывал крестьян перебить всех магнатов, убить архиепископа, изгнать всех судей и законовевов и установить порядок, при котором у всех будет «одинаковая свобода, одинаковая знатность и одинаковая власть».

Уравнительные взгляды и вытекавшие из них планы переустройства общества на основе социальной справедливости были новыми в крестьянском общественном сознании. Этот комплекс радикальных революционных социально-политических взглядов питался уже не ортодоксальной христианской доктриной, как более умеренные крестьянские взгляды, но ее явно еретической интерпретацией.

Глава II. «Новые» социальные группы западноевропейского общества

Купец

На протяжении долгого Средневековья купечество проделало сложную эволюцию, претерпев превращение из важного, но все же второстепенного персонажа аграрного общества в фигуру первого плана, носителя новых отношений, подрывавших традиционные основы феодализма. Картина мира, складывавшаяся в сознании купечества по мере его развития и изменений окружающего мира, общества в целом, вступала в противоречие с мировидением других слоев и сословий, а профессия и образ жизни деловых людей способствовали выработке новых этических установок и иного типа поведения.

А.Я. Гуревич писал, что началу XI в. в Европе, подавляющее большинство населения которой жило в сельской местности, существовали города и купечество. Их роль была отнюдь не незначительной. Государи, прелаты, аристократия, а отчасти и более широкие слои населения нуждались в разного рода изделиях и товарах, которые не могли быть произведены на месте и которые поэтому приходилось при-

возить из других мест, и подчас издалека. Не только роскошные одежды и ткани, ценная утварь и иные редкости, которые удовлетворяли престижные потребности правящей элиты, но и обиходные товары доставлялись по воде и по суше торговыми людьми. Купец раннего периода – персонаж, радикально отличавшийся от купца развитого и позднего Средневековья. В этом смысле показательны те торговые люди, которые действовали в Северной Европе в эпоху викингов. Викинг – воин, захватчик, грабитель, смелый мореплаватель и колонизатор. От нападений скандинавских викингов страдали жители Франции, Англии, Древней Руси и Средиземноморья. Там, где появлялись их отряды, горели деревни и города, повергались в руины монастыри, погибали люди и скот... Но нельзя упускать из виду, что экспедиции викингов были тесно связаны с торговлей. Нередко поездка норвежца или шведа в соседнюю страну представляла собой своего рода смешанное предприятие. Он вез с собой товары (продукты охоты и ремесла) и обменивал их на нужные ему вещи. Но как явствует из исландских саг, торговая поездка скандинава нередко завершалась его нападением на местных жителей, и то, чего он не мог выменять, он отнимал у них силой. Торговля и грабеж шли рука об руку.

Однако и те купцы раннего периода, которые не занимались разбоем, не были лишены воинственности, так как вынуждены были заботиться о своей безопасности. В «Беседе» церковного писателя и английского аббата Эльфрика (начало XI в.), в которой охарактеризованы разные профессии, наряду с монахом, землепашцем, ткачом, солеваром, рыболовом, охотником, кузнецом назван и купец. В его уста вложены следующие слова: «Я полезен королю, знати, богатым и всему народу. Я вхожу на корабль со своими товарами и плыву в заморские края, продаю товар и приобретаю ценные вещи, коих здесь нет. Я привожу их с большим риском, подчас терплю кораблекрушение, теряя все свое имущество и едва спасая собственную жизнь». Купец привозит дорогие ткани и одежды, драгоценные камни и золото, вино и масло, слоновую кость, железо и другие металлы, стекло и множество других вещей. Собеседник спрашивает купца: «Ты продаешь эти вещи за ту цену, за которую купил их?» – «Нет. Что же тогда дал бы мне мой труд? Я продаю дороже, чем сам купил, с тем, чтобы получить кое-какую прибыль и прокормить жену с детьми».

Тем не менее, по оценке Эльфрика, наиболее важным для общества является труд пахаря, который «всех кормит». «Экономическая мысль» раннего Средневековья не выходила за рамки натурального хозяйства.

Теоретики складывавшегося феодального общества не упоминают городское население, ремесленников и купцов. Не потому, разумеется, что их роль была совершенно незначительна, а потому, что в обществе XI–XII веков, в котором господствовала традиция, старые понятийные схемы до такой степени сохраняли свою былую силу, что могли игнорировать живое многообразие конкретной действительности. Подозрение в некоторой моральной неполноценности купеческого занятия восходит еще к Античности. Оно еще более усилилось с утверждением христианской идеологии (Христос изгнал торгующих из храма). Если труд земледельца столь же необходим для функционирования социального организма, как молитвы монахов и клириков и ратные подвиги воинов, то городские занятия и в особенности торговля оставались сомнительными и подозрительными с точки зрения господствующей этики. Недоверие к торговцу крестьян и пренебрежительное отношение знати находило параллель и обоснование в учении церкви.

Отношение общества к купцу, как уже говорилось, было очень противоречивым. С одной стороны, без него трудно обойтись. Наставления, которые отец дает своему сыну в «Королевском зеркале», описывающем разные слои и социальные разряды Норвегии с точки зрения образованного норвежца первой трети XIII века, начинаются характеристикой деятельности купца. Человек, который намеревается стать купцом, говорит отец, подвергает свою жизнь многим опасностям как на море, так и в языческих землях и среди чужих народов. Поэтому в чужих землях он должен постоянно держаться осмотрительно, на море же необходимо уметь принимать немедленные решения и обладать большим мужеством. «Когда же ты прибыл в торговое место или еще куда-либо, – наставляет отец, – ты должен выказать себя благовоспитанным и приятным человеком, чтобы завоевать всеобщее расположение» [8: 255]. Надобно тщательно изучать обычаи тех мест, где ведешь торговлю. В особенности важно хорошо знать торговое право. Для того, чтобы преуспеть в своей коммерции, купец должен владеть языками и прежде всего латынью с французским, ибо эти языки наиболее употребительны. Купцу-мореплавателю следует разбираться в расположении светил и в смене времени суток, так же как и распознавать страны света. «Не пропускай ни одного дня без того, чтобы не узнать что-нибудь полезное для себя... и если ты действительно желаешь прослыть мудрым, то ты должен постоянно учиться». Купцу надлежит быть миролюбивым и сдержанным, «если же обстоятельства принуждают тебя к столкновению с противником, не спеши с мстью, но тщательно все рассчитай и

действуй наверняка». Особую осмотрительность нужно проявлять при выборе торговых компаньонов. «Часть прибыли всегда надлежит выделять Всемогущему Богу и Святой Деве Марии, равно как и тем святым, к которым ты чаще всего обращаешься за содействием». При соблюдении всех этих советов можно разбогатеть. Сознавая большой риск, с которым связана заморская торговля, автор «Королевского зерцала» рекомендует молодому купцу: «Когда ты увидишь, что в результате торговых поездок твое богатство действительно сильно увеличилось, то две трети капитала лучше всего из дела забрать и вложить в хорошее земельное владение», ибо такой род имущества кажется наиболее обеспеченным как для самого собственника, так и для его потомков. Практика вложения капиталов, созданных в торговле, в земельную собственность широко была распространена в странах Европы, от Германии до Италии.

С другой стороны, социальный престиж купцов весьма невысок. Богач вызывает зависть и недоброжелательство, его добропорядочность и добросовестность внушают серьезные сомнения. В целом купец оставался скорее «парией» средневекового общества на ранней его стадии. Он покупает за одну цену, а продает товар за более высокую. Здесь таятся возможности обмана и несправедливой наживы, и богословы охотно вспоминали слова Иоанна Златоуста: «Ремесло купца неугодно Богу». Ибо, по словам отцов церкви, трудно, чтобы в отношении купли-продажи не затесался грех. В перечнях профессий, расцениваемых как «бесчестные» и «нечистые», – такие перечни составлялись богословами – почти постоянно фигурировала торговля. Отвергая земной мир, обесценивая его перед лицом мира небесного, духовенство не могло не осуждать торговлю, занятие, преследующее целью получение прибыли. «Торговля имеет в себе нечто постыдное», – писал Фома Аквинский, полностью признававший ее необходимость. Эта противоречивость положения купца раскрывается и в проповеди нищенствующих монахов. Вспомним, что основатель ордена францисканцев происходил из семьи богатых купцов-суконщиков. Проникнувшись идеалами евангельской бедности, Франциск Ассизский бросил имущество и порвал со своей семьей, основав братство единомышленников, которое вскоре превратилось в монашеский орден. Перед лицом растущего недовольства народа богатствами церкви, знати и городских верхов, недовольства, которое порождало ереси, церковь нашла целесообразным взять нищенствующих монахов под свое покровительство и инкорпорировать это движение в свою официальную структуру. Она желала, чтобы «нагие шли за нами Христом» под ее эгидой, а не в русле еретических

движений. Проповедь новых орденов ставила имущих перед острой моральной дилеммой. Царство небесное уготовано для отрешившихся от земных благ, и алчность источник богатств – является одним из наиболее тяжких смертных грехов. Проповедники не уставали метать гром и молнии на головы корыстолюбцев и богачей.

Особый гнев вызывали те богачи, которые сужали деньги под проценты. К такому способу приумножения капитала особенно часто прибегали купцы. В деньгах нуждались все – от государей и знати до мелких торговцев, ремесленников и крестьян. Христианские авторы всегда осуждали ростовщичество и сулили ростовщикам адские муки на том свете. В 1179 году церковь официально воспретила ростовщичество христианам. Этими запретами в немалой степени объясняется та роль, которую играли иудеи в экономической жизни Запада. Будучи инаковерующими, они могли заниматься деятельностью, которая на практике была необходима, но решительно осуждалась церковью как нехристианская профессия. Тем не менее ростовщиками были и многие христиане.

В «примерах» – включаемых в проповедь кратких анекдотах, заимствованных из фольклора или литературы минувших времен и содержащих нравоучительные наставления, – ростовщик изображен моральным монстром. «Примеры» о ростовщиках неустанно обыгрывают одну и ту же идею: ростовщик – враг Бога, природы и человека. Неправедно нажитые деньги, положенные в тот же сундучок, в котором хранились деньги, полученные монахами в виде подаяний, буквально пожрали эти последние. Во время морского путешествия обезьяна захватила кошель ростовщика и, взобравшись на мачту корабля, обнюхивает монеты и выбрасывает за борт все нажитое при посредстве ростовщических операций. Суд над душой ростовщика происходит в момент его кончины, и страховидные демоны тащат его душу прямо в ад, при этом засовывая ему в рот раскаленные монеты. Ростовщик – самый верный слуга дьявола, и тот подчас является за его душой, не давая несчастному ни малейшей отсрочки для того, чтобы возместить причиненный им ущерб или замолить грехи. Вспомним сцены адских мук ростовщиков в Дантовом «Аду». Ничто не может спасти душу богача, жившего за счет процентов, кроме полной раздачи всего неправедно накопленного богатства тем, кого он при жизни эксплуатировал. «Ты можешь принять крест у папы, переплыть море, сражаться с язычниками, отвоевать святой Гроб, – обращается немецкий францисканец Бертольд Регенбургский к ростовщику, – и тем не менее при всей твоей святости душа твоя погибла».

Ростовщик гнусен в глазах Бога и человека прежде всего потому, что нет другого греха, который когда-нибудь не отдыхал бы: прелюбодеи, развратники, убийцы, лжесвидетели, богохульники устают от своих грехов, между тем как ростовщик продолжает наживаться непрерывно. Своей деятельностью он отрицает нормальное чередование труда и покоя. Ростовщичество разрушает связь между личностью и ее практикой, ибо даже тогда, когда сам ростовщик ест, спит или слушает проповедь, проценты продолжают нарастать. Господь заповедовал человеку добывать хлеб насущный в поте лица, тогда как ростовщик наживается не трудясь. Торгуя ожиданием денег, то есть временем, он крадет время – достояние всех творений, а потому тот, кто продает свет дня и покой ночи, не должен обладать тем, что продал, то есть вечным светом и покоем.

Бремя проклятья, тяготеющего над душой ростовщика, таково, что на похоронах одного из них соседи были не в силах поднять его тело. Священники отказываются хоронить ростовщика в освященной земле и, когда труп ростовщика водрузили на осла, тот вывез его из города и сбросил в навозную кучу под виселицей. Ростовщиков, которые сознают греховность своей профессии, иногда посещают ужасные видения. Один из них, лежа в постели, внезапно увидел себя стоящим перед Страшным судом и уже выслушал приговор, который передавал его в руки чертей. Пробудившись, он в припадке безумия выбежал из дома, отказываясь покаяться и возместить ущерб, и тут же на реке показался корабль, быстро двигавшийся против течения и никем не управляемый. Ростовщик вскричал: «На корабле полно чертей!» – и они тут же его схватили и увезли в преисподнюю...

Ненависть к ростовщикам была всеобщей. Хронист первой половины XIII века Матвей Парижский писал о ломбардцах – так называли в странах севернее Альп итальянских банкиров и ростовщиков: «Ломбардцы – большие ловкачи... предатели они и обманщики... Они пожирают не только людей и домашних животных, но и мельницы, замки, поместья, луга, рощи и леса... В одной руке у них лист бумаги, в другой – перо, и с их помощью они обдирают жителей как липку и набивают их серебром свои кошельки... Они жиреют на нужде других, и сами они как волки, что пожирают людей». Погромы и избиения итальянских ростовщиков на Западе – столь же частое явление на протяжении последней трети-четверти XIII века и в XIV столетии, что и еврейские погромы, с тем лишь различием, что последние обосновывались, помимо ненависти к богатым ростовщикам, еще и религиозными мотивами.

Ростовщичество губит не только души самих наживал, но и души их детей, если они унаследовали неправедное богатство и не возместили причиненного отцами ущерба. Некто имел видение: из чрева человека, ввергнутого в адское пламя, растет большое дерево, но ветвях которого висят люди, пожираемые этим огнем. Что сие означает? Находящийся внизу – родоначальник всех этих поколений, возвысившийся благодаря ростовщичеству, а потомки мучаются потому, что пошли по стопам своих отцов.

Так обстояло дело в XIII веке, но отрицательное отношение церкви к ростовщичеству сохранялось и в последующие столетия. Если в своих теоретических трактатах архиепископ Флоренции Антонин и делал некоторые уступки финансовой деятельности, достигшей в итальянских городах XIV-XV веков наивысшего развития, то в проповедях Бернардино Сиенского рисуется впечатляющая картина осуждения умирающего ростовщика всеми сакральными силами и вообще всей вселенной: «Все святые блаженные и ангелы в раю восклицают: «Во ад, во ад его!»; небеса вопят своими звездами: «В огонь его, в огонь!»; планеты взывают: «Во глубину ада, во глубину ада!», и восставшие на него элементы мира кричат: «На муки его, на муки!» И сам дом, в котором лежит умирающий, все стены и балки не перестают призывать на него карь».

Подобные проповеди и осуждения профессии ростовщиков не могли положить предела их деятельности, хотя им и приходилось прибегать к уловкам, чтобы избежать позора. Их воздействие было социально-психологическим по преимуществу. Сознание противоречия между прибыльной хозяйственной практикой и чрезвычайно низкой ее моральной оценкой приводило к раздвоенности духовного мира ростовщиков до тех пор, пока была сильна их религиозность. Но этика накопительства оказывалась в явном противоречии не только с религиозной доктриной, но и с коренными установками аристократии. Для последней доблестью было наглядное и церемониальное распоряжение богатствами, их публичное расточение. Траты, не соответствующие реальным доходам, служили знаком благородства и щедрости. Между тем купец не может не быть расчетливым и бережливым. Он должен копить деньги и с умом тратить свои средства, надеясь на прибыль.

В XIII веке архаическая трехфункциональная схема общественного устройства («молящиеся» – «сражающиеся» – «пахари») пришла в явное противоречие с социальной действительностью. В проповедях нищенствующих монахов мы встречаем признание сословной и профессиональной многоликости населения и это было связано прежде всего с подъемом городского населения, торговой его прослойки.

Францисканский проповедник Бертольд Регенбургский, наряду с традиционными тремя высшими разрядами, выделял еще шесть, представители которых должны были выполнять свои должности и верно служить высшим. Эти шесть разрядов как бы рядоположены, развернуты «горизонтально», в отличие от «вертикальной» иерархии трех высших разрядов, избранных самим Творцом для того, чтобы остальные им повиновались. Иерархия шести разрядов или «хоров», по терминологии проповедника, – иерархия земная. Она включает в себя всех тех, кто изготавливает одежду и обувь (первый «хор»), ремесленников, работающих с железными орудиями (второй «хор»), купцов (третий «хор»): они привозят товары из одного королевства в другое, плавают по морю, одно доставляют из Венгрии, другое из Франции. Четвертый «хор» составляют продавцы пищи и питья, снабжающие население необходимыми припасами. Пятый «хор» – крестьяне, шестой – лекари. Обрушивая проклятья на «алчных» и богачей, Бертольд вместе с тем вполне оправдывает существование торговли и купечества – они необходимы для функционирования целого и их занятия расцениваются как призвание, предопределенное Творцом, точно так же, как и призвание земледельца, судьи или монаха. Честная торговля – таков идеал Бертольда как и других проповедников XIII столетия. Богатство и собственность – не предосудительны, если приобретены законно, честным путем и не используются для дурных дел. Ибо имущество также вверено Богом владельцу, как и его персону, время и должность, и он является лишь управителем своего богатства и должен будет дать отчет за его употребление. В этой переоценке основных христианских ценностей обнаруживается скрытое влияние новой, позитивной оценки труда, в отличие от традиционного его восприятия как кары за первородный грех, собственности, складывающейся в городе. И здесь нелишне отметить, что проповедническая деятельность Бертольда развертывалась в городах Южной Германии (Аугсбург, Регенбург и др.), которые в XIII веке были крупными торговыми центрами с богатым купечеством.

В этот период христианство из «религии священников» становится «религией масс». В «старые мехи» начинает вливаться «новое вино». Оставаясь богословом, проповедником Бертольд неукоснительно придерживался смысла средневекового христианства. Но самый этот смысл неприметно для современников менялся, акценты сдвигались. Земные труды и материальные интересы находили в его речах теологическое обоснование, получали высшую санкцию, возводились в ранг выполнения божественных предначертаний. Чело-

веческая личность, которая начинала себя осознавать, принимала себя самое, свое общественное и профессиональное призвание, свою собственность и свое время за дары Бога, «таланты» (по терминологии Бертольда), кои надлежало возвратить Творцу сохранными и даже по возможности преумноженными. Своей проповедью теологи, монахи нищенствующих орденов немало способствовали религиозно-этическому оправданию торговли и купечества...

XIII и первая треть XIV века – период расцвета купечества. Во многих городах Европы купеческая верхушка, сконцентрировавшая в своих руках огромные богатства, образует патрицианский слой города, который оказывает решающее влияние на его управление. Составляя незначительный процент городского населения, купцы и предприниматели обладают полнотой власти. Они заполняют городские советы, проводят выгодную им налоговую политику, держат в своих руках суд и местное законодательство. От них зависят массы наемных рабочих, слуг, мелких ремесленников и торговцев. Во Флоренции эта олигархия носит выразительное название «жирный народ», которому противостоит «тощий, мелкий люд». По утверждению итальянского хрониста, «народ» – это «та часть населения, которая живет куплей-продажей», тех же, «кто живет трудом рук своих», он «народом» не считает. Немецкий хронист, поведав о восстании в Майнце, называет восставших «зачумленной массой», «опасной толпой».

Образ купца XIII-XIV веков – человек, который «сделал сам себя». Любекский купец Бертольд Руценберг не без гордости писал в своем завещании (1364), что ничего не унаследовал от родителей, но все богатства, которым он владеет, были добыты напряженным трудом. Естественно, в духе эпохи удачливый купец склонен был объяснять рост своих доходов благосклонностью к нему Бога. Не происхождение, а способности и их умелое применение – главное достоинство купца.

Но что представлял собой выбившийся в число патрициев нувориш? Хорошо известно, что эксплуатация крестьян благородными землевладельцами могла быть чрезвычайно суровой и что сеньоры нередко смотрели на подвластных им людей с нескрываемым пренебрежением и даже с ненавистью, отказывая им в человеческом достоинстве. И все же в природу феодальных отношений входил личный момент – то были межличностные, неанонимные отношения. Строились ли отношения между денежными людьми и зависевшими от них мелкими производителями по той же феодальной модели? На этот вопрос приходится отвечать отрицательно. Мелкий люд, ремесленник, плебс, предпролетарские эле-

менты средневекового города подвергались беззащитной и безудержной эксплуатации. Если в аграрной области самая структура сеньориальных отношений предполагала известную патриархальность, то в сфере торгово-купеческой ее вытесняла погоня за чистоганом.

Остановимся в этой связи на одной только фигуре, достаточно характерной, – на фландрском суконщике Жане Буанеброке, умершем около 1286 года. Мелкие ремесленники и рабочие, которых он нещадно эксплуатировал, были в его глазах исключительно инструментом для извлечения прибыли. Обирая и разоряя их, Буанеброк всячески унижал их, оскорблял и высмеивал, не признавая за ними никакой человеческой ценности и используя их полную зависимость от себя. Тем не менее этот суконщик не мог не сознавать, что его душе на том свете уготована расплата, и в соответствии с завещанием Буанеброка его наследники возместили ущерб тем, кого он обирал при жизни. Не будем чрезмерно обобщать, но судя по тем взрывам ненависти, которые сотрясали западноевропейские города на протяжении XIII-XV веков, Буанеброк не представлял собой исключения. Таким же неумеренным наживалой был и Бертран Морневех, головокружительно быстро разбогатевший бедняк, который стал членом Любекского совета. Он умер в том же году, что и Буанеброк и многие богатые семьи оказались должниками его вдовы [3:99-100].

Но бывали и исключения. Годрик из Финхале (XI- XII век), удачливый нувориш, плававший повсюду в Балтике и наживавший большие доходы, в конце концов, отказался от выгодной торговли, уйдя в религиозную жизнь ради спасения своей души, и был объявлен после смерти святым. Столетие спустя был объявлен святым купец Омобоне из Кремоны, занимавшийся коммерцией до конца своих дней, но ставший святым благодаря своему завещанию. В 1360 году купец из Сиены Джованни Колумбини, оставив свои дела, основал нищенствующий орден иезуитов.

«Новые люди», выдвигавшиеся в торгово-финансовой области, отличались энергией, предприимчивостью, сметкой, так же как и беззащитностью, эгоизмом и нестесненностью всеми патриархальными нормами того времени. Но обладание только движимым имуществом еще не давало почта и престижа в феодальном обществе. Вот происшествие, характерное для понимания того, с каким презрением благородные относились к состоятельной городской верхушке. Когда в одном из немецких городов член городского совета позволил себе критические высказывания по адресу влиятельного рыцаря, тот воскликнул: «Хотя хозяин и свинья и находятся под одной крышей, между ними тем не

менее нет ничего общего». И точно также, когда бюргер из Равенсбурга попытался в письме к рыцарю «тыкать», подобно тому как к нему обращался на «ты» рыцарь, последний поставил его на место, напомнив о своем исконном благородстве и о том, что его корреспондент не более чем бюргер и купец. Пусть он пойдет в пивную и узнает о грузах из Александрии и Барселоны, а не доказывает свое происхождение... В Италии грань между дворянством и патрициатом была если не уничтожена, то размыта, в Германии же – нет.

Городской патрициат стремился смягчить сословные перегородки, отделявшие его от знати. Путь «наверх» для части купцов открывали приобретения обширных земельных владений и смешанные браки, на которые шли обедневшие рыцари, желавшие поправить свои дела посредством женитьбы на богатых купеческих дочках. Кое-кому из городских богачей удавалось приобрести рыцарское достоинство. Для купцов-патрициев характерно стремление жить роскошно. С тем чтобы поднять свой престиж и произвести впечатление на общество, они строят каменные дома и дворцы, увенчанные башнями. Позднеготическим зданиям южногерманского патрициата и ренессансным палаццо итальянских купцов могла позавидовать знать. В окнах патрицианских домов появляются стекла, покои богато обставлены, стены увешаны гобеленами. Подобно дворянству, купцы предаются охоте, «спорту благородных». В одежде и украшениях они соревнуются со знатью, так же как и в погребальных обрядах, обставляя их с максимальной помпой. Над погребениями воздвигаются роскошные надгробия – патрициат спешит увековечить свою славу. Некоторые впадают в экстравагантность. В сохранившейся от 1415 года описи расходов на свадьбу патриция из Пистойи подробно зафиксированы его широкие траты, включая оплату свиты из восьми всадников, покупку невесте шести платьев, отделанных мехом и серебром, сундуки, драгоценности, постельное белье и пр. – за все это было уплачено целое состояние, почти 600 флоринов. С купеческой и предпринимательской верхушкой приходится считаться и королевской власти, которая нуждается в ее финансовой и политической поддержке. Отдельные из наиболее преуспевших купцов приближены ко двору. Банкир Жак Кер, «первый финансовый магнат Европы» (ок. 1395-1456 гг.), вкладывавший свой капитал во всевозможные прибыльные предприятия и имевший интересы по всей Европе, делается казначеем и министром французского короля Карла VII, участвуя в проведении государственных реформ, так же как и военной и дипломатической политики Франции. Беспрецедентное возвышение и падение Кера, которому, после того как он впал в неми-

лость, пришлось бежать из Франции и умереть в изгнании, произвели неизгладимое впечатление на современников. Франсуа Вийон размышлял о том, куда после смерти попала душа Кера.

Полна приключений и превратностей и жизнь старшего современника Жака Кера Бонакорсо Питти (1354-1456 гг.). Купец несравненно более скромного масштаба, чем Кер, он однако был активно вовлечен в городские дела Флоренции и, чувствуя себя на равных с высшей аристократией, участвовал в войнах и дипломатических интригах, ввязываясь в борьбу партий в своем родном городе. В поисках «фортуны» Питти переезжает из Флоренции в Ниццу, из Авиньона в Гаагу и Брюссель, из Аугсбурга в Загреб. Он выполняет дипломатические поручения в Лондоне и Париже, при дворе императора Священной империи, занимает высшие должности во Флорентийской республике. Расчетливый купец, он вместе с тем и азартный игрок в кости, проигрывающий и выигрывающий суммы, которые с дотошной аккуратностью записывает. Питти – авантюрист, делец, писатель, оставивший по себе память в созданной им «Хронике», которую он заполнял сведениями о всех событиях своей богатой приключениями жизни, о членах семьи и близких и дальних родственниках, о дуэлях и интригах, в которых участвовал, но также и о политических коллизиях, свидетелем которых ему довелось быть.

Нигде в Европе купечество не достигало такого экономического и политического могущества, как в городах Италии. Нигде в торговую деятельность не вовлекался столь широкий слой населения. Путешественник, проезжавший через Венецию незадолго до великой чумы 1348 года, пришел к заключению: «Весь народ – купцы». О генуэзцах говорили: «Генуэзец – значит купец». Такие оценки справедливы в том смысле, что именно крупное купечество задавало тон всей экономической, социальной и политической жизни в городах Италии. Профессия купца здесь была морально реабилитирована и Якоб из Вараццо, архиепископ Генуэзский и автор знаменитой «Золотой легенды», уподоблял купцу самого Христа: на корабле креста он приплывает, дабы дать людям возможность обменять земные преходящие вещи на вечные. Богатство более не имеет отрицательного смысла, ибо, как утверждает Якоб из Вараццо, богатыми были и библейские патриархи, и сам Христос!

В XIII веке и позднее было немало купцов, предпринимавших дальние и рискованные плавания. В 1291 году братья-генуэзцы Вивальди – отправляются в странствие, на которое, по словам современников, «до них никто не отваживался»: они отплывают на запад от Гибралтара разыскивать баснословно богатую Индию то ли в западных водах Атлан-

тики, то ли обогнув с юга Африку, – в любом случае они не имели ни предшественников, ни ориентиров, которыми могли бы руководствоваться. Таких смелых первооткрывателей и путешественников, которые сочетали погоню за наживой с любознательностью и авантюризмом, привлекали Индия, Китай, страны Африки, Ближний Восток. Купец легко превращался в корсара. Вспомним 4-ю новеллу второго дня «Декамерона»: подвергшись ограблению, купец сам принимается за пиратство и возвращается домой разбогатевшим. Купцы отплывали в торговые поездки вооруженными, в 1344 году в Генуе был принят закон, который запрещал им отправляться без оружия далее Сицилии и Майорки.

Энергичный купец, который предпринимает дальние странствия за товарами и подвергает риску свои богатства и самую жизнь, – персонаж многих литературных произведений, фаблио. Купцы, как правило, противопоставляются здесь прочим богатым горожанам: последние ведут оседлый образ жизни, тогда как купцы – народ непоседливый. Купец должен быть постоянно настороже и готов встретиться с опасностью. Она подстерегала его в дальних путешествиях, особенно морских – ему грозило кораблекрушение, нападение пиратов, или конкурентов. Но опасность исходила и от людей, с которыми купец вступал в те или иные деловые отношения... «Ты молод, – наставляет купец из Прато Франческо ди Марко Датини своего молодого помощника, – но когда ты проживешь с мое и будешь иметь дело со столькими же людьми, как я, ты поймешь, что человек таит в себе опасность и что рискованно с ним иметь дело». Образование торговых компаний с разделением доли риска в случае потерь между купцом-владельцем основного капитала и купцом-мореплавателем было в немалой степени вызвано сознанием подстерегающей людей этой профессии опасности: первый рисковал деньгами и товарами, второй – жизнью и более скромными средствами, вкладываемыми им в предприятие – коллеганца (в Венеции), комменда (в Генуе), видерлеунг (в Северной Германии).

Но постепенно происходит смена типа крупного купца: странствующий по суше или воде торговец, подвергающий себя всем мыслимым и немислимым опасностям и невзгодам, превращается в предпринимателя, который сидит в своей фактории и ведет дела преимущественно при посредстве агентов и переписки. Эта трансформация имела далеко идущие последствия для всего облика купцов, их психологического склада и культуры [2:100-131].

На протяжении длительного периода грамотность оставалась привилегией, если не монополией духовенства. С XIII века положение по-

всюду, от Фландрии до Италии, начинает меняться. Торговая деятельность требовала подготовки, в том числе и овладения образованием. Неграмотный купец едва ли мог успешно вести свои дела. В городах, притом не только крупных, но и сравнительно небольших, появляются светские школы, в которых детей состоятельных бюргеров обучали чтению, письму и счету. В то время как в церковной школе изучали священные тексты, а арифметика требовалась прежде всего для соблюдения календаря и праздников, в новой школе – городской – знания приобретались с практическими целями.

Соответственно менялись и методы обучения, центр тяжести в образовании перемещался с классического на прикладное. Потребности купечества способствовали переходу от римских цифр к арабским, более удобным для коммерческих счетов, и к введению нуля. Здесь закладывались некоторые основы нового, более рационального подхода к математике. Постепенно складывается «арифметическая ментальность» – склонность и вкус к счету, точности, не характерные для предшествующего периода. Арифметика развивалась не только в кельях ученых и в королевских казначействах, но и в конторах купцов, и сатирик XIII века изменяет это слово: *aerismetica* – «денежное искусство». В завещании одного венецианского купца (1420 г.) читаем: его дети должны пройти курс абака «для того, чтобы обучиться коммерции». «Абаки» – руководства для торговых расчетов, иногда рифмованные, что должно было облегчить заучивание, – составлялись с XIII века. Флорентийский купец и банкир Джованни Виллани насчитывал в начале XIV века в своем родном городе от 8 до 10 тыс. учеников, посещавших шесть городских школ, в которых обучались математике. В Лондоне учеников золотых дел мастеров специальным постановлением обязывали учиться в школе. В городских школах обучали латыни, но письма и документы уже нередко составлялись на народном наречии. Наиболее ранний из известных ныне текстов на итальянском языке – фрагмент купеческого счета из Сиены – датируется 1211 годом. С развитием деловой корреспонденции, в особенности купеческой, было непосредственно связано изменение характера письма: переход на протяжении XII-XIII столетий от «каролингского минускула» к «курсиву»(скорописи).

Дети купцов охотно шли в университеты. Гамбургский городской совет учредил стипендии для обучения сыновей бюргеров в университете Ростка. Восемнадцать юношей, принадлежавших к трем поколениям семьи советника из небольшого северогерманского города, посещали университет. Но далеко не все сыновья коммерсантов, получив

высшее образование, возвращались к делам своих отцов. Некоторые становились духовными лицами, врачами, юристами, и в 1360 году сын лионского сукноторговца получил степень доктора римского права. Другие, став членами городских советов или бургомистрами, не оставляли торговли. Сыновья купцов осваивали иностранные языки, итальянцы – английский и немецкий, а немцы-ганзейцы – также и русский, необходимый для успешного ведения дел в Новгороде, и эстонский – для общения с контрагентами в Прибалтике. Для нужд купцов составлялись словари и разговорники, включая пособия для изучения восточных языков. Наиболее ходовыми языками международного общения были итальянский (в странах бассейна Средиземноморья) и средненижненемецкий (в городах Балтики).

В доме купца, богатого бюргера появляется книга – некогда монопольное владение духовных лиц. И хотя до конца Средневековья в этой среде книги не были широко распространены и оставались скорее предметами роскоши, тем не менее в Сицилии, например, из 123 известных библиотек в XIV и XV веках более ста принадлежали горожанам. В состав купеческих библиотек входили прежде всего жития святых, Библия, псалтырь, но одновременно и сочинения Боэция, Цицерона, римских поэтов, «Божественная Комедия», а затем и Боккаччо. В распоряжении городских советов Германии находились солидные по тогдашним меркам библиотеки. Кругозор купца расширялся теперь не только вследствие посещения других стран и городов, но и благодаря начитанности. Он был способен сопоставлять историю и культуру собственного города и государства с обычаями и учреждениями разных народов и стран.

Возникали практические руководства по торговой деятельности, в которых перечислялись товары, меры и веса, указывались денежные курсы и таможенные пошлины, равно как и способы обмана властей, взимавших налоги с купцов; здесь же даются описания торговых путей, образцы счетов и календари и даже советы по изготовлению разного рода изделий. Не абстрактное и пренебрегающее повседневной жизнью схоластическое знание, но сведения о конкретном, прикладном и измеримом – вот что находится в центре внимания авторов этих руководств – купцов и предпринимателей.

Купец ведет переписку. Он либо сам пишет письма, либо их записывает под диктовку секретаря. Отплывая с грузом, торговые суда постоянно увозили и купеческую корреспонденцию. В архиве Франческо Датини, умершего в 1410 году, сохранилось более 150 тысяч деловых писем. Флорентинец Паоло да Чертальдо, автор сборника наставлений

(60-е годы XIV века), в котором благочестивые поучения перемежаются советами чисто практического содержания, придает деловой корреспонденции большое значение. Как только ты получишь письма, говорит он, прочти их и в случае необходимости немедленно распорядись, пошли курьера, если они касаются купли-продажи. Но доставленные тебе чужие письма не передавай, прежде чем не распорядишься своими делами, ведь в них могут быть сведения, которые тебе повредят.

У Паоло да Чертальядо купеческая этика выражена очень определенно. Нужно уметь зарабатывать деньги, но еще важнее уметь их разумно тратить. Чертальядо, как и другие купцы XIV века, религиозен. Но что это за религиозность? Ад угрожает неосмотрительным людям, и поскольку нельзя не бояться смерти, то нужно постоянно быть к ней готовым, то есть держать в полном порядке свои дела и перед кончиной свести счета с Богом и компаньонами. Долг перед Творцом в сознании Чертальядо стоит в одном ряду со всеми прочими обязательствами купца. Едва ли от взора этого купца-писателя укрываются противоречия между требованиями повседневной жизни и религиозно-этическими идеалами, и он колеблется между этими полюсами, не переживая, однако драмы и внутренне разрешая этот конфликт в пользу купеческого призвания...[5]

В среде купцов выделяются авторы «семейных хроник». Характерно название одного из таких сочинений: «Книга Джовенко Бастари о всех делах его жизни, кредиторах и дебиторах и достойных памяти событиях». «Семейные хроники», содержавшие записи о рождениях, браках, смертях членов семьи, о выгодных торговых сделках и избрании на городские должности, включали в себя и сообщения чисто исторического содержания. Они интересны как свидетельство умственного движения в крупном европейском городе, связанного с подъемом индивидуального и коллективного самосознания наиболее развитой, состоятельной и деятельной части его населения. Вот, например, «Мемуары» Джованни ди Паголо Морелли (1371-1444 гг.), охватывающие период 1393-1421 годов, ярко раскрывают личность и главные жизненные ценности итальянского купца конца XIV – начала XV века.

Этот потомок красильщиков и суконщиков не принадлежал к ведущим семьям флорентийской олигархии. Он – купец средней руки, трудолюбив и расчетливостью сколотивший состояние. Он осторожен и осмотрителен. Он учит, как разбогатеть без риска и не гонятся за прибылью, если это опасно. Старайся скрывать от коммуны размеры своих доходов, дабы уклониться от уплаты налогов, и всячески демонстрируй, что у тебя лишь половина того, чем на самом деле владеешь, –

советует он; всегда дружи с теми, кто стоит у власти, и примыкай к той партии, что сильнее; никому не доверяй, ни слугам, ни родичам, ни друзьям, ибо люди порочны и начинены обманом и предательством; там, где дело идет о деньгах или ином добре, не найдется родственника или друга, который позаботился бы о тебе больше, нежели о себе; если ты богат, довольствуйся тем, что покупаешь друзей на свои деньги, коль не можешь приобрести их иными способами. Морелли записывает советы, как нужно отказывать в займах и поручительствах, как сделать, чтобы родственники не объедали, и как присматривать за слугами. Ростовщичество само по себе не предосудительно, но опасно вследствие дурной славы, которую может приобрести ростовщик. Эгоистическая мораль беспринципного наживания выступает под пером Морелли с предельной ясностью. В его глазах добро отождествляется с пользой, добродетель – с выгодой, а зло – с убытком. Морелли нетвердо помнит, сколько детей родила его невестка, но точно указывает размеры ее приданого. Но он вместе с тем не склонен сводить знания к одним лишь практическим навыкам. Наряду с бухгалтерией и грамматикой, пишет он, желательно знать Вергилия и Бозция, Сенеку и Цицерона, Аристотеля и Данте. Не говоря уже о Святом писании. Полезно также путешествовать и знакомиться с миром. Этот меркантильный индивидуалист, поставивший во главе умение наживаться, был современником широкого культурного движения – гуманистического, которое не оставило его равнодушным. Способствуя развитию навыков, необходимых для предпринимательской деятельности, культура вместе с тем доставляет ему и душевное наслаждение. Правда, мерки купца Морелли привносит и в эту сферу жизни: «Ты сможешь, изучая Вергилия, – пишет он, – побыть в его обществе сколько заблагорассудится, и он... научит тебя без какой-либо денежной или иной мзды».

Религиозность Морелли примеряет Бога и купеческое стяжательство. Его отец, вспоминает Морелли, не терял ни минуты, стараясь всегда заслужить любовь Творца и вместе с тем снискать дружбу добрых людей, богатых и могущественных. Мудрым помогает Бог, и они сами себе помогают. Удачную коммерцию Морелли принимает за служение Богу. В расчетных книгах купцов и торговых компаний велись особые «счета Бога». Сюда вносились те суммы, которые купцы жертвовали на бедных и богоугодные заведения, с тем, чтобы застраховать свои души от посмертных неприятностей. С Творцом обращались как с членом купеческой компании, и размеры Его доли зависели от величины прибыли, полученной компанией. Таким образом, Бог был прямо заинтере-

сован в том, чтобы даровать предпринимателям максимальный доход – вполне рациональный способ побудить Творца прислушаться к молитвам купцов и банкиров. Благочестие купцов проникнуто духом коммерции в такой же мере, в какой погоня за земными благами осознается ими как дело Божье. Честное ведение дел не только не препятствует, но напротив способствует спасению души: тот купец, который не грешит языком своим, соблюдает данные ближним клятвы и не отдает денег под ростовщические проценты, разбогатеет и заслужит вечную жизнь, – утверждает неизвестный автор надписи на возведенном в XV веке здании торговой компании в Валенсии [1].

Таким образом, у делового человека эпохи Возрождения было два облика. Он сочетал культуру с коммерцией, религиозность с рациональностью, благочестие с аморальностью. Он пытался перестроить отношения между моралью и религией таким образом, чтобы вера в Бога не служила препятствием для его не слишком чистых операций. Заботы о спасении души не служили препятствием для средиземноморских купцов в их торговле с врагами христианства – мусульманами. Испанским и итальянским купцам ничего не стоило нарушить запрет экспорта оружия арабам и туркам. Баснословные прибыли давала торговля рабами христианами, и Петрарка в удручении писал о «грязном народце» рабов, которые заполняют улицы Венеции и оскверняют этот прекраснейший город. Сказанное не означает, что погоня за прибылью не ставила купца или финансиста в трудное положение морального разлада. Завещания многих деловых людей приоткрывают завесу, скрывавшую их муки совести и страха перед загробными карами: они отказывали в пользу бедных значительную долю своего имущества, как, например, Франческо Датини, в старости обратившийся к покаянию. Он совершил паломничество, постился и, в конце концов, оставил почти все свое огромное состояние – 75 тыс. флоринов на дела милосердия.

Средневековье переняло у Античности образ Фортуны – воплощения слепой судьбы, постоянно вращающей колесо, которое то поднимает, то сбрасывает уцепившихся за него искателей удачи. Пожалуй, никому в средневековом обществе этот образ не подходил в такой же мере, как купцу. Слово «фортуна» сохраняет два значения: «судьба, удача и «большая сумма денег, богатство». И это не случайно. Не оставляющее купца чувство риска связано с представлениями о судьбе, играющей человеком. К концу Средневековья мысль о судьбе, произвольной раздающей удачи и поражения людям, становится особенно напря-

женной и неотступной – как у купцов, переживающих быстрое обогащение и еще более скорое разорение (как, например, крах крупнейших банкирских компаний во Флоренции – Барди и Перуцци), так и у мыслителей эпохи Возрождения) и само понятие «фортуна» все более получает одностороннее толкование как силы разрушительной, губительной, насыщенной смертельной опасностью, «несудьбы».

Для того чтобы защищаться от превратностей судьбы, купцы нуждались в покровителе, и таким святым, патроном торговли и мореплавания, считался Николай из Миры. С конца XI века его мощи хранились в Бари, привлекая массы паломников. Между тем венецианские купцы утверждали, что подлинные мощи св. Николая хранятся в их городе – торговая конкуренция находила продолжение и в поклонении святому. Но св. Николай почитался патроном купцов и в северной части Европы – во всем бассейне Балтийского моря. Отмечено, что с обострением чувства экономической неустойчивости у итальянских горожан возрастала потребность давать своим детям имена святых, которые защитили бы их от жизненных невзгод. Именами святых стали усердно наделять и торговые корабли, то была своего рода «страховка» от гибели и разорения. Другой путь избежать риска, сопряженного с дальней торговлей, виделся в переходе к более гарантированному способу помещения денег: венецианский купец Андреа Барбариго завещал своему сыну скупать земли, и его сын Никколо завещал Андреа Младшему вообще не вкладывать капиталов в торговлю. Отказ от торговли в пользу финансовой деятельности и землевладения отвратил итальянских деловых людей от участия в открытиях.

Жизнь воспринималась купцом позднего Средневековья как драма, как непрерывная и безжалостная борьба. В этих условиях единственное прибежище – семья. Она обладала прочной эмоциональной основой, и именно в этой среде начинают вырисовываться контуры семьи нового времени. Дело, которое ведет глава семьи, – дело всей семьи, переходящее от отцов к сыновьям. Именно в купеческих семьях, при признании главенства отца, центром семейного ядра становится ребенок – продолжатель дела отца. Семья была главным структурным элементом в организации крупной торговли и кредита, и компании, которые доминировали в хозяйственной жизни XIV-XV веков, представляли собой прежде всего семейные общества. Семьи городских богачей наследственно владели высшими должностями в магистрате. Например, в Кельне в XIII-XIV веках выходцы из семьи Оверштольц 25 раз занимали пост бургомистра. «Семейные хроники» –

один из наиболее ярких показателей развитого «семейного самосознания». В них запечатлены достоинства семьи, воспета семейная честь. И случайно ли в конце Средневековья и в религиозной живописи возрастает внимание к изображению сцен сакральной истории в виде сцен семейной жизни? Именно в это время местом действия в живописи все чаще становится внутреннее помещение дома, семейный очаг выступает в качестве притягательного центра. Бюргерская, купеческо-предпринимательская семья – сюжет группового портрета, утверждающегося в искусстве того времени. Семейный портрет в интерьере – новое явление. Стремясь увековечить себя, купцы и финансисты заказывают свои портреты, и художники изображают их в конкретной обстановке внутри дома, в конторе, с женами и детьми.

Деятельность деловых людей, которая нуждалась в новой системе ценностей и способствовала ее возникновению, далеко не сразу получила признание в литературе. Данте смотрел на купцов свысока и холодно, с аристократическим пренебрежением, Петрарка их не замечал. Купеческая, городская жизнь неудержимо прорывается на страницы итальянской новеллы XIV-XV веков. Известный специалист по истории итальянской литературы В. Бранка имел все основания назвать «Декамерон» «подлинной Одиссеей торговли». На смену прежнему носителю героического начала – рыцарю, воину, приходит новый герой – предприимчивый и энергичный купец, «настоящий пионер позднего Средневековья». Эти «рыцари торговли» закладывали основы нового мира, и Боккаччо был первым, кто воздал им должное в литературе.

Денежное обращение трансформирует традиционную средневековую ментальность, отнюдь не склонную к меркантильному подходу к человеку, который теперь прокладывает себе дорогу. В Италии и Франции XV века уже были в ходу выражения такого типа: «Человек, стоящий столько-то тысяч флоринов (франков)». Мышление на купеческий манер, склонность видеть самые различные стороны действительности сквозь призму счета и расчета проявляются во всем. В расчетной книге венецианца Якопо Лоредана содержится запись: «Дожд Фоскари – мой должник за смерть моих отца и дяди». После устранения врага вместе с его сыном купец на противоположной странице счета удовлетворенно делает пометку: «Оплачено».

Потребностям купцов-мореплавателей отвечали портуланы – путеводители и описания портов и морских путей, карты Европы и мира (развитию картографии и более рациональному овладению пространством дали толчок путешествия и плавания XIV и XV веков).

Посещение ярмарок, использование благоприятной конъюнктуры для прибыльного проведения коммерческих и финансовых операций и удачи в спекуляциях – все требовало повышенного внимания ко времени. Купец мыслит днями, не столетиями. Вполне естественно, что рука об руку с перестройкой пространства идут изменения в восприятии времени. Мы видели, что историческое время проникает в «семейные хроники». Нюрнбергский купец и патриций Ульман Штромер пишет в самом конце XIV века историю своей семьи, начинающуюся упоминанием предка-рыцаря, который жил в начале XIII века. Утверждающийся в живописи портрет – выражение стремления запечатлеть и увековечить определенный момент времени индивидуальной жизни. «Время купцов» решительно заявляет о своей автономии по отношению к «времени церкви». Последняя начинает утрачивать свои позиции в контроле над временем. Деловых людей уже не устраивает церковный календарь с подвижными праздниками и началом года, колеблющимся между 22 марта и 25 апреля, им необходима форма для более точных расчетов времени, и в связи с этой потребностью начало года устанавливается в день обрезания Христа – 1 января.

Но купцы нуждаются и в четком и равномерном измерении малых отрезков времени, следовательно, в часах, циферблат которых делился бы на равновеликие части. Изобретенные в конце XIII века механические часы устанавливаются на башнях городских ратуш и соборов: в 1300 г. – в Париже, в 1309 – в Милане, в 1314 – в Кане, в 1325 – во Флоренции, между 1326 и 1335 гг. – в Лондоне, в 1344 – в Падуе, в 1354 – в Страсбурге и Генуе, в 1356 – в Болонье, в 1359 – в Сиене, в 1362 г. – в Ферраре...

Отныне сутки делятся на 24 часа, отмечаемые боем часов или, как в Страсбурге, криком механического петуха. Новое изобретение давало практические удобства, но, главное, символизировало переход времени на службу бюргерам, патрициям, светским властям. В XV веке появляются механические часы для личного пользования. На смену неточному, приблизительному времени Средневековья, сакральному, связанному с литургией, приходит время секуляризованное (мирское) и измеримое, делимое на равновеликие отрезки. «Теологическое» время оттесняется временем «технологическим». Обостряется ощущение хода времени. Генуэзские нотариусы при составлении документов отмечали не только день, но и час их оформления.

Оценка времени повышается, и если прежде его ценили как достояние Бога (в этом смысле нужно понимать слова св. Бернара: «Нет ничего драгоценнее времени»), то теперь оно осознается как достояние

человеческой личности. Здесь уместно припомнить слова Сенеки: «Все у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владение природа...». С этими словами перекликается рассуждение итальянца Леона Баттисты Альберти: «Есть три вещи, которые человек может назвать принадлежащими ему». Они дарованы природой и «никогда с тобой не разлучаются». Что же это за вещи? Во-первых, это душа, во-вторых, «инструмент души» – тело. Третья вещь – «вещь драгоценнейшая. Она в большей мере моя, чем эти руки и глаза... это – время». И Альберти добавляет: все утраченное можно возместить, но не время.

Пожилой парижский буржуа, который в конце XIV века оставил книгу наставлений для своей молодой жены, напоминает ей, что в мире ином каждый будет держать ответ за попусту растраченное время. Буквально то же самое проповедовал Бертольд Регенбургский. И точно так же Джанноццо Манетти, член флорентийского правительства, подчеркивает, что в конце жизни каждому придется дать отчет в том, как он использовал отпущенное Богом время, причем Господь спросит каждого не только о потраченных годах и месяцах, но и о днях, часах и мгновениях. Это суждения гуманиста, а вот совет Франческо Датини, банкира и предпринимателя: «Тот опережает других, кто лучше умеет тратить свое время».

Друг Боккаччо Паоло да Чертальядо в своей «Книге о добрых нравах» фиксирует сроки, когда рекомендуется покупать и продавать те или иные продукты. Рай и Ад соседствуют в его книге с ценами на зерно, масло и вино, вечность – с периодами коммерческого годового цикла. Век спустя венецианский купец записывает, в какие месяцы года возрастает спрос на деньги и когда их можно с наибольшей выгодой употребить: в Генуе – в сентябре, январе и апреле, когда отправляются в плавание корабли, а в Валенсии – в июле и августе во время урожая зерна; в Монпелье потребность в деньгах наибольшая в период ярмарок, которые происходят здесь трижды в год... Рассчитывая свои средства и способы их приумножить, купцы вместе с тем пристально следят за календарем. Время – деньги [1;5]!

Деловые люди Флоренции и других городов Италии образовывали главную социальную базу гуманизма. Их меценатство, заказы, наряду с заказами пап, тиранов и иных знатных господ, материально обеспечивали творчество архитекторов, скульпторов, художников, возводивших соборы и дворцы, украшавших их фресками и статуями. Стремясь подражать аристократии и ассимилироваться с ней, богатые люди не скупились на затраты по возвеличиванию родного города и тем самым

– самих себя. Приобщение к художественной жизни повышало их социальный престиж и способствовало расширению их культурного горизонта. Отношения деловых людей с художниками и поэтами широко варьировались – от преклонения до использования в качестве наемных работников, подобных всем другим ремесленникам, занятых ручным трудом. Но они не могли не сознавать, что искусство вносит в их практическую жизнь элемент праздничности, приподнятости, насыщает ее высшим смыслом. Новое понимание природы, умение в нее всматриваться, перспективное освоение пространства и вкус к реальной детали, глубоко изменившееся чувство времени и сознание истории, «гуманизация» христианства, наконец, новая высокая оценка человеческой индивидуальности – все это отвечало более рационалистическому мировидению и глубинным потребностям нового класса – ранней буржуазии. Практика купцов и творчество ренессансных гениев разделены пропастью, так же как различалось понимание личностного начала, доблести, энергии у гуманистов и у деловых людей. Но и те и другие делали общее дело – участвовали в созидании нового мира.

Крупный представлял собой социально-психологический тип, противостоящий феодальному сеньору. В среде деловых людей вырабатывается новый тип религиозности, парадоксально объединяющий веру в Бога и страх перед загробными карами с коммерческим подходом к «добрым делам», за которые ожидаются пропорциональные возмещения-награды, выражающиеся в материальном преуспевании.

Этот социально-психологический тип уникален в мировой истории. Если Европа к концу Средневековья вырвалась из ряда других цивилизаций мира, сумев преодолеть барьер традиционализма и архаики, и начала свою всемирную экспансию, которая в конечном итоге коренным образом изменила весь лик нашей планеты и открыла этап подлинно всемирной истории, то среди тех, кто более всего способствовал осуществлению этого неслыханного, беспрецедентного рывка, чреватого неисчислимыми последствиями, в первую очередь нужно назвать купцов.

Интеллектуал

Город – не только центр ремесел, торговли, политической активности. Будучи органической составной частью феодального общества, он вместе с тем являл собой особый и сложный мир с собственной системой ценностей, социальной иерархией, коллективной солидарностью и своеобразной культурой. Он был той средой, где формировался особый социокультурный тип людей – горожан, отличавшихся своим об-

разом жизни, внешним видом и своим самосознанием от обитателей сельской округи – крестьян и сеньоров.

Вместе с тем, само понятие горожанин далеко не однозначно. Оно скрывает за собой сложную реальность: в городе живут ремесленники и купцы, знатные и простой люд – «большие», «средние», «меньшие»; «жирные» и «тощие», согласно средневековой терминологии, неграмотные, «неотесанные» и люди книжной культуры. Все эти разряды отличались не только местом в обществе, но и своей психологией.

Город подчиняет человека, торжествует над ним. Но есть там люди, сильные духом, выделяющиеся критическим разумом. К их числу принадлежали те, кого, пользуясь современной терминологией, мы могли бы назвать интеллектуалами.

Французский историк Ж. Ле Гофф посвятил проблеме изучения деятельности средневековых интеллектуалов самостоятельное исследование, которое стало основой настоящей главы.

Интеллектуалами называли тех, кто работал «словом и разумом» и передавал свою ученость другим. Средневековье не знало понятия «интеллигент». Занятых умственным трудом называли «доктор», «профессор», «магистр», «литтерати» (знающий латынь, в противоположность невеждам, «идиоти»); «философом Бога» именовал себя Абельяр.

К «интеллектуалам» по своему самосознанию принадлежали клирики. Люди духовного звания не имели церковных поручений и должностей, но были связаны со школой и университетом. Они получали материальную поддержку от городского магистрата или церкви и вознаграждения от учеников. Это были люди книги, сознававшие свою особость и свое превосходство над теми, кто занимается ручным трудом.

О рождении нового социального слоя в средневековой Европе подробно писал Ж. Ле Гофф. По его мнению, интеллектуал средневековья на Западе рождается вместе с городами. Он появляется одновременно с их расцветом, связанным с развитием торговли, промышленности (скажем скромнее – ремесел), как один из тех мастеров, которые водворились в них под влиянием разделения труда.

Человек, чьим ремеслом станут писательство и преподавание, а часто и то и другое, человек, который профессионально займется деятельностью преподавателя и ученого, появится только вместе с городами. Его появление станет явным лишь в XII веке.

Города – это места вращения людей, нагруженных идеями, словно товарами обмена, рынков и перекрестков интеллектуальной торговли. В XII в., когда Запад экспортировал в основном сырье, хотя уже при-

ближался расцвет торговли тканями, редкие и дорогие предметы ремесла приходили с Востока – из Византии, Дамаска, Багдада, Кордовы. Вместе с пряностями и шелком на христианский Запад пришли рукописи, несущие греко-арабскую культуру.

Арабская культура была, прежде всего, посредником между научным знанием и европейцами. Труды Аристотеля, Эвклида, Птолемея, Гиппократов, Галена сохраняли на Востоке христиане-еретики – монофизиты, несториане и преследуемые в Византии евреи. От них эти сочинения перешли в библиотеки мусульманских школ и были там хорошо приняты. В средние века началось обратное движение, которое принесло их в мир западного христианства. Двумя главными зонами контакта, передачи восточных рукописей были Италия и еще более Испания. Ни временные закрепления мусульман на Сицилии и в Калабрии, ни волны христианской Реконкисты никогда не препятствовали в этих местах мирному обмену.

Христианские охотники за греческими и арабскими манускриптами добивались даже до Палермо, где норманнские короли Сицилии, а затем Фридрих II со своей трехязычной канцелярией – греческой, латинской, арабской – основали первый итальянский двор в стиле Ренессанса; добивались до Толедо, отвоеванного у неверных в 1087 г., где под покровительством архиепископа Раймонда (1125 – 1151 гг.) трудились христианские переводчики.

Первопроходцами этого Ренессанса были переводчики. Запад уже не знал греческого – Пьер Абеляр (1079 -1142 гг.), французский схоласт и богослов, убеждал священников восполнить пробел, вводя тем самым людей в сферу культуры. Научным языком была латынь. Арабские оригиналы, арабские версии греческих текстов, греческие оригиналы – их нужно было переводить, либо в одиночку, либо – и чаще всего – группами переводчиков. Христианам Запада помогали испанские христиане, жившие под властью мусульман (мозарабов), евреи и даже сами мусульмане. Тем самым происходило объединение всех способностей и умений. Известность получила одна из таких групп интеллектуалов, собранная ученым аббатом, Петром Достопочтенным, для перевода Корана. Он отправился в Испанию для инспекции клюнийских монастырей, рождавшихся вместе с продвижением Реконкисты. Петру Достопочтенному первому пришла мысль о том, что с мусульманами нужно сражаться не только в военной, но и в интеллектуальной области. Чтобы опровергнуть их учение, его следует знать.

Христианские переводчики Испании обращались не столько к самому исламу, сколько к греческим и арабским научным трактатам. Ключо-

нийский аббат подчеркивает, что потребовалось немалое вознаграждение, дабы обзавестись специалистами. За профессиональный труд следовало хорошо платить.

Заполняются лакуны в латинском наследии западной культуры – в области философии и прежде всего науки. Математика Эвклида, астрономия Птолемея, медицина Гиппократ и Галена, физика, логика и этика Аристотеля – вот огромный вклад этих тружеников. Быть может, метод был даже важнее самого содержания. Любознательность, рассудительность и вся *Logic a Nova* Аристотеля: две Аналитики (*prīoga* и *posteriora*). Топика, Опровержения (*Sofistici Elenchi*), к которым скоро прибавилась *Logica Vetus* – Старая Логика, известная через Боэция, а теперь вновь получившая распространение. Таково было потрясение, стимул, урок, преподанный античным эллинизмом, пришедшим на Запад долгим кружным путем через Восток и Африку.

К античным трудам добавлялись переводы арабских исследователей. «Арифметика» и «Алгебра» Аль Хорезми предваряла знакомство Запада с арабскими цифрами, которые были заимствованы в Индии, и попавшими в Европу через арабское посредничество в самом начале XIII в. благодаря Леонардо из Пизы. Медицина Рази, прозванного христианами Разесом, и прежде всего Ибн Сины, или Авиценны, чья медицинская энциклопедия, или Канон, стала настольной книгой западных врачей. Астрономы, ботаники, агрономы – и еще более алхимики, передавшие латинянам свои лихорадочные поиски эликсира. Наконец, философия, которая, отталкиваясь от Аристотеля, воздвигла мощные синтетические системы Аль Фараби и Авиценны. Вместе с трудами пришли наименования цифр, нуль, алгебра – они перешли от арабов к христианам вместе с коммерческой лексикой: дуань (таможня), базар, фондук (*fondacco* – склад товаров), габель (налог на соль), чек и т. д.

Первые интеллектуальные центры Западной Европы появились в Испании и Италии. Центры, в которых происходило дальнейшее включение восточных привнесений в христианскую культуру, находились не здесь. Самыми важными из них были Шартр и Париж, окруженные более традиционными Ланом, Реймсом, Орлеаном. Это была другая зона, здесь шли обмен и переработка материалов в готовую продукцию, тут встречались Север и Юг. Между Луарой и Рейном – в тех самых местах, где к ярмаркам Шампани примыкали крупная торговля и банки, – вырабатывается культура, которая сделала Францию первой наследницей Греции и Рима, как это предсказывал Алкуин и как это воспевал Кретьен де Труа.

Из всех этих центров самым блестящим становится Париж, которому содействует растущий престиж монархий Капетингов. Мэтры и школяры толпятся либо на Сите с его школой при соборе, либо на левом берегу со все более увеличивающимся числом школ, где они пользуются значительной независимостью. Вокруг церкви Сен Жюльен ле Повр, между улицами Бушри и Гарланд; и восточнее, вокруг школы каноников у церкви Сен Виктор; а также к югу, взбираясь на гору, вершину которой украшает, как короной, большая школа при монастыре Св. Женеьевы. Помимо постоянных профессоров капеллы Нотр Дам, каноников Сен Виктора и Сен Женеьев, появляются и более независимые мэтры – профессора агреже, получившие от имени епископа и из рук руководителя школы право на преподавание. Они притягивают в свои частные дома или в открытые для них монастыри Сен Виктор и Сен Женеьев все растущее число школяров. Париж обязан своей славой, прежде всего, расцвету теологического образования, составлявшего вершину школьных дисциплин; но вскоре – и даже в еще большей мере – эта слава придет к нему от той ветви философии, которая, используя аристотелизм и силу суждения, превознесет рациональные способности ума – диалектики.

Так Париж для одних стал первоисточником интеллектуальных радостей, а для других – дьявольским вертепом, где разврат испорченных философией умов перемешался с мерзостью жизни, преданной игре, вину и женщинам. Большой город – место гибели, а Париж – это современный Вавилон.

По странному парадоксу, как пишет Ж. Ле Гофф, в тот самый момент, когда городские интеллектуалы закладывают в греко-арабскую культуру закваску того духа и метода мышления, который станет характерным для Запада и создаст его интеллектуальную мощь – ясность суждения, заботу о научной точности, взаимную поддержку веры и разума, – монастырский спиритуализм в самом сердце Запада провозглашает возврат к мистицизму Востока. Это важный момент: городские интеллектуалы уводят Запад от миражей Азии и Африки – от мистических миражей леса и пустыни. Но сам этот уход монахов расчищает дорогу, ведущую к расцвету новых школ. Собор в Реймсе в 1131 г. запрещает монахам заниматься медициной за пределами монастырей; в результате это поприще освобождается для Гиппократов и открывает поле деятельности для голиардов.

Клирики голиарды, или странствующие клирики, назывались бродягами, развратниками, фиглярами, шутами. Их изображали как некую божему, псевдостудентов, глядя на них то с известным умилением, то с

опаской и презрением. Другие, наоборот, видят в них своего рода городскую интеллигенцию, революционную среду, открытую всем формам явной оппозиции феодализму.

Голиарды образовывали среду, где охотно критиковали общество с его институтами. Будь они городского, крестьянского или даже дворянского происхождения, голиарды являлись, прежде всего, странниками, типичными представителями той эпохи, когда демографический рост, пробуждение торговли, строительство городов подрывали феодальные структуры и выбрасывали на дороги, собирали на перекрестках, которыми и были города, всякого рода деклассированных, смельчаков, нищих. Голиарды – это плод социальной мобильности, характерной для XII века. Уже бегство за пределы устоявшихся структур было скандалом для традиционно настроенных умов. Раннее Средневековье старалось прикрепить каждого к своему месту, к своему делу, ордену, сословию. Голиарды были беглецами. Они бежали, не имея средств к существованию, а потому в городских школах сбивались в группы бедных школяров, живших чем и как придется, нищенствовавших, делавшихся слугами у своих более зажиточных соучеников, ибо, как сказано Эвваром Немецким: «Если Париж – рай для богатых, то для бедных он – жаждающая добычи трясина. Он оплакивает *Parisiana fames*, голод несчастных парижских студентов».

Чтобы заработать себе на жизнь, они часто становились циркачами и шутами; отсюда, вероятно, происходит еще одно имя, под которым они выступают ? жонглёр. Слово «жонглер», в XII-XIV вв. было эпитетом для всех тех, кого находили опасным, кого хотели выбросить за пределы общества. У них не было ни постоянного жилья, ни доходного места, ни бенефиция, а потому они пускались в интеллектуальные авантюры, следовали за понравившимся им учителем, сбегались к знаменитостям, переноса из города в город полученное образование. Они формируют костяк того школьного бродяжничества, которое было так свойственно XII веку. Они привносят в него дух авантюры, импульсивности, дерзости. Но они не составляют единого социального слоя. Они разнятся своим происхождением, у них различные притязания.

Антипапское и антиримское вдохновение голиардов, не смешиваясь, присоединяется к двум другим течениям. Во-первых, это гибеллины, нападавшие прежде всего на мирские притязания папства и державшиеся стороны империи против духовенства. Во вторых, морализаторское течение, упрекавшее папу и римский двор за компромиссы с духом времени, за роскошь, за корыстолюбие. Конечно, в имперской партии было

немало голиардов – хотя бы тот же Архипита Кельнский, – и их поэзия часто имеет своим истоком антипапские сатиры, даже если последние довольствовались традиционными темами и часто были довольно беззубыми. Но и по тону, и по духу голиарды явно отличаются от гибеллинов. В римском первосвященнике и его окружении гибеллины видят главу и гаранта социального, политического, идеологического порядка; даже больше того – социальной иерархии, тогда как голиарды являются не столько революционерами, сколько анархистами. В то время как после григорианской реформы папство стремится отойти от феодальных структур и опереться не только на старую власть земли, но и на новую власть денег, голиарды разоблачают эту новую ориентацию, продолжая обрушиваться и на старую.

Ещё одним научным центром XII века был Шартр. Тут не пренебрегали искусствами тривиума – грамматикой, риторикой, логикой; это видно по преподаванию Бернара Шартрского. Но этому изучению *voces*, слов, в Шартре предпочитали изучение вещей, *res*, которые были предметом квадривиума: арифметики, геометрии, музыки, астрономии.

Именно эта ориентация определяет шартрский дух – дух любознательности, наблюдений, исследований, который расцвел, питаемый соками греко-арабской науки. Жажда познания получила такое распространение, что знаменитейший из популяризаторов века, Гонорий Отенский, резюмировал ее удивительной формулой: Невежество – изгнание человека, его отечество – наука.

В Шартре превозносятся и популяризируются несколько великих фигур прошлого, которые, христианизировавшись, становятся символами знания – великими мифическими предками ученых. Это Соломон ? учитель всякой восточной и еврейской учености; он не только мудрец Ветхого завета, но также великий представитель герметической науки. С его именем связывается энциклопедия магических познаний, он является владыкой тайн, хранителем секретов науки. Александр великий предстает в первую очередь как Исследователь. Его учитель Аристотель вдохнул в него страсть к изысканию, энтузиазм любознательности, матери науки. Получает распространение древнее апокрифическое письмо, в котором он рассказывает своему учителю о чудесах Индии. Перенимается и легенда Плиния, согласно которой Александр поставил философа во главе научного проекта, снабдив его тысячью ученых, посланных во все концы света. Жажда познаний была двигателем всех его походов и завоеваний. Не довольствуясь покорением земли, он хотел изучить другие стихии. Он поднимался в воздух на ковче самолете; построил стеклянную

бочку и спускался в глубины моря в этом предке батискафа, чтобы изучить нравы рыб и морскую флору. К несчастью, – пишет Александр Неккам, – он не оставил нам своих наблюдений.

Основанием шартрского рационализма была вера во всемогущество Природы. Природа для них есть, прежде всего, порождающая сила, вечно творящая и обладающая неисчерпаемыми ресурсами. На этом зиждется натуралистический оптимизм XII в., века расцвета и экспансии.

Дух исследования столкнется с другой тенденцией шартрских интеллектуалов – духом рациональности. На пороге Нового времени эти две фундаментальные установки научного духа часто кажутся антагонистами. Для ученых XII в. опыт способен постичь только феномены, видимости. Наука должна отвернуться от них, чтобы разумом постигать реальности.

Однако дух Шартра прежде всего гуманистичен. Не только во вторичном смысле слова, поскольку для созидания своей доктрины он обращается к античной культуре; но прежде всего потому, что человека он делает средоточием своей науки, своей философии и чуть ли не теологии.

Человек есть объект и центр творения. Традиционному тезису, подхваченному св. Григорием, по которому человек есть случайность творения, эрзац, тупик, созданный Богом лишь с тем, чтобы заменить павших после своего бунта ангелов, Шартр, развивая мысли св. Ансельма, противопоставляет идею человека, согласно которой он изначально входил в план Творца и для него, собственно, был создан мир.

Человека шартрцы рассматривают прежде всего как рациональное существо. В нем осуществляется активное соединение разума и веры – это одно из фундаментальных положений интеллектуалов XII столетия. Они так интересуются животными, чтобы на их фоне лучше разглядеть человека. Антитеза «зверь – человек» является одной из великих метафор века. В римском бестиарии, в пришедшем с Востока гротескном мире, воспроизводимом воображением традиционалистов в их символизме, Шартрская школа видит своего рода гуманизм наоборот и постепенно от них отходит, чтобы вдохновить скульпторов готики и дать им новую модель – человека. Человек, сам являющийся природой и способный постичь природу своим разумом, может также преобразовать ее своей деятельностью. Он утверждает себя как мастер, преобразующий и творящий.

Так преобразуется картина человеческого общества. В этой динамичной перспективе, придающей смысл экономическим и социальным структурам века, общество должно включать в себя все человеческие труды. Ранее презираемые, они входят вместе с этой реабилитацией труда в град человеческий, образ града божественного. Иоанн Солсберийс-

кий возвращает в общество сельских тружеников: работающих в полях, в лугах, в садах; а затем и ремесленников: сукноделов, как и всех прочих, работающих орудиями по дереву, железу, бронзе и иным металлам. В такой перспективе рушится старая школьная система свободных искусств. Новое обучение должно включать в себя не только новые дисциплины: диалектику, физику, этику, но также научные и ремесленные техники, являющиеся существенной частью человеческой деятельности. Гуго Сен Викторский в программе обучения утверждает эту новую концепцию. Гонорий Отенский развивает ее в своей знаменитой формуле: невежество – изгнание человека, его отечество – наука, добавляя при этом, что началом, здесь являются свободные искусства, представляющие собой города этапы. Первый город – это грамматика, второй – риторика, третий – диалектика, четвертый – арифметика, пятый – музыка, шестой – геометрия, седьмой – астрономия. В этом он следует традиции. Но на этом путь не заканчивается. Восьмым этапом будет физика, где Гиппократ обучает странников добродетели и природе трав, деревьев, минералов, животных. Девятым оказывается механика, где странники обучаются работе с металлами, деревом, мрамором, живописи, скульптуре и ручному ремеслу. Здесь Нимрод воздвиг свою башню, а Соломон сконструировал свой храм. Здесь Ной изготовил свой ковчег, обучал искусству фортификации и работе с разными тканями. Одиннадцатый этап – это экономика. Сии врата ведут в отечество человека. Тут регулируются состояния и достоинства, различаются обязанности и порядки. Поспешающие в свое отечество люди обучаются здесь тому, как подойти к иерархии ангелов согласно порядку собственных заслуг. Так политикой завершается одиссея гуманизма интеллектуалов XII века.

Среди них, даже среди тех, что учили в Шартре, следует различать личности и темпераменты. Бернар был профессором, желавшим дать своим ученикам общую культуру и методы мышления посредством солидной грамматической подготовки. Бернар Сильвестр и Гийом из Конша были в первую очередь учеными – славными представителями наиболее оригинальной тенденции шартрского духа. С другой стороны, Иоанн Солсберийский – гуманист, предан культурной утонченности и поиску выразительности. Гильберт Порретанский – метафизик.

В Шартре сформировались первопроходцы. В Париже – более умеренные умы стали включать в традиционное церковное образование все то, что можно было заимствовать у новаторов, не вступая в противоречия с церковью, главным контролёром учёности.

Как человек ремесла, интеллектуал сознает, что его профессия требует подготовки. Он признает необходимую связь между наукой и преподаванием. Он уже не считает, что знания нужно просто копировать, но убежден в том, что накопленное следует пускать в оборот. Школы становятся мастерскими, откуда экспортируются идеи, но идеи требуют не только практического применения, но и дальнейшей обработки в новых учёных центрах – университетах.

XIII столетие – это век университетов. Прежде всего это церковная корпорация. Даже если не все ее члены приняли сан, даже если в ее рядах становилось все больше и больше мирян, все преподаватели были клириками, на которых распространялась юрисдикция церкви, даже более того – Рима. Появившись из движения, носившего светский характер, они принадлежат церкви – даже там, где они пытаются найти институциональный выход из нее.

Корпорация, цели которой являются локальными и которая широко пользуется национальным или местным подъемом (Парижский университет неотделим от роста могущества Капетингов, Оксфорд связан с усилением английской монархии, Болонья пользуется жизненностью итальянских коммун), оказывается в то же самое время интернациональной: ее члены, преподаватели и студенты, прибывают из всех стран; она интернациональна и по способу деятельности, ибо наука не знает границ, и по своим горизонтам, поскольку санкционирует право преподавать повсюду, чем и пользуются выпускники крупнейших университетов. В отличие от других корпораций, у нее нет монополии на местном рынке. Ее пространство – весь христианский мир.

Тем самым она выходит за те городские стены, в которых родилась. Часто она вступает в конфликты с горожанами как в экономическом плане, так и в юридическом или политическом.

Поэтому она обречена на службу разным классам и социальным группам. И для всех них она оказывается предательницей. Для церкви, для государства, для города она способна сделаться «троянским конем». Она не помещается ни в какие классы.

Город Париж, – пишет в конце века доминиканец Фома Ирландский, – подобно Афинам разделен на три части: первая из них состоит из торговцев, ремесленников и простолюдинов, ее называют большим городом; к другой принадлежат благородные, тут находятся королевский двор и кафедральный собор, ее именуют Сите; третью часть составляют студенты и коллегии, она называется университетом.

Типичной можно считать университетскую корпорацию в Париже. На протяжении XIII в. происходило становление как административной, так

и профессиональной ее организации. Она состояла из четырех факультетов: Свободные искусства. Декреты, или Каноническое Право, – папа Гонорий III запретил факультету преподавать гражданское право в 1219 г. – Медицина и Теология. Они образуют соответствующие корпорации внутри университета. Высшие три факультета – Права, Медицины и Теологии – управляются титулованными мэтрами, или регентами, во главе с деканом. Факультет Искусств, значительно более многолюдный, подразделяется на нации. Преподаватели и студенты входят в группы, образуемые согласно месту рождения. В Париже имелось четыре таких нации: французская, пикардийская, нормандская и английская. Во главе каждой нации стоял прокуратор, избираемый регентами. Четыре прокуратора были помощниками ректора, возглавлявшего факультет Искусств.

Тем не менее, в университете имелись общие для всех факультетов службы. Но они были сравнительно слабыми, поскольку факультеты не имели большого числа общих для всех них проблем. У них не было ни общих зданий, ни общих для всей корпорации земель, исключая площадку для игр за пределами городских стен. Представители всех факультетов и наций собирались в церквях и монастырях, где они были гостями: в церкви Св. Юлиана Бедного, у доминиканцев или францисканцев, в капители бернардинцев или цистерцианцев, чаще же всего в трапезной матуринов. Именно в ней собиралась генеральная ассамблея университета, включавшая в себя и регентов и нерегентов.

В конце XIII в. появляется глава всего университета; им становится ректор факультета искусств. Мы еще вернемся к той эволюции, которая сделала этот факультет *leader* университета. Это преобладание ему обеспечили многочисленность, вдохновлявший его дух, равно как и его финансовая роль. Ректор факультета искусств распоряжался финансами университета и председательствовал на генеральной ассамблее. К концу века он становится признанным главой корпорации. Этого положения он добивается в итоге длительной борьбы между белым и черным духовенством, о которой речь впереди. Но его власть все же остается ограниченной временными рамками. Он не только переизбирается, но и функции свои он исполняет лишь на протяжении триместра.

Такая структура была в основе присуща всем крупным западноевропейским университетам, имея некоторые вариации. В Оксфорде не было единого ректора. Главой университета был канцлер, избираемый, как мы уже видели, своими коллегами. В 1274 г. тут исчезает система наций.

В Болонье одной из главных особенностей было то, что профессора не составляли части университета. Университетская корпорация включа-

ла в себя только студентов. Мэтры образовывали коллегия докторов. Можно говорить о том, что в Болонье было несколько университетов. Каждый факультет образовывал собственную корпорацию. Но над всеми возвышались два юридических университета: гражданского и канонического права. Их влияние росло на протяжении всего века, поскольку эти два организма практически слились друг с другом. Чаще всего их возглавлял один и тот же ректор. Как и в Париже, он выдвигался от наций, система которых в Болонье была довольно сложной и весьма жизненной. Нации группировались в две федерации (цитрамонтанцев и ультрамонтанцев). Каждая из них подразделялась на многочисленные секции с разным числом – до 16 у ультрамонтанцев, представляемых советниками (*consiliarii*), игравшими значительную роль наряду с ректором.

Могущество университетской корпорации опиралось на три главные привилегии: автономную юрисдикцию (в рамках церкви – при наличии местных ограничений, но с правом обратиться к папе), право на забастовку и уход, монополию на присвоение университетских степеней.

Социокультурный тип интеллектуала-профессионала формируется на Западе в XII-XIII вв., когда представление об учености как бесплатном «даре Божьем» сменяется убеждением в том, что знания – такой же товар, как и прочие, а преподавание – один из видов городского специализированного труда, который оплачивается. Именно как корпорация интеллектуалов возник средневековый университет. Но самосознание интеллектуала строится не столько на сближении его труда с ремеслом, сколько, на противопоставлении умственной деятельности и «работы руками». «Интеллектуал» понимает себя как человека книги и слова, настаивая на том, что отдаляет его от ремесленника и возвышает над ним. Еще одна важная характеристика этого типа средневекового человека – стремление к распространению своих знаний и идей.

Таким образом, «интеллектуал» – человек, сознающий свою особость и в то же время – член корпорации. Он – «человек мира»: часто переезжает из одного университета в другой, из одной школы в другую, ибо всеобщим языком грамотности и обучения остается латынь. Он не женат, так как не желает стеснять себя брачными узами и семейными обязанностями. Он – человек «авторитета», которым наделены изучаемые им и распространяемые обязательные тексты, начиная с Библии. Но он не следует им слепо, он знаком с критикой, подвергает их рациональному истолкованию или вообще предпочитает им рациональное знание. И это порой очень осложняло его жизнь. Пример тому Сигер

Брабантский, руководитель кружка «аверроистов» в Парижском университете (приверженцев идей арабского философа Аверроэса). Обвиненный епископом Этьеном Тампьером в «ереси», он был подвергнут тюремному заключению. «Интеллектуал» постоянно вовлечен в идеологические споры своего времени.

На переходе от XIII к XIV столетию появляется новая сфера интереса интеллектуалов – политика. Недовольные церковью, они критиковали светскую власть пап и становились на сторону императоров. Таков италянец Марсилиус Падуанский (1275/1280-1343 гг.), помогавший императору Людовику Баварскому в борьбе с папой Иоанном XXII; в 1327 г. он был отлучен от церкви и заочно приговорен к смертной казни. Таков Уильям Оккам (1300-1349 гг.) – английский философ, не признававший «непогрешимости» папы и выступавший за независимость государства от церкви. В 1324 г. он был обвинен папской курией в ереси и находился в заточении в Авиньоне, откуда бежал в 1328 г. в Мюнхен к Людовику Баварскому; у него было много последователей, и он оказал большое влияние на деятелей Реформации.

Таким образом, эпоха Средневековья стала периодом зарождения интеллигенции на Западе.

Глава III. Специфика социального устройства исламского средневекового общества

Ислам не признает национальных различий, поэтому правовой статус человека в Халифате определялся его вероисповеданием. По этому принципу все жители делились на три категории.

Первую составляли правоверные, т.е. мусульмане. Вторую – лица, находившиеся под покровительством мусульманской общины, так называемые зиммии. К ним относились иноверцы (иудеи, христиане и зороастрийцы), которые признавали власть мусульман и платили подушный налог (джизья), взамен получая гарантию неприкосновенности их личности и имущества, а также возможность исповедовать свою веру. К третьей категории относились многобожники, подлежащие обращению в ислам.

Каждая конфессиональная община руководствовалась своими собственными религиозно-правовыми нормами, которые регламентировали ее духовную и социальную жизнь. В результате не только не существовало равенства перед законом, но не было даже идеи государственной общности.

Исламское общество бессословно: все взрослые и здоровые мужчины-мусульмане теоретически равны перед Аллахом и его законом, неза-

висимо от рода занятий, места жительства; правоответственность женщин, рабов и недееспособных вдвое меньше. Положение человека в обществе находилось в прямой зависимости от рода его занятий, от которого зависело налогообложение: богач или землевладелец, не занимавший государственной должности, рассматривался как рядовой налогоплательщик. Все привилегии касались только налогообложения, а не социального положения. В этом и заключается кардинальное отличие арабского исламского общества от западноевропейского христианского.

Большую часть городов Халифата составляли города, существовавшие задолго до арабского завоевания (в Сирии, Ираке, Египте). Сами арабы основали немного городов: это были либо бывшие военные лагеря (Куфа, Басра, Фустат), либо заново построенные центры, служившие резиденцией правителей (ал-Васит, Багдад, Самарра).

В сельскохозяйственных регионах Халифата – Месопотамии и Египте – число горожан в общей массе населения доходило до 15%. Наряду с городами, выполнявшими функции административных центров, существовали и населенные пункты, специализировавшиеся на каком-либо производстве. Так, в дельте Нила располагался целый ряд городов, где производились льняные и шелковые ткани (Тиннис, Шата, Димйат), а в Верхнем Египте – шерстяные; в Ираке и Средней Азии имелись города, связанные с добычей и обработкой металлов – серебра, железа – и драгоценных камней.

В отличие от европейского мусульманский город мог не иметь стен. В центре него, как правило, находилась крепость правителя (арк, хисн), вокруг которой селилась знать; эта часть города называлась «мадина», или по-персидски – шахристан, вокруг нее располагались торгово-ремесленные предместья (рабат).

Городской статус населенному пункту Халифата давало наличие в нем соборной мечети (ал-масджид ал-джами), в которой проходило общее пятничное моление с проповедью (хутба). Проповедь произносилась со специальной трибуны (минбар, или мимбар) и в качестве обязательного элемента включала здравицу в честь правившего халифа. Со второй половины IX в. некоторые местные правители добились права быть упомянутыми в хутбе после имени халифа. Крупные города такие, как Багдад, Фустат и сменивший его Каир и др., могли располагать не одной соборной мечетью, а несколькими.

По нормам шариата горожане, как и остальные мусульмане, пользовались личной свободой, свободой торговли и передвижения, были равны перед законом; кроме того, в общественном мнении городские профессии (торговцев, ювелиров, менял и т.п.) пользовались уважением. Город-

ские ремесленники были объединены в корпорации (синф), которые не имели такого замкнутого характера, как цехи в европейских городах. Многие важные функции, которые на Западе являлись внутренним делом цехов, в Халифате возлагались на специального государственного чиновника (мух-тасиб). Он ведал регламентацией и стандартизацией производства и торговли, а в неурожайные годы также и ценовой политикой.

Города Халифата не имели особого правового статуса. Город как часть того или иного административного округа управлялся наместником, которого назначал халиф. Наместник отвечал за поддержание порядка в городе и сбор налогов с горожан. Для этого он назначал правителя города (вали), начальника городской полиции, сборщиков налогов и судью (кади). Если город содержал вооруженные отряды горожан, то они подчинялись начальнику полиции.

Город не стал на Востоке организующей и направляющей силой общественного прогресса. Город жил за счет перераспределения феодальной ренты: ремесленная продукция шла феодалам, а купеческий капитал выступал в роли посредника. Сельская замкнутая община была тормозом для развития товарно-денежных отношений. В городах ремесленники находились под жестким административным контролем и были скованы правовыми, религиозными, сословными и кастовыми ограничениями. Правовой статус городского жителя не отличался от деревенского.

«Общность», «всеобщая связанность» в восточных условиях выглядела не так, как в Европе. Она проявлялась прежде всего во всеобщей службе государству. Обработка поля считалась обязанностью его хозяина, его государственным долгом. За пренебрежение этой обязанностью нередко полагались суровые, в том числе телесные, наказания, как минимум – конфискация участка и передача его другому. Еще более «святой» была обязанность платить налог. Отказ от исполнения этой обязанности наказывался как угодно жестоко и довольно единообразно во всех странах Востока. Понятно, на службе государства находились военные и гражданские чиновники. Сам государь нередко рассматривался как слуга государства. Мыслители мусульманского мира нередко называли получаемые государем налоги его жалованьем за то, что он защищает народ. Можно было бы привести и другие примеры, показывающие, что государственные отношения понимались как отношения взаимных обязательств, взаимозависимости.

Однако нельзя все социальные отношения сводить к государственным, как это иногда делается. Государственно ориентированная система на Востоке не могла существовать без «допущения» отношений личной взаи-

мозависимости. Узы личной службы и личной верности скрепляли отношения гулямов-военачальников и их патрона. Огромную роль играли племенные, этнические, земляческие, конфессиональные (после распада мусульманской общины на шиитов и суннитов) связи, на основе которых формировались патронатные, по сути вассально-сеньориальные структуры. Они были неременной составляющей того социально-политического строя, который обычно называется государственным.

Еще большее значение имели клановые и общинные, тоже в принципе патронатные связи в жизни средних и низших слоев – городских и сельских. Эти связи уже не только не укладываются в обычное понимание государственных, но и прямо противостоят последним. Связи между налогоплательщиками по горизонтали, а также кастовые или клановые связи между населением и представителями господствующего слоя – по вертикали поддерживались именно с целью ограничить безличный и бездушный государственный гнет. Некоторые восточные деспоты, именно те, кто вполне отвечал такому определению, пытались сокрушить эту пассивную, но могучую силу, однако в конечном счете ничего сделать не могли. Устанавливалось определенное равновесие между возможностями власти и круговой порукой «безгласных» подданных.

Поскольку исполнение божественного закона считалось прерогативой светской власти в лице халифа, в мусульманском обществе не выделялась церковь, т.е. специальный институт, выступающий в качестве посредника между людьми и Богом, и не сложилось особого слоя лиц, наделенного благодатью. Мусульманское духовенство – «улемы» (знатоки богословия, Священного Предания и этико-правовых норм), «факихи» (богословы-законоведы), «муджтахиды» (богословы, обладающие правом выносить самостоятельные решения по богословско-правовым вопросам) – состояло из лиц, обладавших высоким личным авторитетом и глубокими познаниями в сфере богословия. Имамом – предстоятелем на молитве – в принципе мог стать любой грамотный мусульманин. Обучение религиозным наукам рассматривалось как частное дело как ученика, так и учителя. Первоначально даже само культовое здание, мечеть, являлось не священным местом, а местом сбора для совместной молитвы, залом суда, сберкассой, школой, писательским клубом.

Религиозные судьи (кади), контролировавшие общественные отношения с точки зрения соответствия их шариату, входили в государственную иерархию, т.е. подчинялись светским владыкам – султанам, наместникам, эмирам – и получали от них жалование. Наряду с кади, назначаемыми в города и области Халифата, существовали и войсковые кади.

Для Востока характерна размытость классовых границ: основой общественной структуры была не вассально-ленная иерархия, а иерархия феодальных титулов и рангов.

Даже область интеллектуальной сферы не оформилась на арабском Востоке как специальная. Ученые занятия в мусульманском мире не являлись достоянием лишь узкого круга профессионалов – ученых, богословов, поэтов. Широкое распространение получила переписка Корана, считавшаяся богоугодным делом и даже обязанностью каждого грамотного мусульманина. Существовал обычай дарить в мечеть своего города или квартала собственноручно выполненный список Корана.

В исламском учении с самого начала подчеркивалась роль знания как одного из условий веры. Ислам вмещает стремление к знанию в обязанность каждого мусульманина. Стремление выйти за пределы привычного кругозора находило опору в завете Мухаммада, которому приписывались изречения «Ищите науку хотя бы в Китае», «Чернила ученого, усердно занимающегося наукой, представляют большую ценность, чем кровь мученика за веру». В Коране слово «знание» (илм) и однокоренные с ним именные и глагольные формы по частотности употребления стоят на пятом месте после слов «Аллах», «сказать», «быть» и «господь, владыка».

Сциентистская концепция занимала исключительно важное место в общественном сознании. Определению смысла и содержания термина «илм» посвящались многочисленные сочинения мусульманских теологов, философов, филологов, мистиков. В связи с этим одной из важных особенностей культуры Халифата по сравнению с западноевропейской культурой того же времени является гораздо большее распространение светского, в том числе научного, знания среди образованных слоев общества.

На территории Халифата существовал целый ряд научных центров, известных еще с доисламских времен. К их числу относились такие очаги эллинистической культуры, как Александрия и Антиохия, а также оазисы сирийско-несторианской образованности – Эдесса, Харран, Гундишапур. Большинство из них сохранили свое научное значение и при арабах. Населявшие эти города греки, сирийцы и сабии становились придворными астрологами и врачами у мусульманских владык, занимали различные должности в государственном аппарате. В отличие от доисламских научных центров, где процветали, главным образом, естественные и точные науки, в городах, основанных самими арабами (Куфе, Басре), получили развитие гуманитарные отрасли знания, прежде всего, арабская филология.

В IX–XI в. центрами интеллектуальной жизни на мусульманском Востоке стали учреждения, называвшиеся «домами мудрости» (байт ал-хикма) или «домами науки» (дар ал-илм). Такие заведения существовали в различных городах Халифата и содержались за счет казны, частных лиц или мусульманской общины. «Дома мудрости» являлись прежде всего библиотеками, где в распоряжение ученых предоставлялись прежде всего книги, письменные принадлежности, жилье и денежное пособие.

Прообразом этих учреждений был «Дом мудрости» в Багдаде, созданный по распоряжению халифа ал-Мамуна в 20-е годы IX в. Он стал закономерным явлением в культурной жизни Халифата, а прямая поддержка верховной власти позволила сыграть «Дому мудрости» выдающуюся роль в истории мусульманской науки.

Книжное собрание, ставшее основой библиотеки «Дома мудрости» ал-Мамуна, складывалось постепенно. При халифах Омейядах, в конце VII – первой половине VIII в., появились первые собственно арабские библиотеки – придворные и частные, но сведения о них очень скудны. Книжное собрание при дворе Аббасидов начало формироваться в середине VIII в. при халифе ал-Мансуре и впоследствии пополнялось другими халифами, в особенности Харуном ар-Рашидом. Переводческая деятельность всячески поощрялась везирами из иранского рода Бармакидов, организовавшими в Багдаде библиотеку (хизанат ал-хикма).

В IX в. в Багдаде и других городах было основано еще несколько библиотек – «домов мудрости», учрежденных частными лицами. В начале X в. на частные средства организуются «дома науки» во многих городах Ирака (Багдад, Басра, Мосул), Сирии и Палестины (Дамаск, Иерусалим, Триполи), Египта (Каир). Это были самостоятельные учреждения, помещавшиеся в отдельном здании, где работали ученые, устраивались диспуты и велось нерегулярное преподавание. Со второй половины XI в. «дома науки» уступают место библиотекам при вакуфных (т.е. принадлежавших мусульманской общине) учреждениях (мечетях, медресе, больницах).

Первоначально обучение производилось в частных домах или мечетях. С X в. в Хорасане и Мавараннахре, а с XI в. повсеместно основные образовательные функции переходят к медресе (араб. мадраса – «место, где учатся»). Медресе являлись вакуфными учреждениями, т.е. существовали за счет имущества, переданного на благотворительные цели. Как правило, медресе были частью целого комплекса строений, включавшего и библиотеку. Преподаватели медресе получали жалование за свою работу, а студенты обеспечивались жильем.

ем, необходимыми для учебы принадлежностями и стипендией. Преподаватели медресе (мударрисы) в большинстве своем специализировались в области фикха, в связи с чем профиль того или иного медресе определялся по одному из мазхабов (школ мусульманского права). Существовали и медресе, в которых преподавались два, три или четыре мазхаба, за преподавание каждого из которых отвечали отдельные преподаватели. Наряду с фикхом в программу обучения могли входить и другие предметы – арабский язык и литература, коранистика, хадисоведение и естественные науки.

Какой-то обязательной программы обучения в медресе не существовало, так же как не было точного расписания занятий, переходных или выпускных экзаменов, шкалы оценок, ученых степеней. Обучение велось в форме лекций, чтения книг и дискуссий. Корпоративная ответственность преподавателей за качество обучения и объем знаний студентов отсутствовала. Вместо этого существовала особая система правил, удостоверяющая факт передачи и получения информации. Студент, проработавший ту или иную книгу под руководством определенного преподавателя, получал от него письменное свидетельство о своей квалификации (иджаза), которое давало ему право самому стать учителем в данной области знания. Одновременно можно было заниматься с разными преподавателями по разным книгам, получая от каждого по иджазе. Нередко студенты, получив образование в одном медресе, перебирались в другой город, чтобы продолжить обучение у какого-нибудь известного ученого.

Таким образом, социальный статус человека, живущего в арабском мире, стоял на втором плане и не был определяющим, как в обществе средневекового Запада.

Вопросы для самоконтроля

1. В каких западноевропейских источниках обосновывается трёхчленная социальная система общества?
2. Возможен ли был переход из одной категории в другую?
3. Что стало причиной складывания особой рыцарской идеологии?
4. Можно ли говорить о рождении интеллигенции как особого слоя населения в период Средневековья?

Источники

1. Жизнеописания трубадуров. – М., 1993.

2. Средневековая Европа глазами современников и историков. – М., 1994. – Ч.3.
3. Паоло да Чергальдо Книга о добрых нравах // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах / Перевод И.А. Красновой. – М., 1996.
4. Питти Б. Хроника. – М., 1972.

Литература

1. Абрамсон М. Л. Четыре истории, рассказанные флорентийскими купцами о себе самих // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. – Вып. 4. – М., 2002.
2. Гуревич А.Я. Средневековый купец // Одиссей. Человек в истории. – М., 1990.
3. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. – Т. 2. – М., 1986.
4. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
5. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. – Долгопрудный, 1997.
6. Средневековая Европа глазами современников и историков. – М., 1994. – Ч.3.
7. Французская деревня XII-XIII вв. и Жакерия. Документы. – М.-Л., 1935.
8. Социальная природа средневекового бюргерства XIII-XVII вв. – М., 1979.
9. Типы общественных отношений на Востоке в средние века / Под ред. Л.Б. Алаева. – М., 1982.
10. Ястребицкая А.Л. Европейский город (Средние века – раннее Новое время): Введение в современную урбанистику. – М., 1993.
11. Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI-XIII веков. – М., 1978.

РАЗДЕЛ III. ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ И ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Глава I. Женщина и её социальные роли в западноевропейском обществе

Одним из результатов обращения медиевистов к исторической антропологии, к подходам и методам исследований смежных гуманитарных дисциплин, в частности, этнологии и антропологии, стала разработка таких тем, как семья и отношения родства, взаимоотношения противоположных полов, брачность, сексуальное поведение, положение и роль женщины в феодальном мире.

В отличие от этнологов и антропологов, традиционно занимающихся этими проблемами, историков биологическая сторона жизни человека интересует не сама по себе, но как социокультурное явление, т. е. в ее взаимосвязях с социальными, хозяйственными процессами и господствующей системой мировидения людей, их нравами и моралью. Историков интересует то, как эта сфера жизнедеятельности человека воздействовала на его поведение, индивидуальное и групповое, на социальную напряженность в обществе. В этом же контексте изучают медиевисты и специфику взаимодействия в средневековом обществе мужской и женской общественных структур и их роль в обеспечении его внутреннего равновесия, единства, внутренней динамики.

Исследования в этой области связаны с большими трудностями. В отличие от этнологов, имеющих дело с массовым материалом, который они либо собирают во время полевых экспедиций, либо черпают из официальных документов, историк-медиевист редко располагает нужными свидетельствами «в чистом виде». И системы отношений средневекового родства и картина положения женщины, как и другие аспекты этой многоплановой темы, не могут быть воссозданы непосредственно из источника какого-либо одного типа. Они практически всегда – объект научного конструирования, материалом для которого служат свидетельства самых разнообразных источников: торговых книг и хроник, литературных памятников, описей налогового обложения, завещательных актов, сборников правовых установлений и т. п. Немалые трудности для исследователя создает и средневековая терминология, которая имеет мало общего с понятиями, используемыми сегодня.

Вплоть до недавнего времени многоплановая тема положения женщины в средневековом обществе рассматривалась преимущественно либо сквозь призму «черной» легенды о Средневековье как эпохе абсолютного господства враждебной по отношению к женщине религиозной догмы и мракобесия, либо в рамках категорий, традиционных для феминистской историографии: дискриминация женщины, засилье патриархальных отношений и медленная эмансипация по мере приближения к Новому времени. Новые исследования выявили реальность, мало похожую на эти упрощенные схемы.

В вопросе об оценке положения женщины, пишет один из авторитетов в этом вопросе французский историк Робер Фосье, мы жертвы одновременно и наших источников и нашего подхода как историков современных. Мы, как правило, оперируем источниками, принадлежащими к такой сфере общественной жизни – экономика, политика, администрация, где женщина, уже в силу своей физической природы играла в массе роль менее важную, чем мужчина.

Напротив, те сферы жизни – повседневность, где господствовали ценности, чуждые современному сознанию: производство и распределение предметов первой необходимости, ведение хозяйства, надзор за челядью, прислужой (связка ключей у пояса – один из частых аксессуаров в иконографии женщины-горожанки), воспитание детей, эмоциональные отношения, либо, как правило, игнорируются, либо расцениваются в соответствии со стереотипами феминистской историографии, как «служебные», «подневольные», «унизительные», «оскорбляющие достоинство».

Однако в условиях цивилизации, ориентированной на потребительское хозяйство, именно дом, домохозяйство являлись ее подлинным ядром, наиболее существенной ячейкой жизни. Именно здесь протекала жизнь средневекового человека. И женщина правила там. Господствовавший вне сферы домохозяйства мужчина оказывался как бы зависимым от женщины в этой жизненно важной сфере.

Но и вне домохозяйства бросается в глаза противоречие между официальным непризнанием участия женщины в общественной, политической, судебной сферах и реальной практикой во многих регионах. В Англии, Германии XIII- XV вв. женщины-горожанки выступали в судах в качестве поручительниц за женщин же, известны они на официальных должностях оценщиц шелка, руководительниц, главных мастериц шелкоткацких цехов. Фактически за женщиной признавалась правовая возможность распоряжаться имуществом – привнесенным ею в семью

в виде приданого и частью нажитого совместно с мужем. Именно из этого признания вытекали привлечение ее к делам опеки над детьми и гарантированная доля в наследстве в случае вдовства (возможность включения в профессиональную, производственную деятельность: наследование мастерской, торгового предприятия, ведение дела покойного супруга до совершеннолетия детей). При этом, как показывают исследования, правовой статус женщины незамужней был лучше чем у той, что состояла в браке.

Имущественные отношения супругов определялись специальным брачным договором, который устанавливал права супругов на совместно нажитое имущество, границы распоряжения супругом приданным жены, а также квоты наследования в качестве пожизненного пользования (тогда как право собственности передавалось детям). Правда, в конце Средневековья устанавливается практика передачи прав собственности на эту квоту (обычно половина имущества) также одному из супругов. Совместное владение имуществом не исключало так называемого личного имущества каждого из супругов: оружие – у мужчин, платья, предметы утвари – у женщин. Договор устанавливал также условия ведения домохозяйства супругой: при раздельном имуществе ей выделялись средства «на ведение дома».

Рост социального престижа женщины с XI–XII вв. шел рука об руку с процессом оформления супружеской семьи, становлением нового взгляда на взаимоотношения обоих полов как отношения духовного единения (что было заложено в концепции христианского брака), эмоциональной близости и партнерства в рамках брачного союза. Важно понять, что речь идет о партнерстве, а не о равенстве в современном смысле. В основе партнерства лежал принцип взаимодополняемости, жестко фиксировавший ролевые функции в домохозяйстве – положение мужа и жены, так же как сыновей и дочерей. Идеал женщины – смиренная, но пользующаяся авторитетом хозяйка, супруга, мать. Это самый высокий уровень общественного бытия женщины в средневековом мире. Ниже и вне его практиковался антифеминизм. Истоки этой концепции коренятся в развитии городского общества и росте хозяйственного и социального значения малой, супружеской семьи.

С формированием этого идеала женщины связано и развитие представлений о сфере «возможных для женщины занятий». Пока монастыри сохраняли свои функции хранителей и передатчиков знаний, центров духовной жизни, женщина не была в принципе отлучена от общения к знаниям, высшему образованию – будь то монахиня или мо-

лодая женщина, воспитывавшаяся в монастыре. Монополизация высшего образования университетами, куда доступ женщине был закрыт, изменила ситуацию коренным образом.

Более того, в эту эпоху начинается дискутироваться вопрос о том, нуждается ли вообще женщина в овладении основами школьного образования. Например, должна ли она учиться читать? Знаменитый ломбардский правовед Филипп из Наварры (ум. в 1270 г.) отвечал на этот вопрос однозначно отрицательно: важнейшая задача женщины сохранять свою добродетель. Способность к чтению этому только повредит. Смирение, целомудрие – лучшее условие обеспечения достойной брачной партии. Единственное, имеющее практический смысл «образование» для женщины – умение прясть, шить, быть хорошей домоправительницей. Бедным это необходимо, чтобы прокормить себя, богатым – для того, чтобы быть в состоянии оценить работу, выполняемую другими. Ни одна женщина не может пренебречь такого рода занятиями, так как ими не гнушалась сама Дева Мария.

Много лет спустя другой правовед Франческо Барберини давал словно дифференцированный ответ: чтению следует обучать только дочерей высшей аристократии, но не низшего дворянства, судей, бюргерства. Дочери этих последних должны учиться варить, прясть, шить. Эти навыки пригодятся им в жизни – для надзора за прислугой на кухне и по дому. Прядение, шитье помогут преодолеть меланхолию, когда они останутся дома с мужем. Если же судьба их изменится, то практические знания помогут им обеспечить себе существование. Лишь мальчиков, утверждал анонимный автор трактата «Любовная неудача»(1370-1380 гг.), следует отдавать в школу и обучать, если будет склонность, свободным искусствам, естественным знаниям, врачеванию, праву. Показательно, в свете этих рекомендаций, распространение именно в эту эпоху практики чтения для женщин. Обязанности чтеца вменялись мужчине – мужу прежде всего. Дискуссии о том, обучать или не обучать девочек чтению проходят через все трактаты о воспитании позднего Средневековья. Но при всех колебаниях за и против, перевешивали все же позитивные голоса.

Единодушие господствовало лишь в основном вопросе, касавшемся формирования женского характера и идеальных норм поведения. Показательны с точки зрения утвердившегося на столетия стандарта женского поведения, методов и целей воспитания женщины трактаты рыцаря Делатур Ландри (1372 г.) и «Парижского буржуа» (1393 г.). Оба писали, исходя из вполне конкретной задачи – имея в виду один своих подросших, уже на выданье дочерей, другой – юную жену. На дискус-

сионный вопрос, нужна ли женщине грамота – оба отвечали утвердительно. Уметь читать (можно не уметь писать) необходимо для «морального совершенствования и религиозного воспитания». Круг полезного чтения был строго определен: чтобы не породить «разброд в мыслях» и «греховные настроения». В этой связи исключалась большая часть светской куртуазной литературы, практически вся литература классического Средневековья, в которой женщина играла одну из центральных ролей. Оба автора акцентировали внимание на религиозных обязанностях (строгое соблюдение постов – три раза в неделю), умеренности в еде и одежде; осуждали грех «гордыни» и «тщеславия» и указывали на прямую связь нарушения предписываемых правил поведения с опасностью «впасть в грех»[3:291].

Цель воспитания девочки и девушки – приготовление к выполнению основной функции женщины: супруги и домохозяйки. Оба автора сосредотачивают главное внимание на поведении женщины в браке. Основные нормы: смирение, способность к состраданию, терпение, признание мужского превосходства, готовность считать и видеть себя «ведомой», отказ от самостоятельности и собственной воли, достигаемый «не грубо», но косвенно – «мягкими мерами». Этот идеал женщины ориентирован на женщину профессионально не работающую, хотя это была еще эпоха широкого распространения участия женщины в производственной сфере. Правда, уже в XIV в. и тем более в последующие столетия (когда, кстати, оба трактата приобрели популярность) спектр женских профессий начинает сужаться. Женщина утрачивает позиции в отраслях, считавшихся ее исключительной сферой: пивоварение, текстильное производство (ткачество прежде всего), свечное дело. В контексте подобной тенденции образ женщины и женственности, пропагандируемый воспитательными трактатами, все более и более обретает реальную почву, а в Новое время получает и «научное» обоснование в теориях о якобы «естественной» – биологической предрасположенности женщины к рукоделию и заботам по дому. В системе буржуазного воспитания девушек уже в XIX в. рукоделие рассматривается как в высшей степени дисциплинирующая поведение форма деятельности: постоянное занятие им воспитывает скромность, прививает буржуазные нормы – усердие, деловитость.

Итак, средневековое общество сознавало себя как социум, в котором господствует деятельный мужчина: воин, клирик, правитель, сеятель, купец. Это представление находилось в полном соответствии с принципами общественно-политического устройства этого общества,

Кургуазная сцена.
Миниатюра из Большой Гейдель-
бергской рукописи. XIV в.

антифеминистским, чем Новое время или даже XIX век. Современные исследования повседневной жизни Средневековья, смещая привычный ракурс наблюдения, позволяют лучше понять подлинные ее реалии.

Официальное неприятие активной деятельности женщины в любой сфере – в политике, административном управлении, профессиональной и общественной системах, не означало однако, и мы это стремились показать, что она действительно была к этим делам непричастна. Но одно дело официально допустимый уровень участия, другое – фактические формы причастности. Положение регентши, соправительницы, опекунши, как свидетельствуют многочисленные факты, открывало женщинам высших социальных слоев доступ к решению ответственных политических вопросов, касающихся страны, сеньории, города. Разве не в «общественную жизнь» включались женщины-негорожанки, выступая свидетельницами, ответчицами или в качестве истца, наряду со своими мужьями, в суде, или занимаясь врачеванием, участвуя в школьном обучении (*aïtresses d'école* – школьные учительницы в Реймсе XIII в.). Это имело место и тогда, когда они, подобно шелкоткачихам Кельна, создавали свой цех и возглавляли его или, наследуя мужу или отцу, как полноправные бюргерши и мастерицы цеха, выставляли вместо себя (так как воинские обязанности распространялись только на мужчин) замену в городское войско или милицию. Исключенные из сферы муниципального управле-

организацией хозяйственной жизни и социальных отношений в условиях сеньориально-феодальной системы и закреплялось идеологическими моделями структуры общества, разрабатываемыми интеллектуалами церкви. Женщине в этих построениях практически не было места. Если она и присутствовала, то лишь как мать или девственница, страдающая и сострадающая – функции и качества, единственные, с точки зрения церкви, заслуживающие внимания, уважения и почитания.

Этот миф Средневековья относительно самого себя с легкостью был воспринят (как и другие) последующими поколениями. Вместе с тем, создается впечатление, что в действительности по существу средневековое общество было не более, если не менее, ан-

ния, горожанки были непосредственно, лично причастны к одной из первых и важных городских функций – экономической. Описи налогового обложения говорят о женщинах-владелицах большого личного имущества, главах домохозяйств, управляющих строительными предприятиями, промыслами (например, по добыче и обжигу гипса), руководящих после смерти мужа морской торговлей и т. п.

Нельзя не согласиться с мнением таких исследователей, как Э. Эннен, Ю.Л. Бессмертный, Ж. Дюби и др., указывающих на недопустимость недооценки общественно-политического значения «функций» дочерей, наследующих знатность, их роли в оформлении структур господства. Наконец, чем иным как не специфической формой «общественно-политической» деятельности было массовое участие женщин всех социальных групп в движении за «апостольский образ жизни» – за реформу церкви, за то, чтобы иметь возможность вести жизнь, «славящую Бога», в монастыре или в братстве, за право проповеди мирянам?

О безразличии женщин к делам городского управления и их активности при решении вопросов жизни города косвенно свидетельствуют анекдоты, «примеры» проповедников, неизменно пользовавшиеся успехом у слушателей, в которых порицались болтливые мужья, делившиеся со своими женами тайнами заседаний городских советов, и высмеивалась глупость женщин, когда они пытались повлиять на принимаемые там решения. За гротеском и злым юмором тем не менее легко улавливается «безразличие» общества, как мужчин, так и женщин, каждого по-своему, к официальной политической дискриминации женщины.

В этом контексте заслуживают внимания гипотезы некоторых исследователей, полагающих, что усиление в XV-XVI вв. преследований женщин как «орудия сатаны», отражало в известной мере и настроения «мужского общества», ощутившего реальную угрозу основам патриархального господства. Но, с другой стороны, распространение представлений о всевластии ведьм и ведовства – не было ли оно также одной из форм проявления самосознания и стремлений к самоутверждению также и самих женщин? Ведь судить о «свободе» или «несвободе» в средневековом обществе можно лишь уяснив смысл, какой вкладывали в эти понятия сами современники. В Средние века, как и во все времена, женщины, как и мужчины, стремились к свободе, но обрести ее вне брака они могли лишь в рамках другой общности, в лучшем случае – религиозной.

По мере приближения к рубежу Нового времени присущая Средневековью диспозиция мужской и женской общественных структур все

больше и больше деформируется. Усложнение хозяйственной жизни, «замыкание» цехов, пауперизация городского и сельского населения, изменение политических форм – все это приводило к нарушению ролевых функций, обеспечивавших взаимодействие мужской и женской структур в семейной, общественной, хозяйственной сферах. Подтачивался и разрушался главный принцип их партнерства – взаимодополнительность. Одновременно все явственнее проступали формы, идущие на смену. В новых условиях, как говорилось выше, обретал реальную почву давно вынашиваемый в городской, бюргерской среде идеал женщины-домохозяйки, набожной, деловитой, владеющей грамотой лишь настолько, чтобы читать молитвенник, далекой от какой-либо профессиональной специализации, как противоречащей ее «естеству».

На другом полюсе – в среде рядовых ремесленников, крестьян – ослабление средневековой семьи, как главной формы организации производства и трудового процесса, расшатывая авторитарное положение главы семьи по отношению к членам домохозяйства, открывало простор для их отделения, а также и равную возможность перед мужчинами и женщинами работы по найму. Однако, констатируя это, нельзя не повторить, вслед за Жаком Ле Гоффом, что, несмотря на стремительное умножение исследований, особенно в последнее время, очень трудно все же оценить реальное положение мужчин и женщин в средневековом обществе.

Имеется существенная трудность в изучении и интерпретации источников, из которых можно извлечь сведения о положении женщины в средневековом городе и особенностях ее социального поведения. Нужно постоянно учитывать, что документы эти, как правило, составлялись мужчинами и поэтому они отражают прежде всего их точку зрения. Сложно также определять социальный статус женщин, проследить их жизненные пути, поскольку не существовало единой системы их именованья. Женщины (в особенности это касалось низших слоев) выступали в документах то под личными именами, то под прозвищами, то назывались по своим профессиональным занятиям. Замужние женщины пользовались как именем мужа, так и своим девичьим именем. Законные дочери в большинстве случаев брали фамильное имя отца, но иногда обращались и к девичьему имени матери, а незаконные дочери пользовались им по преимуществу.

Женщины получали статус законной личности, как правило, только через мужчин-опекунов. Опекуним одинокой женщины становился обычно ее отец или за его отсутствием брат или дядя. В замужестве опекунские обязанности переходили на супруга, причем юрисдикция

мужа распространялась даже на отношения жены с ее собственным родственным кланом. Нормальным брачным возрастом для девушек считалось обычно 15 лет. Но женщин из высших слоев старались выдать замуж раньше, чем из низших, что было связано со стремлением скорейшего урегулирования права наследования и заключения выгодных партий.

Невеста получала приданое, которое в браке оставалось в ее личной собственности и часто, когда она лишалась материальной поддержки мужа, было основным источником ее существования. Приданое выражалось в различной форме – деньгах, ренте, земле, домашней обстановке. Иногда приданое имело форму платежного обязательства, реализуемого после смерти одного из родителей. Среди аристократических семей было распространено обещание невесте в качестве приданого недвижимости с сохранением за родителями права пользования ею до конца своей жизни. При поздней женитьбе муж делал денежный подарок своей избраннице. В Генте существовал институт помолвки, и если мужчина женился на женщине, разорвавшей ради этого прежнее обручение, то он обязывался оплатить ущерб, нанесенный обманутому жениху.

Многие исследователи, изучавшие средневековую семью, высказывали суждение, что при заключении брака в то время руководствовались исключительно экономическими соображениями и считали, что супружество в досовременном мире вообще мало что имело с сексуальным влечением, а романтическое чувство играло второстепенную роль при оформлении супружеских отношений собственности и поддержании их. Документы показывают, что это справедливо лишь отчасти, да и то в отношении городского нобилитета. В массе же мы сталкиваемся с многочисленными примерами супружеского расположения, которое проявлялось в самых неожиданных ситуациях. Так, когда некий Якоб Ван дер Стеен избил свою мачеху, она простила его, по ее словам, только «из любви к своему мужу».

Исследования Дж. Николса, сделанные на материалах Гента, показали, что браки здесь отличались стабильностью, и на примерно 1200 семей приходилось в год от двух до шести «бракоразводных процессов». Речь в таких случаях шла не о расторжении церковного брака, а о разъезде супругов. Нужно, однако, учитывать, что реально «разъездов» было больше, поскольку некоторые пары жили врозь, не трясась на формальное разделение, внушительная стоимость которого в общем делала его прерогативой имущих слоев.

Раздел имущества производился городским судом, а разрешение на раздельное проживание предоставлял епископский суд. При разъез-

де городской глава наказывал супругам составить опись имущества – каждого отдельно и собственности, находящейся в совместном владении, и жить каждому на свои доходы до окончательного решения епископского суда. Женщины должны были оплачивать свои расходы на разъезд сами [7: 296-298].

При разделе имущества приданое жены обычно ей возвращалось, и каждая сторона получала половину общей собственности. При наличии ребенка ему выделялась треть общей собственности, и соответственно по одной трети получал каждый из супругов. Однако факт разделения имущества в отличие от развода автоматически не отменял прав одной стороны на собственность другой. Поэтому связанные с разъездом конфликты были мучительны, часто в них вовлекались родители супругов или другие родственники, а иногда дело доходило до драк не только между супругами, но и их родителями. Интересно, что жены принимали самое активное участие в тяжбах о разделах, они подчас лучше своих мужей разбирались в финансовой стороне вопроса, а в одном случае жена самостоятельно вела все дела по разделу имущества в течение длительного судебного разбирательства.

Разъезжались супружеские пары и с солидным брачным стажем, прожившие вместе 10-20 лет, и молодые, не сошедшиеся характером, не желавшие видеть друг друга почти сразу после женитьбы. Основания для разъезда были самые различные – и простая несовместимость, и бездетность, и адюльтер, и импотенция, и пьянство, мотовство мужа, физическое насилие в отношении жены, ссоры с родителями и т. д. Нравы в этой сфере хорошо иллюстрирует пример супругов Ливина Ван Оверракера и Кателины Платийнс, которые разъехались, снова сошлись через семь лет, в течение которых Ливии жил с двумя другими женщинами, заимел от них несколько детей, заботился о них впоследствии и не забыл в своем завещании.

Обилие подобных примеров показывает, что в городе, где сожителство и внебрачные дети были обычным делом, сексуальные нравы и сексуальные отношения отличались относительной свободой. Священник, завещающий состояние своей сожительнице и детям, – явление в Генте обычное. Тайное бегство влюбленных, умыкание, соращение, видимо, вообще считались заурядным делом. В 1191 и в 1297 гг. были изданы специальные законодательные рекомендации для судебных разбирательств по таким делам. Так, если женщина или ее родственники обвиняли мужчину в насильственном похищении, то жертва до суда изолировалась. В суде женщина помещалась на равном расстоянии от

обольстителя, с одной стороны, и своих родственников – с другой. Если по знаку судьбы она шла к своему обольстителю, то тем самым она признавала его своим мужем, и дело прекращалось, но если она выбирала своих родственников, то он подвергался наказанию.

Но интересно, что при разработанности законов, карающих за похищение и совращение девушек, в течение XIV в. не зафиксировано ни одного случая наказания за это мужчин, хотя случаев такого рода было предостаточно. Видимо, девушки хорошо знали своих обольстителей, имели возможность встречаться с ними прежде и позволяли уводить себя добровольно. Так, дочь дубильщика Беткин была в подростковом возрасте, когда провела ночь с неким Яном. Сразу после того как об этом стало известно родителям, отец Яна был готов заплатить за «позорное нападение и злодеяние» отцу и всему роду Беткин. Но поскольку все происходило с согласия девочки, инцидент закончился свадьбой, Беткин получила в пользование приданое своей матери и в придачу «из милости» некоторое дополнительное имущество – кой-какую мебель и (без права отчуждения) участок земли и ренты. Еще в одном случае Лизбет бежала из родительского дома со своим дружкой, двигимая «сильным чувством, которое возникло между ними». Ее родители, узнав об этом, проявили завидное понимание, взяли ее опять в дом и даже не потребовали от юноши и его рода компенсации.

Удивительны примеры, характеризующие нормы сексуального поведения в среде городской аристократии. Один отпрыск знатной фамилии убедил некую Кателину в том, что он холостяк, и за обещание жениться она перешла к нему жить. Он же присвоил себе ее имущество, которое она наследовала от своих родителей, после чего она вдруг открыла, что он женат.

Имевшее место на практике довольно свободное общение мужчин и женщин противоречило устоявшимся представлениям, по которым женщине не полагалось находиться наедине с мужчиной. Показательна бурная возмущенная реакция свидетелей прогулки мужчины с чужой женой. Но социальные нормы устанавливались мужчинами, а у них было разное представление о необходимом уровне нравственности своих жен и дочерей и других женщин. Отсюда – распространенные случаи сожительства мужчин с экономически зависимыми от них женщинами – крестьянскими девушками, находившимися в услужении на фермах, и горничными.

Есть некоторые данные и о проституции в Генте. Здесь была улица проститутток, которая, очевидно, оправдывала свое название. Видимо, чтобы несколько сдерживать девиц, завлекающих прохожих, в 1350 г. было

выпущено муниципальное распоряжение, запрещающее им «сидеть на перегородах городской стены». Некоторое представление о царящих в этой сфере нравах и отношении к ним добропорядочных граждан дает случай, происшедший с Питером Коеном. На улице перед своим домом он обнаружил лежащих девицу и мужчину «со спущенными штанами». Питер вернулся домой, взял нож и уж собирался заколоть бесстыдника, но тут «юная леди» остановила его и сказала, что это – знатный гентский гражданин Бернард Ван Белле.

В большом городе со свободными нравами и высоким процентом преступности вокруг женщин создавалась атмосфера криминальной опасности. Многие даже носили с собой оружие, чтобы иметь возможность защитить себя на улице. Однако женщины относительно редко становились жертвами тяжких насильственных преступлений. Так, в тридцатилетний период 1350-1380 гг. было убито 26 женщин и 699 мужчин. Но картина меняется, когда речь заходит о мелких насильственных действиях и о сквернословии: женщины составляли до 50% от общего числа участников такого рода деяний – и как жертвы и как их инициаторы.

Документы средневековых городов, в том числе и Гента, рисуют увлекательную и во многом неожиданную картину активной хозяйственной и предпринимательской деятельности женщин. Закон Гента существенно ограничивал права женщин в самостоятельном ведении дел. Уже упоминавшееся обязательное опекунство над собственностью женщины, которое осуществлялось мужчиной – либо родственником, либо мужем, снималось только в случае освобождения от опеки незамужней женщины своим кланом или отречения мужа от своего права. В городских земельных кадастрах зафиксировано всего несколько женщин, плативших ренту в качестве глав домохозяйств. По закону муж контролировал собственность жены, а в повторном браке также и часть ее имущества, полученную ею по наследству после смерти первого мужа. Самостоятельная предпринимательская деятельность женщин существенно ограничивалась уже самим фактом наличия опекуна и часто причиной отказа от сотрудничества с ней оказывалась боязнь невозможности заключения с нею контракта без разрешения опекуна. Система опекунства влияла и на представления горожан о самостоятельно нажитых женщинами состояниях – считалось, что женщина могла обогатиться только благодаря мужу или родственникам.

И все же при том, что мужчины формально оставались основными собственниками недвижимости, женщины контролировали большую ее часть – это касалось и земли, и ренты, и городских строений. Мужья

не имели полной свободы действий и в отношении собственности жен, составлявшей их приданое, которым мужья могли распоряжаться только с разрешения ее родственников как с отцовской, так и с материнской стороны. Недовольство мужей этим положением иногда выливалось в рукоприкладство. Определенная юридическая защищенность собственности женщин находила также выражение в узаконенной практике предоставления равных наследственных долей сыновьям и дочерям.

В документах фиксируются случаи продажи женами собственного имущества для покрытия долгов мужа. Жена своим отказом могла освободить себя от уплаты мужниных долгов, однако на это требовалось согласие мужа. Вместе с тем при банкротстве мужа допускалась передача им как несостоятельным должником своего имущества в управление тестю или даже жене.

В деловой документации Гента, Флоренции, Парижа часты упоминания женщин как глав деловых предприятий (при согласии на ведение дел женщиной со стороны мужа или родственника-мужчины). Учет таких упоминаний может дать представление о цифровом выражении хозяйственной предприимчивости женщины. В разные годы XIV в. насчитывается 20-28% подобных случаев от общего числа дел, причем этот процент резко возрастает в годы войны. В чрезвычайных обстоятельствах клан родственников или городской глава могли уполномочить женщину вести дела за отсутствующего мужа.

Участие женщин в жизни делового мира, равно как и существование женщин, особенно одиноких или находящихся в разводе, на ренту от своего состояния или на доходы от профессиональной деятельности, на практике рассматривалось как обычное явление. В документах упоминаются супруги, которые «могли долго жить врозь, занимаясь каждый своим делом и оплачивая собственные расходы», или же «самостоятельная женщина, свободная предпринимательница – хозяйка гостиницы», или девочка, которой предполагалось оказывать материальную помощь, «до тех пор пока она сама не сможет зарабатывать себе на хлеб».

Многие женщины – менялы, ростовщики, торговки, хозяйки гостиниц – активно помогали своим мужьям. Жены пекарей и пивоваров играли решающую роль в успехе дела мужа, иногда они действовали и самостоятельно, хотя не обладали правами членов гильдии. Насколько деловое партнерство могло определять всю семейную жизнь супругов, демонстрирует один необычный брачный договор, заключенный в 1390 г. В нем будущие муж и жена – Одине и Нийс – обязывались жить со священником Яном Ван ден Хеке, который должен был стать их дело-

вым партнером в изготовлении свечей. Супруги и священник вносили в дело равный капитал и делили поровну доходы и расходы. Священник брал также на себя обязательство научить Нийс торговать. Предполагалось, очевидно, что жена должна войти в дело полноправным и компетентным партнером.

Наряду с теми, кто вел дела в качестве помощниц и деловых партнеров своих мужей, были и самостоятельно действующие женщины. Из документов следует, что в Генте существовал особый статус «женщины-торговки», который предоставлял право получившей его женщине вести свои дела независимо от своего опекуна. Женщины могли быть членами определенных гильдий – парикмахеров, зеленщиков, красильщиков. В деловом мире встречались весьма независимые и удачливые женщины. Особенно впечатляющ пример менялы Целие Реббе, которая сначала была партнером двух городских менял, а затем вела дела самостоятельно, причем с таким размахом, что к концу жизни сколотила одно из самых больших состояний Гента.

Занимая важное место в экономической жизни города, женщины, однако, не имели политических прав. Нет упоминаний об исполнении женщинами должностных обязанностей в гильдиях или в городском совете, хотя наиболее богатые и влиятельные женщины, как та же Целие Реббе, участвовали в сборе налогов. А в одном случае женщина – жена предводителя восставших гентцев Якоба ван Артевельде – представляла город на дипломатических переговорах.

Характерная фигура для европейского высокого Средневековья женщина-врачевательница. Терапевтическая помощь женщины-врача воспринималась как вполне обычное дело. Об этом читаем мы, например, в письме (середина XII в.) высокообразованного монаха Рудольфа, аббата монастыря в Хирзау – одного из крупнейших в Тюрингии, основанного ландграфом Людвигом для своей фамилии, – адресованном приору, настоятелю другого монастыря в Тюрингии. Вы, наверное, слышали, – пишет Рудольф, – о болезни нашего брата Зиндольда. Ему рекомендовали мы отеческую заботу, и я надеюсь, что благодаря милосердию Господа дела его пойдут на лад. Однако аббат просил в связи с этим прислать перечисленные им целебные травы, а также посетить «ту женщину в Зангерхаузене, о которой рассказывал Вам вышеназванный брат, и чтобы она Вам все точно рассказала, что, в каком количестве и каким образом должен он принимать и на что он должен обратить внимание. И Вы должны все записать на рецепте и направить нам вместе с питьем, изготовленным ею и ею же приготовленной мазью». Аббат Рудольф рекомендует эту

женщину своему другу как «ученого» врача, хорошего диагноста, определяющего заболевание по внешним его проявлениям, и как фармацевта, приготовляющего по собственной рецептуре лекарства как для внутреннего, так и для наружного применения.

Врачебная практика женщин в средневековой литературе представлена широко и разносторонне – от акушерства, терапевтической помощи до фармакологии: приготовление домашних лекарственных средств, выращивание лекарственных растений, лечение травами, составление специальных сборников, травников. Эта сторона ее деятельности, также как и собственно медицинская, особенно родовспомогательная практика, были тесно связаны с магией (приворотные зелья, предсказание судьбы новорожденному и др.).

Женщина, оказывающая медицинскую помощь страждущему, – мотив многих средневековых миниатюр. Масса медицинских трактатов этой эпохи имеет своими авторами женщин. Правда, число их резко сокращается с XIV в., когда женщинам был закрыт доступ к высшему университетскому образованию, в частности медицинскому. Если в 1292 г. в списках парижского налогового обложения значилось восемь «миррессес» – женщин, занимающихся врачеванием (в частности хирургией, вправлением суставов, залечиванием), то в 1313 г. – всего переломов лишь одна. Источники донесли до нас показательный в этом отношении эпизод, относящийся к 1332 г., когда медицинский факультет Парижского университета возбудил дело против некоей Якобы Феличе, лечившей больных «учеными» методами: наблюдение за пульсом, исследование цвета и состава мочи (это типичные, стереотипные действия врача, сохраненные нам средневековой миниатюрой). Это считалось монопольным правом лиц мужского пола, окончивших курс в университете. Процесс был проигран Якобой, несмотря на убедительную защиту и восторженные показания семи излеченных ею пациентов.

Но закрытие доступа к образованию вместе с тем не воспрепятствовало в последующие столетия знанию женщинами, занимавшимися врачеванием, специальной литературы. Еще и в XVI в., например, в области Рейн-Пфальц известны многочисленные женщины, не только занимавшиеся врачеванием, но и делавшие переводы специальных трактатов, написанных врачами-мужчинами, с латыни на народный язык, составлявших сборники медицинских руководств, иногда иллюстрированных, в частности по женским болезням, гигиене, косметологии, уходу за новорожденными и т.п. Широкой известностью пользовался в высокое Средневековье и неоднократно переписывавшийся и переиздававшийся сбор-

ник типа «Тротула», приписываемый магистру Тротуле, известной женщине-врачу Салернской школы. В области, связанной с женскими болезнями, родами, воспитанием новорожденных женщины-врачи оставались серьезными конкурентами дипломированным врачам мужчинам, получившим образование в университете. Правда, кормилицы, женщины-сиделки работали по специальным указаниям врача и под его присмотром. Акушерки не всегда присутствовали при родах, но лишь в особых сложных случаях. Опытные ценились особенно высоко. Деятельность повитух, акушерок находилась под контролем властей. Они сдавали специальный экзамен и лишь после этого могли заниматься практикой. В медицинских трактатах часто фигурируют и «бадемодер» – женщины, специальностью которых было обмывание новорожденных младенцев.

Медицинские трактаты уделяют много внимания человеческой физиологии, в том числе особенностям женского организма, начиная с его формирования в утробе матери. Они отражают распространенные в то время научные представления о человеческом организме и дополняют образ женщины, присущий средневековому сознанию. Процесс формирования женского организма, считали средневековые медики, требует иных условий, чем мужского, начиная уже с утробы матери. Чтобы зародыш женского пола мог вызреть, требовался более продолжительный срок и особый температурный режим. С XII в. утвердилось представление о «семикамерной» структуре матки. Те три камеры что были расположены справа, «ближе к печени», кроветворному органу, имели более высокую температуру, это способствовало вызреванию зародышей мужского пола, другие три «камеры» в левой стороне, «ближе к селезенке», обладали более низкой температурой и именно в них происходило формирование плода женского пола. Если плод оказывался в центральной камере – рождался гермафродит.

Медицинская средневековая литература свидетельствует о внимании и заботливости к женщине, вынашивающей ребенка. Существовала детально разработанная система питания, диета. Она должна была устранить «плохие соки», препятствовать «болезненной материи», способствовать поддержанию благоприятного водно-температурного режима. Строго регулировалось потребление пива и меда, предписывалось очищение кишечника. Рекомендовались упражнения, теплые ванны. Руководства предостерегали от опасности «излишней» эмоциональности (гнева, испуга, «порывов»). Практиковались профилактические кровопускания (из поверхностных вен на ногах), паровые ванны и травяные настои, но в меру и под наблюдением «знающего лица». Рекомен-

довали остерегаться танцев, быстрых и резких движений, верховой езды и далеких путешествий в карете.

Нормальными считались роды через девять или семь месяцев; восьмимесячные считались «нежизнеспособными» как находящиеся под «вредным влиянием» знака Сатурна, обреченными на смерть. Средневековые медицинские трактаты предлагают целый спектр мероприятий для обеспечения благоприятного исхода родов: от магических слов и действий до амулетов. Дипломированная медицина в качестве средства, облегчающего роды, рекомендовала, в частности, положить под ноги роженицы перо коршуна или травник. Роды принимала повитуха, которой помогали другие женщины, в том числе и «бадемодер». Повитуха оставалась рядом с роженицей в течение недели, следя за состоянием матери и младенца.

Вся педиатрическая литература пронизана мыслью о тесной связи между матерью и младенцем. Речь об отце заходит лишь тогда, когда время подходит к школьному возрасту. Один из важнейших вопросов – выбор кормилицы. Считалось, что материнское молоко – это целебное средство и вырабатывается из крови. Отсюда – строгие требования к образу жизни кормилицы, ее физическому состоянию, добродетельности ее поведения. Это представление в свою очередь, было связано с более общим представлением о женском организме как носителе лекарственных свойств. Материнское молоко использовалось для приготовления лекарственных препаратов, как терапевтическое средство для лечения ран и гнойников, восстановления ткани. При этом важно было, чтобы это было молоко от одной женщины и особенно родившей сына. Носительницей целебной силы, как полагали, является «добродетельная», «чистая» женщина: она способна облегчить недуг одним своим прикосновением. Медицинские трактаты рассматривают целомудрие как специфическое терапевтическое средство. Воздержание – то, что средневековый хирург предписывал больному. Те большие ожидания, которые возлагались врачами и пациентами на целебную силу девственности, отразились и в названиях лекарственных средств, например «молоко девственницы». Но женщина могла быть носительницей и «вредных веществ». Именно это представление лежит в основе распространенных легенд о девице-отравительнице.

При рассмотрении вопроса о включенности женщины в городскую жизнь особое место должны занимать материалы об улице и уличном общении. Здесь женщина, не связанная так авторитетами и нормами, как например, в семье или в сфере хозяйственной деятельности, выра-

жает себя наиболее свободно. По сути, она выступает здесь один на один с обществом и перед обществом. Скандалы, где женщины были активной стороной, возникали часто, а характер их разбирательств в суде и реакция свидетелей показывает, что они были неотъемлемой частью городской жизни.

Статуты перечисляют «незаконные слова», за употребление которых налагался штраф – лгун, дурак и т.п. (меньший штраф) или мошенник, вор, разбойник, предатель (большой). Однако в конкретных делах обвинений лишь в такого рода ругательствах практически не встречается. И женщины, и мужчины пользуются гораздо более сильными выражениями. Среди наиболее употребимых – путана или шлюха, раб, бастард. Распространенным намеком в ругательствах, болезненным для оскорбленного, является намек на кровосмесительные связи, прелюбодеяние, фригидность.

В городских куриях довольно часто рассматриваются дела о кражах, совершенных женщинами, в том числе и кражах со взломом. Возможности женщины в сфере правонарушений показывает дело, в котором женщина обвиняется в том, что она «со своими сообщниками тайно и преступно завладела чужой баркой».

В целом городская среда отличалась большой свободой нравов в отношениях между мужчинами и женщинами.

Средневековые церковные и светские власти поощряли особую заботу о вдовах. Печаль церкви о вдовах обуславливалась представлением о воздержании как высшей ценности, открывающей путь к служению Богу. В то же время материал далматинских городов предоставляет достаточно подтверждений для вывода, сделанного на основании западноевропейских источников, что попечительство, установленное над вдовами, в своей основе имело вполне меркантильное стремление церкви к наследованию ее имущества. В завещаниях, составленных вдовами, большая часть имущества действительно переходила церквям и монастырям. Представители клира иногда довольно бесцеремонно вымогали собственность вдов. Характерно, что и городское законодательство было направлено на сохранение в целостности мужниного наследства бездетной вдовой и на всемерное ограничение ее прав на это наследство в случае повторного брака. Представлению о слабости и беззащитности вдовы должен был соответствовать и ее облик и стиль жизни. Создавался образ «убогой» вдовы, который во многом был лишь умозрительным клише. Действительность, как это видно из документов, предоставляла вдовам разнообразные возможности самого активного самостоятельного участия в хозяйственной жизни городов. В случае нужды вдовы могли и постоять за себя. Вдова Маргарита из Кото-

ра выиграла несколько судебных процессов, отводя претензии родственников мужа, стремившихся получить его имущество.

Но в какой бы роли, в каком бы качестве ни выступала женщина в социальной, экономической, семейной сферах в оценке ее деятельности всегда учитывалась ее принадлежность к «другому» полу, при том что эта оценка была дифференцированной. Вот конкретный пример. От Драгочины из Трогира требуют оплатить задолженность ее матери. Ее «управитель и адвокат» свидетельствует в ее пользу: «Она женщина и потому понятия не имеет о долгах матери». Лукавство адвоката очевидно. Но показательно, что сочувствия суда и понимания общественного мнения он пытается добиться, ссылаясь на установку о беспомощности и неполноценности женщины. Пример иного рода. Некий Анблассий выступает в суде против Грубы, объявившей себя «госпожой и хозяйкой своего имущества». Стремясь усилить доверие к своему честному слову и умалить показания Грубы, он заявляет: «Хорошо известно по всей Адриатике и Далмации, какой я мужчина и какая она женщина». Признание достоинства «противника» здесь очевидно.

К XV в. женщина начинает рассматриваться как самоценное существо, обладающее достоинствами и добродетелями, сопоставимыми с мужскими, а в чем-то и превосходящими их.

Влияние женщин на государственные дела ощущалось на всем протяжении средневековой истории и, прежде всего, королей.

Королева разделяла с мужем сам статус королевской персоны, этим обуславливались ее права, привилегии и обязанности. К ней относились с почтением и как к жене короля, и как к матери наследника престола. В трактате монаха-доминиканца Сессолиса «Утешение игрой в шахматы» (1325 г.) описываются обязанности и права сословий; Сессолис прибегает к аллегории: главные действующие лица его произведения – шахматные фигуры. Единственной женщине, королеве, он придает огромное значение, поскольку ее действия связаны с монаршими обязанностями и привилегиями. Королева имеет право проходить впереди ладей и слонов (соответственно королевских судей и чиновников). Как и шахматная фигура, мудрая королева не вступает в мелкие сражения и остается в безопасности внутри крепости, что служит лучшим утешением королю. Королева должна быть добродетельной, осмотрительной и благоразумной, уметь хранить тайны, заботиться об образовании детей.

Влияние королевы зависело от ряда факторов. Во-первых, большое значение имел капитал – политический или денежный, который служил приданым в браке. Английский король Генрих I (1100—1135 гг.), же-

нившись на шотландской принцессе Эдит (норманны звали ее Матильда), дочери короля Малькольма III, укрепил таким образом свои права на престол и установил миролюбивые отношения с северными соседями. Элеонора Аквитанская (1122—1204 гг.) принесла в приданое сначала французскому королю, а затем, в повторном браке, английскому монарху герцогство Аквитанию. В результате брака Изабеллы, королевы Кастилии, и Фердинанда, короля Арагона (1469 г.), была создана династическая уния Кастилии и Арагона и условия для образования единого государства – Испании. Значимость приданого этих королев в немалой степени обуславливает тот факт, что все они обладали заметным политическим весом. Но часто даже политическое приданое не могло спасти совсем юную девушку, приехавшую в чужую страну, от полной зависимости от мужа и его окружения.

Во-вторых, влияние королев определялось их личными способностями и амбициями, а также силой или слабостью короля. Властолюбивой, амбициозной королеве приходилось искать для себя опору, заключая тайные союзы с различными группировками знати, а часто и с церковью, рассчитывая на поддержку в борьбе за власть в дальнейшем, в период ее регентства или единоличного правления. Обвинения королев в адюльтере с высшими сановниками – это нередко отголосок поиска опоры в борьбе за власть.

В-третьих, многое определялось ситуацией с наследованием. Возможность стать у руля государства предоставлялась королеве тогда, когда она, овдовев, назначалась регентом при несовершеннолетнем сыне. Это происходило не всегда – при сильных позициях придворной знати, при расстановке политических сил не в пользу королевы, при слабой королеве регентом назначали кого-либо из родственников-мужчин. Но если назначение было свершившимся фактом, то женщина-регент становилась фактически полноправным повелителем страны.

Случаи регентства королевы были нередки. В раннее средневековье среди наиболее известных правительниц такого рода отметим Брунгильду (534 – 613 гг.), жену франкского короля Сигеберта; Амуласунту (468 – 536 гг.), дочь Теодориха Великого, управлявшую Остготским королевством десять лет от имени своего несовершеннолетнего сына и проводившую самостоятельную, противоречившую интересам остготской знати провизантийскую политику; германскую императрицу Адельгейду (931 – 999 гг.), жену Оттона I, которая оставалась регентом не только при сыне, Оттоне II, но даже, совместно с невесткой, при внуке, Оттоне III. Властным регентом при будущем короле Генрихе IV была

королева Агнесса (1024 – 1077 гг.); в течение регентства она влияла не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику своего государства. Позже, в период развитого средневековья, ярким примером женщины-правителя может служить Бланка Кастильская (1188 – 1252 гг.), жена Людовика VIII. Она была регентшей при Людовике IX, причем дважды (1226 – 1234 гг.; 1248 – 1252 гг.) – в период несовершеннолетия своего сына, а также во время его участия в крестовом походе. Ее влияние на сына-короля было весьма велико и тогда, когда тот находился на троне самостоятельно. Бланка фактически единолично управляла государством и сделала немало для усиления Франции. Это был не единственный случай, когда королева-мать удержала власть и по истечении официального времени регентства, оставаясь ближайшей советницей сына. Но чаще королева отстранялась от кормила власти сразу же после совершеннолетия наследника, который попадал под влияние группировок знати, находившихся в оппозиции к его матери. Положение ее было непрочным; всесильная королева-мать могла потерять все в результате какого-либо неожиданного поворота судьбы, например смерти наследника. Так, Эмма (XI в.), вдова английского короля Кнута, находилась у власти, пока монархом был ее сын Гартакнут, но когда к власти пришел Эдуард Исповедник, была сослана в монастырь.

Если возможность стать регентом при наследнике для королевы была реальной, то завладеть престолом единолично ей удавалось значительно реже. И это при том, заметим, что формально закон, запрещавший женщине наследовать престол, существовал только во Франции, да и то был принят лишь в 1317 году в результате политической борьбы после смерти короля Людовика X, единственной наследницей которого являлась его дочь. Ее регентом был назначен зять покойного короля Филипп, и, желая стать королем, он явился инициатором принятия этого закона.

Среди королев, правивших единолично, наибольшую известность получила, пожалуй, Джованна Неаполитанская (1326 – 1382 гг.). Итальянские авторы XIV-XV веков (например, Боккаччо), желая привести пример успешного правления женщины, вспоминали именно о ней. Виконтесса Нарбонны Эрменгарда (XII век, Италия) успешно управляла своим государством в течение пятидесяти лет, особо прославившись заключением мира с Генуей и Пизой.

Некоторые монархини приобретали реальную власть во время правления своих супругов, оказывая на них серьезное политическое влияние. В раннесредневековой истории это франкские королевы Брунгильда и Фредегонда (ум. 597). Последняя проложила себе путь на трон хит-

рыми интригами и диктовала свою волю мужу, королю Хильпериду. Влиянием женщин отмечены многие страницы британской истории. Реальным политическим весом обладали некоторые королевы Эссекса IX-XI веков, в том числе Этельсвит (X в.), Эмма (нач. XI в.) в правление первого мужа, Этельреда II, и особенно во время правления второго мужа, Кнута Датского, Эдит (XI в.) в правление Эдуарда Исповедника. В британской политической истории оставила заметный след супруга шотландского короля Малькольма Маргарет (1045-1093 гг.), эффективно помогавшая мужу в управлении государством и последовательно лоббировавшая интересы церкви (впоследствии Маргарет была канонизирована и считалась патронессой Шотландии). Ее дочь, королева Англии Эдит (1080 – 1118 гг.), жена Генриха I, также активно вмешивалась в дела государства.

Даже на военном поприще средневековые монархини добились известности. Этельсвит (вторая пол. IX в.), королева Эссекса, возглавив коалицию правителей северной Британии (Эссекса и Мерсии) против датского владычества, командовала союзными армиями, хотя и не всегда успешно. Гораздо большую известность как удачливый военачальник, оказавший немалое влияние на весь ход английской истории, получила Этельфлед (ум. 918 г.), правительница англосаксонского королевства Мерсия, дочь короля Альфреда Великого. Этельфлед и ее муж Этельред поддерживали короля Эдуарда Старшего, брата Этельфлед, в его борьбе против датской династии – помощь была не только политическая, но и военная. Этельфлед управляла Мерсией фактически еще при жизни мужа, который тяжело болел; после же его смерти (911 г.) она стала одной из ключевых фигур в борьбе с датчанами за объединение королевств Англии под властью западносаксонского королевского дома. Укрепляя Мерсию на юге и помогая Эдуарду, Этельфлед построила несколько крепостей и городов, контролируя теперь уже значительную территорию. Под конец жизни она вступила в прямую вооруженную борьбу с датчанами, отбив у них города Дерби и Лестер, и военные кампании Эдуарда против датчан в немалой степени зависели от ее действий. Однако, преследуя интересы Мерсии, Этельфлед вела и независимую от Эдуарда политику. Укрепляя границы своего владения, она стала признанным лидером антинорманнской коалиции, «архитектором побед на севере». После смерти Этельфлед в 918 году король Эдуард Старший унаследовал ее политику так же, как и саму Мерсию.

Еще одна женщина, получившая известность благодаря участию в политической и военной борьбе, – это маркграфиня Тосканская Матиль-

да (1046 – 1115 гг). Она знаменита тем, что оказывала активную финансовую и военную поддержку папе Григорию VII, своему близкому другу, в борьбе против императора Генриха IV; сам замок Каносса, где произошло историческое свидание папы-победителя и короля-побежденного, принадлежал ей. Тосканская армия выступила на стороне церкви, которой Матильда завещала большое наследство.

Королевы вошли в средневековую историю и благодаря своему меценатству, что также свидетельствует об уровне их влияния. Одним из первых примеров является франкская королева Радегунда (ум. 587 г.), жена Хлотаря I. Радегунда научилась читать по-латыни в шестилетнем возрасте. Не удивительно, что, взойдя на престол, она стала покровительствовать литературе и искусствам. После убийства мужем своего брата Радегунда ушла в монастырь, который ранее сама основала. Уже будучи монахиней, она оказала значительное влияние на творчество автора «Истории франков» Григория Турского, поэта Фортуната, посвящавшего ей свои стихотворные произведения и, возможно, учившего ее поэзии. Меценатством прославились и две жены английского короля Генриха I. Первая, Эдит, о которой мы уже говорили, покровительствовала музыкантам, поэтам, писателям. Сама прекрасно для своего времени образованная, знакомая, помимо латыни, со многими сторонами античного наследия, она переписывалась с Ансельмом Кентерберийским, цитируя Цицерона и Квинтилиана, Иеронима и Августина, рассуждая об учениях Пифагора и Сократа. Под непосредственным руководством Эдит было написано житие ее матери, королевы Маргарет. Вторая жена Генриха I, Адель (ум. 1151 г.), также покровительствовала искусствам – именно для нее был написан знаменитый «Бестиарий». Возможно, наибольшую известность из всех женщин-меценаток получила Элеонора Аквитанская, чей куртуазный двор при английском троне славился на всю Европу.

Главным занятием большинства аристократок было все же не участие в политической жизни, а управление домом; в этом видели основное предназначение женщины. Королевы несли ответственность за руководство дворцовым хозяйством, другие же представительницы знатных родов – за управление хозяйством своих поместий. Особенно актуальной эта функция становилась в периоды участия мужей в военных походах. Дом был главным поприщем реализации властных функций средневековой женщины, о чем мы подробнее поговорим в главе VI. Пока же завершим тему «Женщина и власть» рассказом о трех женщинах, судьба которых неразрывно связана с политической историей средневековья.

Элеонора Аквитанская (1122 – 1204 гг.) осталась в истории и потому, что она была женой двух королей – сначала Людовика VII Французского, а затем Генриха II Английского, и потому, что она являлась матерью двух знаменитых монархов – Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного, и потому, что была необычайно яркой личностью.

Она родилась в большом и влиятельном герцогстве Аквитания, которое в ту эпоху не зависело от французской короны. Элеонора была умной, волевой, решительной, энергичной, хорошо образованной девушкой. И когда она в пятнадцать лет осталась сиротой, ее сразу же признали герцогиней Аквитании. Тем не менее члены герцогского совета, ее опекуны, решили выдать юную герцогиню замуж за наследника французского престола Людовика, который вскоре после свадьбы стал королем. Это был политический брак, брак Франции и Аквитании. Целых пятнадцать лет Элеонора была королевой Франции, активно вмешиваясь в государственные дела; она даже принимала участие в крестовом походе, претерпевая все его тяготы. Рамки средневековых канонов добродетельной королевы были для Элеоноры явно тесными. Для того чтобы изучить теологию, философию, гражданское право, она посещала парижские школы, причем делала это тайно! Ее двор был полон трубадуров и менестрелей. Недовольство королевских советников усугублялось тем, что у нее рождались лишь дочери. В результате при дворе стали говорить, что она слишком разговорчива, бесстыжа и не может произвести на свет достойного наследника. Дело дошло до развода, официальным поводом которого стало «дальнее родство». Известно, однако, что Элеонора сожалела не столько о короле и короне, сколько о дочерях, которых пришлось оставить у отца. В тридцатилетнем возрасте она возвращается в родную Аквитанию, где создает так называемый «двор любви», при котором культивировались кургуазные традиции. Здесь находили кров поэты, музыканты и художники. Элеонору окружало множество поклонников, одним из которых был восемнадцатилетний граф Анжуйский Генрих Плантагенет. Он безумно увлекается герцогиней, женится на ней и вскоре становится королем Англии Генрихом II. Заметим, что не последнюю роль в этом браке сыграло богатое приданое, – присоединение богатого, расположенного в стратегически важном месте герцогства Аквитании к английским владениям означало ослабление Франции, вечного соперника Англии. Элеонора родила Генриху восемь детей; будущие короли – Ричард и Иоанн – были ее любимцами.

Элеонора не могла не вмешиваться в государственные дела, но наибольшую известность она получила как покровительница искусств. При

дворе Элеоноры и Генриха находили пристанище музыканты и поэты. Трубадуры воспевали и гостеприимный кургуазный английский двор, и красоту прекрасной Элеоноры. Одним из наиболее известных поэтов, творивших при дворе Элеоноры, была Мария Французская.

Постепенно любовь Генриха остыла; Элеоноре было около пятидесяти, когда она узнала о молодой сопернице. Легенда рассказывает, что Элеонора ее отравила. Достоверно известно лишь, что после смерти соперницы король и королева жили в разных городах. Политическое влияние Элеоноры, однако, сохранялось долго; в результате ее интриг Ричард, Иоанн и Джеффри даже развязали боевые действия против отца.

Судьба распорядилась так, что Элеонора пережила и обоих мужей, и сына Ричарда Львиное Сердце и умерла в одном из монастырей Англии в возрасте 82 лет.

Ещё одной знаменитой женщиной Средневековья была Изабелла Испанская. Брак Изабеллы Испанской (1451 – 1504 гг.), королевы Кастилии, был заключен исходя из политической целесообразности. С детства она была обручена с Фердинандом, наследником арагонского трона, их брак был браком Кастилии и Арагона. И тем не менее во многих письменных источниках говорится, что в первые годы король и королева жили счастливо, потому что были едины в своих устремлениях. Изабелла была ревностной католичкой и целью своей жизни считала объединение Испании и победу над маврами; она лично принимала участие во многих походах и войнах. Борьба, как известно, увенчалась успехом. Именно с именем Изабеллы Кастильской связывают и возрождение инквизиции. Она издала эдикт, по которому все нехристианское население должно было покинуть Испанию.

Королева была очень самолюбива, решительна, энергична, и королю Фердинанду часто приходилось ей уступать – ведь Кастилия была не только приданым Изабеллы: она по-прежнему носила титул и оставалась королевой Кастилии.

Еще один вошедший в историю поступок Изабеллы – ее помощь Колумбу в снаряжении экспедиции в Новый Свет. Король Фердинанд при этом не проявил энтузиазма. Не случайно первую колонию европейцев в Новом Свете Колумб назвал именем королевы.

Несмотря на то, что большую часть жизни Изабелла провела в походах, она родила десять детей. Судьба двух дочерей хорошо известна. Екатерина Арагонская стала первой из восьми жен Генриха VIII. Любимая дочь Изабеллы Хуана, королева Кастилии, вышла замуж за Филиппа Австрийского; после смерти мужа она впала в помешательство, была заточена и в истории осталась под именем Хуаны Безумной.

Жанна д'Арк (1412 – 1431 гг.) – редчайший пример средневековой женщины, которая, не будучи правительницей государства, или умелым военачальником, сыграла выдающуюся роль в политической истории своей страны.

Королевский дом Франции находился в 20-е годы XV века в очень тяжелом положении – за французскую корону с наследником Карла VI Валуа, дофином Карлом, сражался английский король Генрих, поддерживаемый могущественным герцогом Бургундии. Удача не сопутствовала дофину – спустя пять лет после смерти отца он все еще не был коронован, поскольку Реймс, традиционное место коронации, был захвачен англичанами. Огромная территория к северу от Луары находилась под их властью.

Жанна родилась в зажиточной крестьянской семье в лотарингской деревушке Домреми. В тринадцатилетнем возрасте ее начинают посещать видения; ей слышатся голоса архангела Михаила, святых Екатерины и Маргариты, которые говорят, что именно ей суждено стать спасительницей Франции. В 1428 году шестнадцатилетняя Жанна идет в расположение войск дофина и просит позволения присоединиться к ним, но ее никто не принимает всерьез. Год спустя, когда положение французского наследника становится отчаянным, и англичане осаждают последний бастион французов – город Орлеан, она предпринимает еще одну попытку. После испытания и трехнедельного допроса прелатами было решено, что эта девушка послана наследнику Богом. С королевским войском и своим собственным штандартом, под знаменем с образом Христа Жанна двинулась на помощь осажденному Орлеану.

Вопреки мнению нерешительного военного совета, Жанна, воодушевленная голосами, призвала войско идти на штурм города. Орлеан был освобожден. С тех пор Жанну стали называть Орлеанской Девой и считать талисманом, данным Господом.

На волне необыкновенного энтузиазма войску дофина стала сопутствовать удача. Жанна предсказывала победы – и предсказания сбывались. Она сама принимала участие в осаде и взятии городов. И хотя, по мнению современных историков, Жанну нельзя назвать гениальным военачальником, ее пассионарность сделала для Франции в тех условиях больше, чем мог сделать любой полководец; она стала кумиром и национальным героем французов, за ней шло войско, которое уверовало в ее спасительную миссию.

После того как она выполнила свою миссию и дофин был коронован, военное счастье от нее отвернулось. В мае 1430 года Жанна была захвачена герцогом Бургундским, который по требованию Парижского

университета – арбитра в делах веры – передал ее в руки инквизиции за плату в десять тысяч франков. Судебный процесс проходил в Руане. Жанне было предъявлено обвинение в ереси и колдовстве. Но по сути это был процесс политический, позволяющий противникам короля Карла обвинить его в сотрудничестве с ведьмой. И, хотя Жанна, невзирая на свой юный возраст, искусно опровергала все обвинения в ереси, решение трибунала было predetermined, и она была признана виновной. За Жанну не вступились ни спасенный ею король, ни французские прелаты, которые когда-то признавали ее посланницей Бога. 30 мая 1431 года она была публично сожжена как еретичка.

Спустя двадцать лет, после изгнания англичан из Франции, дело Жанны было пересмотрено, она была оправдана, а в XX веке и вовсе причислена католической церковью к лику святых. Жанна стала великой национальной героиней Франции. Именно пример Орлеанской Девы, верящей, что под божественным руководством она приведет соотечественников к победе над англичанами, был фактором пробуждения французского национального самосознания.

Глава II. Институты брака и семьи в Западной Европе

Каждое время наполняет все ключевые явления человеческой жизни, и в том числе брак, любовь, счастье и несчастье, своим неповторимым содержанием. Поэтому и представления людей разных исторических эпох об окружающем их мире, об основных ценностях жизни, о самих себе глубоко различны. Одна из задач исторической науки как раз в том, что-

Эккхард и Ута. Статуи основателей
сбора в Наумбурге. XIII в.

бы раскрыть меняющийся смысл этих представлений и показать, как в зависимости от социального контекста переосмысливается вся совокупность человеческих радостей и горестей. Только при таком подходе можно понять подлинные мотивы, побуждавшие мужчин и женщин далекого прошлого спешить (или, наоборот, не спешить) с браком, сохранять (или не сохранять) супружескую верность, выбирать ту или иную партию в браке или оставаться холостяком.

Средневековье не знало понятия «семья» в современном обыденном его значении как

юридически самостоятельной супружеской пары с ее несовершеннолетними детьми. Термин, которым в современных западноевропейских языках обозначают семью, мог подразумевать в ту эпоху совокупность как широкого круга людей, связанных кровным родством и свойством.

В центре родственных отношений в средние века находились не брачные узы, но кровные связи. Они были более священны, глубоки и тесны, чем брачные. Средневековые горожане считали, что есть две силы, которые их поддерживают и защищают: «их башни» и «их родственники». Кровнородственные группы существовали по всей Европе под разными наименованиями: «друзей», иногда «кровных друзей». В дружину, наряду с вассалами вождя, входили и его сородичи («родня» и «люди»).

Сородичи выступали свидетелями человека на суде. Еще и в XV в. и много позже завещательные акты и протоколы судебных заседаний, в частности, в Любеке свидетельствуют о присутствии в качестве свидетелей братьев, отца.

Индивид и группа, к которой он принадлежал, казались неотделимыми друг от друга не только в XIII в., но и в XIV-XV вв., что находит отражение в так называемых домашних хрониках немецких, итальянских, южнославянских купцов. В родственной группе человек находил основание своим моральным ценностям и поведению, так как честь, которую он стяжал, как и бесчестие, которым он себя покрывал, падало также на всю группу.

Родичи помогали друг другу мстить за обиду. Право кровной мести, вендетта, было особенно распространено. Под знаком ее проходит вся феодальная эпоха. Мсть за родственника – моральное обязательство, обладавшее наибольшей силой. Обязанность мстить за родственника была сильнее авторитета церкви: знатная дама, проживавшая во Фландрии в конце XII в., повелела поднять мост, ведущий в ее замок, чтобы не слушать епископа суассонского, явившегося убеждать ее не мстить за убитых мужа и сыновей. У фризов было в обычае выставлять в доме труп убитого сородича, дабы он вопиял об отмщении до тех пор, пока оно не свершится: поскольку группа родственников представляла собой тесно спаянное единство, мститель мог убить не виновника, а его сородича.

Феодальные распри, вызванные родственными конфликтами, длились десятки лет и уносили множество жизней. Особенно устойчивы эти традиции были среди знати, но и общество в целом, сверху донизу придерживалось тех же нравов, хотя существовала тенденция считать право мести и насилие привилегией высшего класса.

Многозначность понятия «семья», высокий авторитет отношений родства отражали реальности западноевропейского Средневековья: в условиях господства аграрного производства и феодальной общественно-политической структуры малая супружеская семья оказывалась социально недостаточной, слабой. Она дополнялась более обширными семейными группами и родственными коллективами, как бы растворяясь в них. Это, с одной стороны, уже упоминавшиеся «домохозяйства». Феодальная Европа знает многообразные их типы: патриархальный, объединяющий родителей и две или более семьи их женатых сыновей, объединения женатых братьев и др. С другой стороны, это – обширные родственные коллективы, спаянные узами крови и брачными союзами, общим владением фамильным патримонием: земельными богатствами, замками – так называемые линьяжи, кланы, в которые домохозяйства включались как один из составных элементов. Линьяж состоял не только из кровных родственников, он включал в себя также и побратимов, «кровных друзей».

Семейные коллективы такого типа возникают в Европе в X-XI вв.; время их расцвета – XII-XIII столетия. Важно отметить, что линьяж – новый, феодальный институт, не имеющий ничего общего с архаическим кланом. От последнего его отличали меньшие размеры, четкие экономические связи внутри и вовне, развитое семейное сознание, свидетелем чего являются генеалогии и родовое имя. Он возникает как инструмент укрепления феодальной собственности, основы феодального господства и консолидации иерархически организованных отношений власти. Этой цели было подчинено все: иерархическая структура линьяжа (непререкаемый авторитет старших – отца, старшего брата, дяди), принцип наследования, предполагавший нераздельность земельного владения; практика брачных альянсов, в основе которой лежало недопущение мезальянсов – жен брали из более высоких по статусу семей, как правило, обедневших, поскольку социальное возвышение было важнее, чем приданое. Более высокий статус, приобретаемый благодаря браку, открывал линьяжу доступ к новым должностям, в частности к епископским – настоятеля аббатства, которые передавались мужским потомкам по женской линии.

Новообразованием, а не пережитком позднеантичных или родовых отношений, считают современные исследователи распространение в классическое Средневековье сложных семейных структур – домохозяйств также в крестьянской и городской среде. Их образование было связано с потребностями хозяйственной жизни, социальной и политической консолидации высших слоев бюргерства – патрициата. Стремление к образованию купеческо-патрицианских линьяжей особенно хо-

рошо выражено в крупных торговых центрах, в частности итальянских – Генуе, Флоренции, Венеции и др., городах Балтийского побережья – Любеке, Гамбурге и др.

Семья – та сфера, где женщина играет свою главную социальную роль и роль эта, как показывают современные исследования, многообразна и велика.

Воззрения на институт брака и вообще на взаимоотношения полов пережили в средние века весьма глубокую эволюцию. Католическая церковь «признала» брак довольно поздно. В раннее Средневековье среди христиан пользовались наибольшим распространением взгляды на брак, сформулированные на основе новозаветных текстов св. Иеронимом (347-430 гг.) и папой Григорием Великим (530-604 гг.). Эти отцы церкви видели в любом браке прежде всего повторение «первородного греха», совершенного прародителями рода человеческого Адамом и Евой. Поэтому любые брачные союзы решительно осуждались, и подлинно достойными христианами считались лишь те, кто отказывался от брака. (Показательно, что эта точка зрения в определенной степени не утратила своего влияния и в наши дни: как известно, благодать священства в католической церкви даруется только людям, давшим обет безбрачия.)

Однако уже во времена св. Иеронима существовала и иная трактовка установлений Священного писания, касающихся брака. Она принадлежала Блаженному Августину, епископу Гиппонскому (354-430 гг.). Признавая превосходство девственников над женатыми, Августин утверждал тем не менее, что в законном супружестве половой акт превращается из смертного греха в грех простительный, «ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (Первое послание к коринфянам, 7, 9); важно лишь, чтобы соитие совершалось не ради наслаждения, но только с целью рождения себе подобных, часть которых, ведя праведную жизнь, могла бы впоследствии заменить в раю падших ангелов. Эта концепция Августина была официально одобрена церковью сравнительно поздно – в начале IX в. И только тогда церковный брак стал шире распространяться в народных массах.

До этого времени в брачных отношениях бытовали две традиции – позднеантичная и древнегерманская. Ни одна из них не исключала одновременного существования двух-трех видов супружеских союзов. Они различались по своей престижности, но ни один из них не имел ничего общего с моногамным христианским браком. Знакомое нам понятие «брак» просто отсутствовало. Термином, который позднее служил для обозначения брака, называли в ту пору более или менее длительный суп-

Мантенья А.
Семейство герцога Ганзага
(Италия XV в.)

ружеский половой союз, нередко сосуществовавший с какой-либо иной формой сожителства мужчин и женщин, также признанной в праве.

Не было тогда и привычного для нас понятия «семья». В среде простолюдинов домохозяйственные группы сплошь да рядом включали, помимо супругов и их детей, родственников отца (или матери), а также временных сожительниц главы дома и их детей. Частенько «одним домом» жило несколько супружеских пар, связанных общим предком. Особенно был заметен приоритет кровнородственных связей перед матримонимальными в среде аристократии. В принадлежащих знати замках супруги жили вместе с многочисленной сви-

той, включавшей прежде всего кровных родственников. Церковь участвовала в процедуре бракосочетания, как правило, только тогда, когда дело касалось королевских семей. Но и в королевских семьях вплоть до VIII в. словом «жена» могли называть не только официальную супругу, но и других сожительниц короля. Браки же простолюдинов, да и многих знатных, заключались по большей части без участия священника.

Христианская концепция моногамного нерасторжимого брака получает признание в западноевропейских странах лишь в XII-XIII вв. Только в это время брак причисляется к основным христианским таинствам. В процедуру бракосочетания включается и церковное благословение. Однако для большинства современников церковная трактовка понятий

В среде знати, например, существовал давний обычай оставлять прежнюю жену, если представлялась возможность породниться с более знатным родом. Привлекательность более высокородных невест обуславливалась отнюдь не обязательно их большим богатством или особой близостью к королевскому двору. Не менее, если не более, важным было то, что, согласно принятым представлениям, все основные достоинства человека – и особенно рыцарские доблести – считались врожденными качествами, передававшимися с кровью отца или матери. От выбора брачной партии или же от ее изменения зависела с этой точки зрения самая судьба рода, его благополучие и процветание.

Запрет разводов препятствовал, таким образом, реализации некоторых укоренившихся представлений того времени. Поскольку в наибольшей мере эти представления были характерны для знати, церковная концепция брака с особым трудом прививалась в среде аристократии. Но и сами клирики рядом уклонялись от выполнения предписанного им канона безбрачия. Многие из них имели постоянных konkubin и детей. Матримониальная практика XII-XIII вв., существенно отличаясь от более ранней формальным признанием приоритета церковной концепции, еще не предполагала всеобщего ее приятия.

Помимо отказа от принципа моногамии, для массовой модели поведения было тогда характерно особое акцентирование плотского начала в браке. Даже среди богословов XII в. еще не было единодушия в том, что следует признавать сутью брака – «согласие» на него или же подкрепление такого согласия плотским соитием. На практике же такое соитие долгое время исчерпывало эмоциональную сторону супружеских отношений. Отчасти это было связано с некоторыми общими чертами социальной психологии того времени. Люди вообще не считали нужным стесняться проявления чувств. Жаркие объятия, как и «потoki слез», не случайно сплошь и рядом упоминаются в самых разных литературных сочинениях XI-XIII вв. И гнев, и страх, и ненависть, и пристрастие выражались неприкрыто и прямо. Хитрость и скрытность выступали скорее в качестве отклонения от нормы, чем правила.

Своеобразным было и восприятие собственного тела. Граница, незримо отделяющая одно человеческое существо от другого, осмысливалась тогда иначе, чем ныне. Знакомые нам безразличность и стыдливость отсутствовали. Естественными казались еда из общей миски и питье из общей чаши. На одной постели вповалку спали мужчины и женщины, взрослые и дети. Супруги совокуплялись в присутствии детей и родственников. Детородный акт еще не обрел ореола таинственности. Половая активность мужчины была предметом столь же пристального внимания, что и его воинские доблести. Даже церковью импотенция признавалась одним из главных оснований для развода.

Сватовство.

Миниатюра XIII в.

Куртуазная сцена.
Миниатюра 1320 г.

В этом контексте понятнее игнорирование большинством современников духовной стороны взаимоотношений супругов. Решающую роль при выборе брачной пары играли планы старших родственников. Что касается приязни между мужем и женой, то обычно она рисовалась современникам не столько необходимой предпосылкой, сколько лишь возможным следствием брака, обусловленным прежде всего их телесной близостью.

Дополнительный – и притом очень важный – колорит привносит в эту картину брачно-семейных отношений XII-XIII вв. куртуазный культ дамы. Его возникновение относится к рубежу XI-XII вв., когда он впервые обнаруживается в рыцарской среде. Зародившись

на юге Франции, со временем он широко распространился и в других странах и наложил определенный отпечаток на представления не только аристократии, но и тех более зажиточных слоев неблагородных, которые пытались ей подражать.

Главный источник наших знаний о куртуазной любви – сочинения южнофранцузских трубадуров, северофранцузских труверов и рыцарские романы, создававшиеся во многих европейских странах. (Самые известные из таких романов – «Тристан и Изольда» и «Роман о короле Артуре».) Видеть в них часть действительности нет оснований. В немалой степени они были игрой воображения их авторов, воспользовавшихся различными поэтическими традициями: и христианскими, и античными, и средневеково-арабскими. Но и вовсе отрицать связь этих сочинений с действительностью было бы неверно. В них проповедовалась некоторая поведенческая модель, само рождение которой и тем более готовность подражания ей определялись некоторыми глубинными тенденциями времени.

Исходный принцип куртуазной коллизии – поклонение неженатого рыцаря знатной матроне – супруге сюзерена этого рыцаря. Очень важный стимул этого поклонения – телесное влечение рыцаря к Даме. Конфликт обуславливается тем, что реализовать это влечение почти невы-

лимо: Дама обязана блюсти верность мужу, рыцарь не смеет оскорбить ее насилием, вассальная верность сюзерену требует от него величайшей осторожности. Тем не менее рыцарь не в силах совладать со своей страстью, Даме лестно быть окруженной поклонением, и даже ее супруг безразличен к этой славе жены.

Правила игры требуют соблюдения определенного ритуала. Настойчивому и верному поклоннику со временем может быть разрешено прикоснуться к подолу платья Дамы, поцеловать ей руку, даже заключить ее в объятия. Все это – при условии послушания Даме, готовности выполнять все ее желания – от чтения стихов известных трубадуров или труверов до совершения в ее честь подвигов на турнирах, в борьбе против обидчиков ее мужа или же в дальних странствиях, где рыцарь «во имя Дамы» защищает слабых, побеждает злодеев и сражается с истинными или выдуманнными противниками. В конечном счете Дама может позволить поклоннику даже «возлечь» с нею. Но и в этом случае, обвиняемая лежащую в его объятиях возлюбленную, рыцарь не смеет овладеть ею, если только она сама этого не позволит. Ситуации, при которых, как это рассказывается в составленной в XIII в. биографии одного из трубадуров, пригласившая своего поклонника донна «подняла подол платья, вскинула его до самой шеи и упала на кровать», представляли явное нарушение куртуазного ритуала.

Нетрудно видеть, что этот ритуал воспитывал чувства. Он заставлял женщину дорожить честью, сдерживать чувственность, требовать от мужчины уважения к ее личности. Еще резче изменялся при соблюдении куртуазного ритуала кодекс мужского поведения. Вместо грубого овладения женщиной мужчине предписывались самоотверженное выполнение ее желаний, умение быть «вежественным», забота о развлечении Дамы и – что особенно важно – душевное самосовершенствование.

В результате всего этого вызревали новые представления об идеальном облике мужчины и женщины и их взаимоотношениях. Половая страсть не сводилась только к телесной. Соитие выступало как венец сближения, а не его единственное оправдание. Половое влечение наполнялось более сложным психологическим содержанием, его обязательным элементом становилось признание душевных достоинств партнеров. Каждый из них побуждался к самосовершенствованию ради другого. Возникло то, что мы привыкли называть любовью в собственном смысле этого слова.

Воплощение этого идеала в повседневной жизни встречалось не часто. Но и оставаясь несбыточным идеалом, рыцарский культ Дамы играл немаловажную роль. Он вливался в процесс высвобождения лич-

ности и роста самосознания индивида, смыкался с переосмыслением ценностных ориентации, способствовавших одухотворению земных (а не только загробных) радостей. Все это подготавливало идейные и ментальные предпосылки для изменений взаимоотношений полов и для улучшения статуса женщины.

Приниженность женщины, неравноправие по сравнению с мужчиной – характерные черты христианской модели мира. «Созданная» в качестве «помощника» мужчине и лишь потому, что «нехорошо быть человеку одному» (Бытие, 2, 18), женщина, согласно христианскому вероучению, тем более обязана была подчиняться мужчине, что именно она, действуя «по наущению Сатаны», явилась непосредственной виновницей первородного греха. В рамках средневекового общества, в котором военный класс господствует над всеми мирянами, верховенство воина-мужчины нашло в христианской концепции мироздания как нельзя более подходящее оправдание. Преодолеть представление о неравноправии мужчины и женщины средневековый мир не сумел до конца своего существования.

Однако в разные периоды это представление обретало различные формы.

Распространение в Европе XII-XIII вв. культа Дамы явилось одним из первых переломных моментов в эволюции взглядов на женщину. Отныне рыцарю предписывалось понять, что благородная женщина имеет не только тело, созданное для удовлетворения его похоти, но и душу, к завоеванию которой ему надлежит стремиться. Это отнюдь не означало уравнивания в глазах рыцарства мужчины и женщины. Параллельно повышению престижа благородной женщины росла самооценка собственного достоинства и у рыцаря. Социальная дистанция, разделявшая в самосознании знати мужчину и женщину, оставалась, таким образом, едва ли не столь же значительной, что и раньше.

Это умственное движение вовсе не затронуло воззрения рыцаря на женщину из простонародья. Та по-прежнему представлялась ему (как, впрочем, и простолюдин-мужчина) обязанной безусловным послушанием. Там, где это оказывалось возможным, рыцарь овладевал крестьянкой или горожанкой без всяких церемоний.

Однако сдвиги в самосознании затронули и неблагородное население. Это особенно заметно по отношению к его верхушке, имевшей возможность воспользоваться результатами освобождения городов из-под власти сеньоров и так называемого личного освобождения крестьян. Несмотря на то, что дистанция между мужчиной и женщиной сохранялась и здесь, со-

знание своей самоценности возникало у людей и того и другого пола. Связь этих изменений с культом Дамы в среде рыцарства остается неясной. По мнению одних исследователей, модели мироздания, свойственные господствующему классу, так или иначе проникали в XIII в. и в иные слои общества. По мнению других, новое понимание любви и признание за женщиной более широких социальных возможностей зародилось, наоборот, в низовой культуре, из которой было в дальнейшем заимствовано и рыцарской средой. Никто, однако, не отрицает того, что уже накануне переломного XIV в. во взглядах разных слоев западноевропейского общества на брак и на женщину наметились новые веяния.

Необходимость изменения всего комплекса отношений между мужчиной и женщиной могла быть понята тогда очень немногими. В первую очередь это касается интеллектуальной элиты, способной возвыситься до гуманистической переоценки всей системы ценностей. Такая гуманистическая интеллигенция начала зарождаться сначала в Италии, а потом и во Франции и в других странах Западной Европы в XIV-XV вв. Хотя ее деятельность имела весьма ограниченные масштабы, свойственные ей представления нашли свое воплощение в литературе того времени. Это касается, в частности, «Книги о Граде женском», написанной в 1404-1405 гг. Кристиной Пизанской (1365-1430 гг.), известной французской писательницей, пользовавшейся покровительством французского королевского двора. Как пишет Кристина, женщина – такое же творение Бога, что и мужчина и ни в чём не уступает ему по своим способностям. Не в порочности женской натуры – и вообще не в каре Господней за грех познания добра и зла – видит Кристина источник бедствий в неудачных браках, но в конкретных человеческих пороках, равно возможных и у мужей, и у жен. Счастье или несчастье брака оказывается при таком подходе делом рук человеческих. Самый же брак преобразуется из плотского сожительства в гармоничный духовный и телесный союз, предназначенный для рождения и воспитания добродетельного потомства. Это не означает, что Кристине Пизанской удастся полностью преодолеть традиционную для христианской модели мира идею мужского превосходства. Но в главном – в признании за женщиной способности овладеть всем тем, что доступно в интеллектуальном и моральном плане мужчине, – Кристина делает очень важный шаг к пересмотру средневековых традиций. В защите Кристиной Пизанской права женщины на равное с мужчиной приобщение к философии и культуре слышится провозвестие гуманистических идей. Воображаемый диалог с «дамой Разума».

Совсем в ином ключе воспевали в эту пору добродетели прекрасной Дамы придворные поэты и барды. В XIV-XV вв. особенно много собиралось их при дворе герцогов Бургундии, культивировавших в игровой форме древнюю куртуазию в среде придворной элиты. Те же мотивы встречались и в поздних рыцарских романах. С точки зрения перспективы развития культуры это воспевание возвышенной любви к женщине и прославление рыцарской верности и чести имело несомненную важность: высокие идеалы как бы закреплялись в памяти человечества.

Однако обыденная жизнь демонстрировала глубокий разрыв между содержанием подобных произведений и реальным поведением того же дворянства. Чаще всего оно исходило из традиционного для христианской литературы образа женщины как «погубительницы» рода человеческого – похотливой соблазнительницы и корыстолюбивой обманщицы. Во многих жанрах литературы этого времени – в фавлю, фарсах, городской повести – именно этот образ женщины находит наиболее яркое воплощение. Торжество этих мотивов в дворянской литературе связано с тем, что в XIV-XV вв. культ благородной Дамы, сложившийся в XII-XIII вв., утратил свое влияние. Он разделил судьбу многих рыцарских ценностей, которые хотя и не были навсегда забыты, однако превратились лишь в своего рода миф. О женщине теперь все чаще говорили в откровенно чувственных тонах.

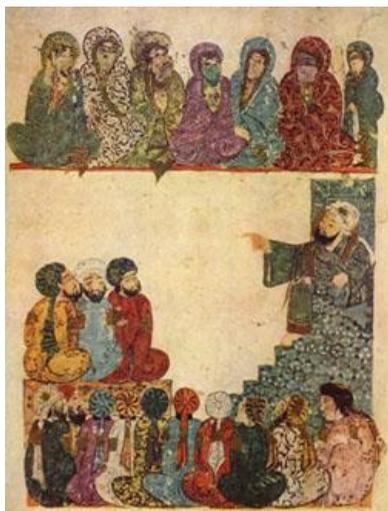
Торжеству «прозаической чувственности» способствовали в XIV-XV вв. и другие обстоятельства. Среди них в первую очередь следовало бы упомянуть о возросшем влиянии низового пласта культуры с характерным для него представлением о естественности и оправданности всех воспроизводящих жизнь телесных контактов. Не без этого влияния эротические темы, традиционно присутствовавшие во французской литературе и в XII, и в XIII вв., в XIV-XV вв. привлекают еще большее внимание. Особенно это сказывалось как раз на наиболее демократических жанрах литературы, таких, как фавлю, фарсы, городская повесть, где эротические сюжеты оказываются сплошь да рядом ведущими. Роль этих сюжетов в «Пятнадцати радостях брака» и фавлю – лишь одно из свидетельств этой тенденции.

Соответственно и институт брака в массовой картине мира выступает в XIV-XV вв. прежде всего как средство реализации чисто плотских связей. Для мужчины такой брак – и утеха, и объект насмешек, и вынужденный союз с «погубительницей рода человеческого». Для брака как института это никаких угроз не создавало.

Церковный брак стал к этому времени бесспорным и неотъемлемым элементом принятой модели поведения. Никакая критика не могла изменить этот факт.

Глава III. Мужчина-мусульманин и его место в арабском средневековом обществе

Приоритетное положение в мусульманском обществе занимал мужчина как глава семьи. Но даже и его жизнь контролировалась догмами ислама.

Сцена мечети.

Персидская миниатюра. XIII в.

Самым первым контролируемым укладом являлась одежда. Основные же характеристики исламского одеяния – это скромность и чистота. То, что носили, диктовалось главным образом требованиями общества, в котором они жили, но исламские одежды всегда были скромны и по возможности, чисты. «Каждая религия имеет характеристику, и характеристикой ислама служит скромность» (Ибн Маджа (ум. 886 г.) написал сборник хадисов «Книги Сунн» – один из шести, используемых суннитами).

Особых правил относительно мужской одежды немного. Некоторые из них регулировали особый стиль паломнической одежды их-

рам, и предписывали определенные требования к одежде, допустимой в мечети. Во время молитвы даже в самых примитивных условиях мужчины должны были, по меньшей мере, прикрыть чресла.

К VI веку порядочному человеку не пристало было носить пеструю одежду, т.к. это одежда для рабов и женщин. Мужчина мог надевать ее, в крайнем случае, в стенах своего дома, в дни лечения кровососными банками или во время попойки; выходить в такой одежде было просто неприлично. Одежда благородного человека должна была быть белого цвета, т.к. в раю носят белую одежду (но белую одежду носили так, же разведенные женщины), другие, же должны были избегать их за исключением белых шароваров (одежда должна была быть натурального цвета).

Мужчинам не позволялось носить одежды, сделанные из шелка, если, конечно, они не страдали каким-либо кожным заболеванием, вследствие чего всякая другая материя причиняла им значительные неудобства. Им не следовало носить никаких иных украшений, кроме обручального кольца, которое должно было быть серебряным, а не золотым.

Следующим преимуществом перед женщинами для мужчин была возможность иметь четыре жены одновременно и большое количество наложниц. Известно, что ислам поощрял многоженство или, по этнографической терминологии, полигинию. Есть несколько версий происхождения полигинии в исламе.

Так, Н.В. Вагабов полагал, что арабские купцы, переезжавшие из города в город по торговым делам, заводили по жене в каждом городе, и в совокупности получался гарем. Некоторые историки, в частности Д.Е. Еремеев, объясняли возникновение многоженства нехваткой мужчин, которые гибли в боях с неверными во время арабских завоеваний: «...нельзя же было лишать женщин права на семейную жизнь, хотя бы и разделенную с другими женами». Поэтому поощрял пророк и браки вдов, оставшихся без средств после потери мужа-кормильца. Нельзя игнорировать такой фактор, как война, говоря о причинах возникновения многоженства. Войны приводят к нехватке мужчин и появлению в обществе свободных женщин – вдов, старых дев и т.д., которые, как правило, были вынуждены вступать в полигамные браки. Но такие же войны, а в отдельных случаях и более длительные и с большими потерями мужского населения вели и другие народы, у которых не возникло полигамной семьи. В начальный период ислама полигамные семьи не пользовались особой популярностью – даже среди знати.

Подобные установления «священного писания» ислама воспитывали у мусульманина весьма вольное отношение к проблеме брака и вообще к взаимоотношениям с женщинами. И многолетняя традиция, закреплённая в эксплуататорском обществе господствующим положением мужчины в хозяйственной жизни и политических делах, привела к тому, что в сознании мужчин-мусульман крепко засела идея их неоспоримого преимущества перед женщинами, с интересами которых они могут вообще не считаться. Женщина стала рассматриваться как объект удовлетворения похоти мужчины.

Еще одним преимуществом мужчины перед женщиной в исламе является то, что при разделе наследства мужчине достается большая часть наследства. Это обуславливается тем, что мужчина должен заботиться о семье, обеспечивать существование своим женам и детям. Данное положение существовало еще с доисламских времен.

Так же ислам строго контролировал ингредиенты употребляемой пищи. Этот контроль осуществлял мужчина, т.к. он глава семьи. В исламе пища является либо халал, либо харам. Та, что халал, – дозволена, а та, что харам, – запретна. Подробное разделение определялась не личными предпочтениями того или иного верующего, но всеобщей покорностью и дисциплиной. На своих жизненных путях верующие руководствовались заповедями Аллаха, и даже такая насущная потребность в питании, строго регулировалась определенными установлениями.

Аллах сотворил эту Землю и плоды ее во благо человечества, установив, однако, некоторые ограничения в использовании их.

«Верующие! Ешьте из тех благих снедей, какими Мы наделяем вас, и благодарите Бога, если вы Ему поклоняетесь. Он запретил вам в пищу мертвечину, кровь, свиное мясо и то, над чем, при заколении, призвался кто-либо другой, а не Бог».

Во-первых, мусульманину не следовало, есть свинину или любой другой продукт, содержащий свинину. Это отнюдь не означало, что новообращенному в ислам достаточно было всего лишь отказаться от самого мяса. Запрет на свинину означал и то, что ему отныне придется проверять каждый продукт на содержание животных жиров, ибо этот жир может оказаться свиным.

На Востоке свинья считалась нечистым животным, и справедливо, ибо склонна она к поеданию нечистот. В некоторых местах свиней специально использовали как своеобразных «утилизаторов», скармливая им пищевые отходы и помои. По этой причине ни один мусульманин не мог представить себе, как можно есть блюдо, приготовленное из столь нечистого, отвратительного существа. Предложить мусульманину блюдо из свинины – то же самое, что предложить ему отведать, например, нечистот.

Мясо других животных таких, например, как корова, овца и коза, было разрешено для мусульман, учитывая, конечно, что животное было забито методом халал, состоящим в перерезывании очень острым ножом яремной вены и сопровождающимся чтением молитвы. Произнесение имени Бога служит ритуалом привлечения внимания к тому факту, что жизнь животного не забирается бессмысленно, а для употребления в пищу и с позволения Аллаха.

Мусульмане полагали, что перерезание глотки – самый гуманный метод забоя животного, к тому же весьма благодатно сказывающийся на качестве получаемого мяса. По их утверждению, в животных, которые забиты, например, электрошоком, накапливается и сворачивается кровь, в то время как перерезание яремной вены вызывает у животного мгновенно-

венную потерю сознания и благоприятствует свободному стоку крови, т.к. кровь забитого животного должна полностью истечь.

Мусульманам запрещено употреблять в пищу мясо умерших, задушенных, забитых палками и убитых хищниками животных. Также запрещено мясо хищных птиц, животных с клыками и когтями, грызунов, рептилий и насекомых, за исключением саранчи.

Что касается другой пищи, например, рыбы, овощей, фруктов, зерновых и корнеплодов, то все это для мусульман были разрешены. Но мусульманам все же следовало обращать внимание на состав некоторых продуктов, т.к. они могут содержать в себе животный жир или желатин. Помимо растительного, желатин бывает и животного происхождения и делается главным образом из шкур различных животных, в том числе и свиньи.

Таким образом, с появлением ислама права мужчины расширились в отношении женщин и узаконились шариатом. Теперь мужчина становился полноправным хозяином в семье и обществе в отличие от доисламского периода. Для него так же существовали правила, которые необходимо было исполнять.

Глава IV. Женщина в арабском обществе Средневековья

Женщина в арабском средневековом обществе это мать, сестра, дочь, и жена. Женщина разделяет с мужчиной ответственность за семью и воспитание детей, и немислимо, что жизнь семьи может идти нормально без взаимного участия обеих сторон (мужчины и женщины). В противном же случае нарушается жизнь семьи, что отрицательно отражается на детях.

Отношение ко всем этим группам женщин со стороны мужчин строго контролируется исламом. Притеснение и ущемление прав кого-либо из них является строго наказуемым. По поводу матерей, в достоверном хадисе сказано: «Рай находится под ногами матерей», т.е. отношение к ним определяет благополучие мужчины – мусульманина в вечности.

Что же касается сестер, дочерей и жен, то мужчины ответственны за них перед Аллахом, т.к. «Каждый из вас является управляющим, и каждый из вас будет ответственен за управление, возложенное на него». Что касается прав их, то они едины в правах своих с мужчинами во всем. У каждого своя функция в этой жизни. Если женщина рождает детей, вскармливает их молоком своим и воспитывает, то мужчина должен прикладывать максимум усилий для моральной, психологической и духовной стабильности в семье; для материального достатка её и защиты от внешней агрессии. Одним из самых главных единств и равенств

в правах является то, что все едино вознаграждаемы за правильность выполнения и ответственность подхода к тем функциям, которые были возложены на них, как являющихся мужчинами, так и являющихся женщинами. «Мужчинам – доля из того, что они приобрели, а женщинам – доля из того, что мужчины приобрели».

От женщин во многом зависит то, какой будет религиозность и воспитанность следующих поколений. На них возложена великая функция сохранения спокойствия, умиротворенности, домашнего очага, воспитанность подрастающего поколения. Каждый должен соответствовать своему предназначению. «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества». Аллах сказал: «Они (жены) – одеяние для вас, а вы одеяние – для них». Ислам относится к мужчине и женщине как дополнение к друг другу: «И ответил им Господь их: «Я не погублю деяний ни одного из ваших деятелей – ни мужчины, ни женщины. Одни вы от других».

Женщины освобождаются от труда за пределами дома, чтобы они могли полностью посвятить себя домашнему хозяйству и воспитанию детей. Внутрисемейные обязанности мусульманской женщины входят ведение домашнего хозяйства, создание благоприятных условий для своего мужа, воспитание детей. Один из хадисов Пророка передает: «Каждый из вас несет ответственность за свою паству: правитель является пастырем, и мужчина является пастырем для своей семьи, и женщина является пастырем (присматривающим) за домом своего мужа и его детьми». Ислам считает, что истинной основой семенного благополучия должны быть дружелюбие и милосердие. По Корану, женщина, если ее муж был ею доволен, войдет в рай. Неблагодарность по отношению к мужу со стороны женщины ислам расценивает как неверие. Жена обязана: жить в доме мужа, подчиняться его приказаниям, если они не безрассудны, строго соблюдать супружескую верность с момента подписания брачного договора, не зависимо от того, был ли уплачен махр или нет, избегать предосудительной близости с посторонними мужчинами, не показываться без уважительных причин в публичных местах. Идеями безусловной покорности пронизан дух мусульманской литературы. Так в «Кабус-нали» сказано: «Жена должна быть чистой, набожной, хозяйственной, стыдливой, любящей мужа, правдивой, сдержанной на язык...» Мусульманская семья строится также на основе родственных связей по мужской линии, однако у мусульман жена не входит в род мужа и теоретически обладает полной родовой автономией.

В случае невыполнения женою указанных требований, муж может развестись с ней и отказать ей в содержании. Непокорную жену муж вправе лишать свободы и после увещаний подвергать легким телесным наказаниям. В случае отказа мужа от брачного сожителства, жена может обратиться к народному судье, который, впрочем, действует на супругов одним лишь увещанием. Жена должна соблюдать верность своему мужу. Все религии говорят о недопустимости прелюбодеяния и супружеской измены. Правда, практика битья неверной жены камнями – это более норма адата, чем официально канонизированного шариата. Конечно, не следует, что женщину в доисламский период не наказывали за прелюбодейство. Наказание женщин за это берет начало с патриархальной семьи. Однако в случае, если неверность жены доказана, подтверждена свидетелями, законы шариата столь же суровы и беспощадны к провинившейся. Замужняя женщина, обладающая своей собственностью, может, и в большинстве случаев вкладывает часть или всю ее в общее хозяйство супругов, но она вовсе не обязана поступать так. Ведение общего хозяйства находится в полной ответственности мужа, даже если жена является в собственных правах экономически более состоятельной, чем ее муж.

Еще одна привилегия женщины в исламском мире – ее предбрачный дар – махр. Он является собственностью только самой женщины, ее капитал на все случаи жизни. При разводе, если таковой происходит, махр остается у нее, как впрочем, и все подарки, украшения, подаренные мужем. А также Аллах сказал: «И не препятствуйте им уносить часть того, что вы им даровали, разве что они совершат мерзость очевидную. Обходитесь с ними достойно. Если же вы чувствуете к ним отвращение, то, может быть, вам не нравится что-либо, а Аллах устроил в этом великое благо».

Жене в отношении мужа предоставлены следующие средства защиты: если муж грозит применить насилие или действительно прибегнуть к такому, или, в случае грубого нарушения мужем супружеских обязанностей, жена может отказаться жить с ним. Если по такой причине жена перестала жить с мужем, или была им изгнана, или покинута, то, по ее ходатайству судья может присудить ей содержание. В суре «Женщины» очень подробно описаны права наследования, которые получили женщины: вдовы, дочери, матери и сестры. «Мужчинам – удел из того, что оставили родители и близкие, и женщинам – удел из того, что оставили родители и близкие, – из того, что мало или много, удел определенный». Мужчина имеет право на большую часть наследства, чем женщина. Но

это не ущемление ее прав, а лишь отражение того факта, что женщина имеет право на содержание со стороны отца, мужа или брата.

Мужчина не может заставить женщину (даже отец, не может заставить свою дочь), выйти замуж за нелюбимого человека. Ведь выходить замуж женщина должна только по своему желанию и по своей доброй воле. Это значит, что отец не имеет власти заставить свою дочь выйти замуж вопреки её воле. Однажды к пророку пришла одна девушка жаловаться на отца, который хотел выдать её замуж за племянника, которого она не любила, чтобы улучшить своё положение. Пророк вызвал отца и предоставил девушке свободу выбора: выйти замуж за этого человека или отказаться. Девушка по своей доброй воле согласилась на этот брак и сказала: «О посланник Аллаха! Я была согласна с тем, что сделал отец, но я хотела, чтобы женщины знали, что отцы не имеют права навязывать своим дочерям мужей по своему желанию».

В целом женщина до ислама находилась в достойном положении, академик В.Р. Розен по этому поводу пишет, что «она нередко принимала участие в битвах, всегда побуждала его к храбрости. Араб-язычник видел в ней мать богатейшей, которые должны будут прославлять его род, и сам считал своей обязанностью защищать ее. Вступив в брак, женщина не становилась его вещью, как в последствии... жена нередко в доисламскую эпоху сама решала свою судьбу и возвращалась к родителям... Рука об руку с более достойным положением женщины шла относительная чистота нравов арабов-язычников...». Другой автор указывает, что ей были абсолютно недоступны знания и наука, она не могла высказывать своего мнения поводу и не имела права даже навещать своих родных и поддерживать кровные связи с ними, а обязана была забыть и них. Мусульманка по шариату не имеет права выходить замуж за «неверного», и за человека «Священного писания» (христианина или иудея).

Ислам провозглашает, что в глазах Аллаха нет разницы между мужчиной и женщиной. Каждый есть драгоценная душа. Однако Аллах не пожелал полного равенства между полами, а распределил их призвание и функции.

В религиозной сфере в обязанности женщины входит то же, что и в обязанности мужчины: вера в единого бога-Аллаха, соблюдение намаза (правда, в этом вопросе есть послабления: взрослая женщина освобождается от намаза на несколько дней ежемесячно), пятничный намаз в мечети для женщины необязателен, соблюдение поста в месяц Рамадан (для беременных женщин предусмотрено освобождение от поста), в отношении уплаты налога (закят) она приравнена к мужчинам (лич-

ные украшения женщины не подлежат налогообложению), женщина, как и мужчина, обязана, если у нее есть возможность, совершить хадж. Это религиозные обязанности женщины-мусульманки. Женщина обладает правом наследования. Доисламские арабские женщины не имели права наследования от кого-либо, кроме отца или мужа, т.к. они не могли охранять и сохранять полученное имущество.

Если женщина выступает свидетелем при сделке то, эти сделки должны быть обязательно оформлены письменно, иногда ошибочно приводится в доказательство дискриминирования женской половины исламского общества, т.к. первая жена пророка Хадиджа вела торговлю. Это указание таково: «И призовите двух свидетелей из ваших ближних: но если не (найдется) двух мужчин, то мужчину и двух женщин из тех, кого вам угодно взять в свидетели, так что если одной (из женщин) изменит (память), другая напомним ей». Здесь нет и малейшего следа дискриминации.

Ислам дал женщине полную независимость от мужчины в экономической области; она имеет полную свободу и право распоряжаться любым видом своего имущества: продать, купить, подарить, инвестировать и т.п. без разрешения мужчины, если она правоспособна. И ни ее муж, ни любой другой мужчина из ее родственников не имеет права взять что-либо из ее имущества без ее разрешения. Мужчина не может запретить женщине пользоваться своими законными правами в жизни или ходить в мечеть для поклонения (Ибн Маджа передал этот хадис в «Предисловии», т. 1, стр. 8). И если некоторые мусульмане, опираясь на отжившие обычаи и ложные нормы, не придерживаются этих исламских позиций относительно женщины, то это считается или незнанием ислама и его предписаний, или неправильным пониманием его ясных учений.

Одежда женщины должна способствовать шариату: открыты, могут быть лишь лицо и кисти рук. Голова и все тело должно быть сокрыто от взоров посторонних мужчин. В кругу семьи она может одеваться свободно и украшать себя. Более того, ислам весьма поощряет ее к этому, чтобы таким образом она была привлекательной для своего мужа, поскольку ее красота предназначена для него. Она также вольна делать это, находясь среди других женщин- мусульманок в отсутствие мужчин. Но вне своего дома, а также в присутствии мужчин, она обязана носить скрывающее одеяние, чтобы все, кто ее видит, понимали, что она порядочная, скромная и честная женщина.

Хиджаб (одежда мусульманских женщин) – одна из таких мер. «Скажи верующим, пусть они потупляют свои взоры и берегут свои члены: Это чище для них. Поистине, Аллах сведущ о том, что они делают!».

Слово «хиджаб» означает «перегородка, преграда». Это то, чем мусульманка как бы окружает свое сознание, сердце и душу. Это не просто кусок ткани и он служит не только как одежда, прикрывающая и согревающая тело. Это занавес застенчивости, скромности и благопристойности.

Одеяние женщины-мусульманки состоит из рубахи (дираа), накидки (джильбаба) и вуали (химара).

1. Дираа представляет собой длинную рубаху, которая прикрывает все тело женщины, за исключением лица, головы и ладоней.

2. Химар представляет собой кусок материи, которым женщина покрывает голову.

3. Джилбаб является третьим элементом женского одеяния, который мусульманка обязана носить, находясь вне пределов своего дома. Он представляет собой накидку, которая закрывает тело женщины поверх дираа и химара. Цель ношения джилбаба состоит в том, чтобы скрыть красоту женщины в целом и в частности размеры ее головы, а также форму плеч.

Женская одежда не должна быть похожей на мужскую, либо на одежду юношей. Ислам не позволяет этого, так как это несовместимо с женственностью и особым характером личности женщины.

Так же не должна быть окуренной благовониями или надушенной, если в ней женщина собирается выйти из дома. Допускается ношение одежды, окрашенной желтяницей (дикий шафран), которую мужчинам одевать запрещается.

В канонах шариата разработан ряд этических норм, связанных с кормлением грудного ребенка. Так, в шариате утверждается тот общеизвестный факт, что для грудного ребенка лучшим является молоко матери. Шариат считает неэтичным, хотя и не запрещает, требование матери от мужа – отца платы за кормление ребенка. Однако если она требует от мужа сумму, превышающую плату няне, муж имеет право отнять у нее ребенка и отдать на кормление.

Уважение, с которым мусульмане относятся к своим матерям, общеизвестно. Особенно теплые отношения между мусульманской матерью и ее детьми и то глубокое уважение, которое проявляют мусульманские мужчины к своим матерям. В исламе уважение к матери и ценности материнства неразделимы. Коран ставит доброе отношение к родителям на первое место сразу после поклонения Аллаху. В Коране говорится об огромной роли матери в рождении и воспитании дитя: «Заповедовали Мы человеку почитать родителей своих. Мать носила его, испытывая тягости, отлучила его от груди в два года. Повелели: «Благодарите Меня и родителей своих – ко Мне вернешься ты». Особо красно-

речиво роль и место матери в жизни человека описаны пророком Мухаммадом: «Один человек спросил пророка: «Кого я должен уважать в первую очередь?» Пророк ответил: «Мать». «А кого потом?», – спросил человек. «Мать», – ответил Пророк. «А кого после нее?». «Мать». «А после этого?» – спросил человек. «Отца».

Вместе с тем в Коране и нормах шариата зафиксированы и определенные права женщины как гражданские, так и имущественные. Так, женщину, в том числе и рабыню, нельзя лишить ее ребенка (в случае развода с женой), если последний нуждается в ее уходе. Практически это означает, что до семи лет ребенок при любых условиях остается с матерью, в дальнейшем он может быть взят отцом, но не безоговорочно, не при любых обстоятельствах.

Положения шариата о няне исходят из общечеловеческих представлений. В частности, он советует нанимать няню с хорошим характером, с добрым и обаятельным лицом и трезвым умом. Но шариат порицает наем в няни женщины незаконнорожденной или имеющей незаконнорожденного ребенка. Рождение же ребенка от неизвестного лица самым жестоким образом осуждается моральным кодексом ислама, хотя мусульманское право и не требует наказания такой женщины. Однако морально-этические нормы ислама создают вокруг семьи подобной женщины невыносимую, унижительную обстановку. Нередко, чтобы смыть «бесчестье» и избавиться от позора, родители или родственники такой женщины прибегают к ее физическому уничтожению, если же им становится известен мужчина, который опозорил семью, преследуют его. Часто такие случаи приводят к племенным и родовым кровопролитиям.

Исламская система старшинства и наследования нацелена на возможно более широкое распределение собственности. Если человек умирает, оставляя его или ее живых родителей, мужа и жену, сыновней и дочерей, они все получают долю наследства притом главным условием, что мужская доля вдвое превышает женскую при равной степени родства. Здесь нет никакого неравенства, если учесть, что мужчина ответственен за содержание семьи, в то время как женщина освобождена от этой ответственности.

Исламская система не оставляет места для несправедливостей в распределении наследства, таких, как право первородства или исключения женщины из права наследования.

Пророк возложил эту совместную ответственность за семью на мужчину и на женщину. Это ясно из следующего хадиса: «Каждый из вас – попечитель и отвечает за того, кого он опекает. Имам же опекун и отвечает за свою общину. И мужчина попечитель своей семьи и отве-

чает за неё, и женщина попечительница в доме своего мужа и отвечает за это»(Этот хадис передали аль-Бухари (810-870 гг.) – толкователь Корана и Муслим (817-875 гг.) – собиратель хадисов).

Ислам делает возможным для женщины иметь мужа и детей законно. А женщина и отношение к ней – главное условие нормального состояния общества. Уважение, почтение, поклонение к женщине-матери отражено в многочисленных хадисах пророка. «Рай лежит у ног ваших матерей», – эти слова пророка потрясают своей мудростью и глубиной. В другом хадисе пророк советует: «Если вас одновременно позовут отец и мать, то подойди к матери, если в другой раз – опять к матери, в третий раз – опять к матери. И только в четвертый раз – к отцу». Высочайший авторитет женщины в исламе – залог стабильности, гуманности, разумности исламского законодательства. Вольтер сказал о пророке Мухаммеде: «...его законодательство о браках и разводах является самым благородным и эффективным из всех, когда-либо задуманных, сформулированных и введенных в действие какой-либо властью в любое время всемирной истории, религиозной, политической или социальной». Ислам – это религия, призывающая к исправлению общества и семьи. Для женщины он – надёжная крепость и защита от бед и соблазнов.

Таким образом, роль и место женщины в исламском обществе строго регламентируется Кораном и шариатом. После развода или смерти мужа женщина с детьми обеспечена. Но это только регламентируется бумагой, но во многих случаях не соблюдается. И многие предпочитают «золотую клетку» бедности и неуверенности, в которой остаются западные «эмансипированные» женщины.

Глава V. Семейно-брачные отношения в исламе

От благополучия и силы семьи зависит здоровье и благополучие всей человеческой цивилизации. Каждая религия уделяет особое значение вопросам семьи и брака. Важнейшим социальным вопросом в исламе считается всемерное укрепление и развитие института семьи. Семья – это наилучшая гарантия общественной добродетели. В Коране записано: «Аллах дал вам из вас самих жен и дал вам от ваших жен и детей, и внуков и оделит вас благами. Так неужели же в ложь они веруют, а в милость Аллаха не веруют?». А так же: «Они (жены) – одеяние для вас, а вы одеяние – для них». Таким образом, в исламе брак считается добродетелью, праведностью и актом поклонения Аллаху.

Ислам не признает и не признавал обычного для западных стран свободного образа жизни. Практика «гражданского» брака абсолютно запрещалась для мусульман. «И пусть будут воздержаны те, которые не находят возможности брака, пока не обогатит их Аллах своей щедростью». Характеризуя отношения между мужчиной и женщиной, пророк сказал, что мужчины и женщины одинаково равны перед Аллахом, это значит, что нет никакой разницы между ними. На это указывает Коран: «Верующим, совершающим добрые деяния, будь то мужчина или женщина, непременно даруем прекрасную жизнь и воздадим награды лучше, чем их деяния».

Аллах также внимает мольбе женщины, как внимает и мольбе мужчины. Как сказано в Коране: «И ответил им их Господь: «Поистине, Я не пренебрегу ни одним деянием, совершённым кем-либо из вас, мужчиной или женщиной, (ведь) одни из вас (происходят) от других». И кораническое выражение «одни из вас происходят от других» доказывает, что мужчина и женщина дополняют друг друга и что жизнь не может продолжаться без их совместного участия.

В то же время в Коране сказано: «Женщина – существо низшее, живущее не для себя, а для мужчины, не может и не должна вести жизнь безбрачную, чтобы достичь своего назначения». В мусульманском обществе брак, сопровождавшийся рождением детей, являлся религиозной обязанностью, а безбрачие – прискорбным состоянием. Коран, как и Талмуд, допускает, чтобы верующий имел одновременно четырех жен. В Коране сказано: «Женитесь на тех, что приятны вам, женщинах – и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, то на одной...». Шариат конкретизирует это понимание, указывая, что мужчина может жениться одновременно на 4 женщинах, или же число жен могло получиться от сложения цифр: $1+2+3+4=10$. У богатых мусульман наряду с этим были гаремы, в которых творился произвол, для некоторых такая жизнь была сущим кошмаром. Законный брак заключал в себе юридические идеи и мусульманские обычаи. С лингвистической точки зрения «брак» имеет два значения: бракосочетание и совокупление с женщиной. Вообще же, понятие «брак» шариатом определялся двояким образом: брак – это заключение договора, по которому женщина переставала быть посторонней, «запретной» для мужчины, и – неотъемлемое право каждого, имеющего достаточное желание и способного к вступлению в брачные отношения. Брак относился к деяниям, совершающимся посланниками Аллаха, пророк Мухаммад женился и сказал: «Я беру в жены женщин, а кто не следует моему примеру, тот – не мусульманин».

Законодательство мусульманских стран устанавливало ряд условий для заключения брака и предъявляло определенные условия к его форме. Предельного брачного возраста не существовало. Лица, достигавшие совершеннолетия, могли заключить брачный договор по собственному желанию, без вмешательства их опекунов, а также просить расторжения брака, заключенного без их согласия. Совершеннолетними считались – юноши, достигавшие 12-ти летнего и девушки – 9-ти летнего возраста. Но это физиологическое условие не являлось необходимым, когда речь шла о браке на основании джебра, т.е. принуждения вступить в брак. Несовершеннолетние могли быть связаны, без их согласия, брачным договором их родителями или валеями.

Характер и формы заключения брака представляли собой скорее договор купли-продажи. Но слова «предложения и согласия», так называемая формула бракосочетания, должны были быть произнесены. Формулу бракосочетания читали жених и невеста или их доверенные лица, которыми могли быть как мужчины, так и женщины. До заключения брачного договора жениху и невесте запрещалось видеть друг друга, даже тайно: «Женщине запрещено показывать лицо мужчинам, исключая самых близких родственников». Как правило, формулу заключения брака читали на арабском языке, сначала невеста, затем жених.

Временный брак у мусульман-шиитов, осуществлялся по той же форме, но с указанием срока брачного договора (не более 99 лет и не менее нескольких часов). Вообще такой брак запрещался суннитскими догматико-правовыми школами, но он все-таки практиковался в общинах шиитов, и практикуется, по сей день. Так же встречались обычаи «махра», так называемые обменные браки, т. е. если у юноши есть сестра на выданье, а в соседней семье – брат, у которого есть сестра, то эти семьи обменивались невестами, не прибегая к калыму (такой вид брака оставался пережитком доисламской эпохи).

Для заключения брачного договора шариатом требовалось соблюдение следующих условий: 1). Жених и невеста должны были быть согласны на брак, а не принуждены к нему. 2). Формула бракосочетания должна была произнесена на правильном арабском языке. 3). При произнесении формулы необходимо было упомянуть имена невесты и жениха. Например, если отец невесты, читающий формулу бракосочетания за дочь, обращаясь к жениху со словами: «Я считаю одну из своих дочерей твоей женой», то брачный договор считался неверным, ибо неясно, какую дочь он выдавал замуж (на мусульманском востоке случалось, что жениху преподносили совершенно неожиданную невесту).

4). Читающие формулу (жених, невеста или их доверенные лица) должны были быть совершеннолетними и в здравом уме [4].

Действительность заключение брака по мусульманскому праву обусловлена сочетанием следующих условий: согласием конкретных лиц; предделение выкупа; соблюдение определенных формальностей, (обозначенных выше).

Большинство препятствий, делавших брак невозможным или требующим его отсрочки, схожи с подобными условиями любого другого законодательства. Одни из них основаны на запрещении кровосмешения в случае кровного родства, к которому мусульманское право приравнивало и «родство по молоку», запрещая брак между молочными братьями и сестрами (если они были, хоть раз допущены к груди одной и той же кормилицы, т.к. женщина-кормилица возводится до степени матери). Другие запрещения брака носили специфический исламский характер. Согласно большинству мусульманских толков, запрещались неравные браки по признаку социального положения (в этом случае между женами могли возникнуть разногласия, тем самым нарушался покой в доме): мужу запрещалось жениться на родной сестре одной из своих четырех жен; запрещалось жениться на женщине, у которой еще не закончился испытательный срок, запрещалось вступать в брак с дочерьми, родившимися вне брака.

Во многих случаях, как того требовали мусульманские традиции, значительными правами при заключении брака пользовался опекун невесты (в отдельных случаях и жениха) функции которого выполняли ее отец или другие ближайшие родственники. Если у невесты не было родственников, которые по закону могли играть роль опекуна, функции последнего переходили к мусульманскому судье. При любом мусульманском браке обязателен махр или саадак (выкуп), соответствовавший материальному положению жениха и невесты. Выкуп должен был быть непременно реальным, а не фиктивным. Отсюда действительность брака, носившего название – брака с возмещением выкупа. Супруг, даже если ему приходилось жениться по принуждению, все равно обязан был платить выкуп, который в доисламский период предназначался родителям жены, а по Корану принадлежит самой жене.

Как правило, устанавливалось, что махром могла быть как денежная сумма, так и любая вещь, обладавшая определенной ценностью, или свойство предмета, способное удовлетворять одну из потребностей человека, пользование которой разрешено законом. Размеры махра не определялись, он нисколько не обеспечивал прочность брачных уз. По-

сколько махр предоставлялся мужем и становился собственностью жены, определение его как приданого являлось, по мнению Д. Е. Еремеева, не совсем неудачным, т.к. в случае развода он остается у жены [4].

Если во многих странах брак являлся торжественным актом, то у мусульман дело шло не о чисто контракте, ибо для его доказательства требовалось присутствие двух свидетелей – мусульман мужского пола, достигших половой зрелости, находящихся в здравом уме. Эти свидетели должны были сами слышать выражение обоюдного согласия, оба вместе, в одно и то же время. В исламе брак – это гражданский договор, он даже не составлял религиозного обряда. Присутствие муллы не являлось необходимым, он приглашался с одной стороны в качестве нотариуса, с другой – для освящения брака молитвою, как при начале любого дела. То есть брак – это не относящийся к религии гражданский – договор.

Что же касается развода, то ислам не требовал никакой формальности при разводе, никакого письменного акта, как это было даже у иудеев. Он оставался почти исключительно в руках мужа. В Коране есть целая сура под названием «Развод». «Когда вы будете давать развод своим женам, разводите с ними согласно установленному для них сроку, исчисляйте этот срок и бойтесь Аллаха». Имеется в виду срок идда, который применялся в связи с тем, что женщина овдовела или получила развод, длился несколько менструальных периодов, в течение которого женщина не имела права снова выйти замуж. Развод двукратен. Мужу и жене давался шанс подумать и примириться. Если развод действительно необходим, то муж в присутствии двух свидетелей, шейха (глава мусульманского духовенства, главный толкователь шариата, возглавлял духовное ведомство – мешихат) трижды говорил: «Я развожусь с тобою». Но если супруги понимали, что не могут жить друг без друга, жена возвращалась к мужу, развод не происходил. Если же муж и жена самостоятельно не могут помириться, то они прибегали к помощи двух судей из семьи жены и семьи мужа, которые помогали им помириться. В Коране Аллах установил: «Развод – двукратен: после него – либо удержать, согласно обычаю, либо отпустить с благодеянием. И не дозволяется вам брать из того, что вы им даровали, ничего...»). Нельзя было разводиться во время месячных жены, если жена беременна. Развод не должен был совершаться в гневе, случайно. Но и после развода муж должен был продолжать хорошо относиться к бывшей жене. Он должен был содержать и кормить ее в своем доме, как и прежде до истечения срока идда, не тревожа ее. Он не должен был забирать у нее ни один подарок. «И для разведенных – пользование по обычаю, как должно богобоязнен-

ным». Если после развода женщина хотела выйти замуж еще за кого-то, то бывший муж не имел права препятствовать этому.

Жена не могла требовать от мужа восстановления супружества, не имела права искать на него суда. Жена могла развестись с мужем только при неспособности его к исполнению супружеских обязанностей, при нежелании с его стороны исполнять их, при заразной болезни его и при исполнении им супружеских обязанностей неестественным образом, а так же если муж отсутствует дома более двух лет (даже если известно, где он находится). И в этих случаях жена могла развестись не сама собой, а по решению казия (кадия, кази) – мусульманского судьи, обладавшего очень большими полномочиями, фактически глава административного судейского аппарата в определенном районе – каза, которому она предъявляла свое требование, словесно излагая причины к разводу, а при последней причине развода употребляла известный знак, именно переворачивала пред казием свой башмак вверх подошвою. Только тогда, когда казий решал, жена может достигнуть развода.

Таким образом, мусульманский брак во всех своих чертах имеет две стороны. С одной стороны, он запечатлен духом нравственной чистоты, неразрывности, равноправия супругов как человеческих личностей, с другой – напротив – носит на себе следы грубого деспотизма, а потому не представляет никакой прочности и постоянства. Мусульманская семья, несмотря на свою сплоченность, является значительно менее устойчивой общественной ячейкой, чем семья в понятии европейского общества. Она окружена предрассудками, отжившими свой век традициями, которые появились еще в период формирования арабо-мусульманского мира. Внутренний строй мусульманской семейной группы обуславливают применение иногда чрезвычайно суровых мер в отношении женщин, хотя эти меры и противоречат установкам Корана, но с другой стороны женщины в таких браках защищены законом. Мусульманское право, в том числе и гражданское право мусульманских стран представляет значительный интерес в силу своего своеобразия, характерных отличительных черт, оно доказало свою жизнестойкость в течение длительного времени и заслуживает всестороннего, глубокого дальнейшего изучения.

Глава VI. Детство и отношение к детям в средние века в Западной Европе

До недавнего времени при исследовании проблем, связанных с положением детей в средневековом обществе, опирались главным обра-

зом на интерпретацию этих проблем, предложенную известным французским ученым Филиппом Ариесом. Основным его тезисом было утверждение, что средневековые люди не имели представления о детстве как об особом периоде в жизни человека, а дети рассматривались тогда просто как маленькие взрослые. Эта точка зрения опиралась прежде всего на описания детских лет святых из их житий. Однако большая часть таких жизнеописаний детей и некоторых других касающихся детства сочинений, была написана духовными лицами либо о детских годах будущих священнослужителей и поэтому типичность подобных описаний весьма сомнительна [5].

В последние годы появился целый ряд специальных работ, в которых эта точка зрения опровергается. Барбара Ханавальт, Стивен Озмент, Дэвид Херлихи, Николас Орм выступили с широкой критикой позиции Филиппа Арьеса. Эти исследователи, на основе широкого круга источников, утверждают, что столетия между 1500 г. и 1800 г. были временем понижения статуса женщины в семье и обществе. Наоборот, предыдущие три столетия (1200-1500 гг.), согласно Стивену Озманту, были наилучшими для женщины временем, предшествующими двадцатому веку. Эта группа историков рассматривает Высокое Средневековье как период, когда общественный статус женщин характеризовался равным юридическим положением и возможностями карьеры с мужчинами, в частности, достижением высокого статуса посредством безбрачия и монашеской карьеры [4].

Полемизируя с последователями Арьеса, Николас Орм утверждает, что период Реформации и Контрреформации стал поворотным пунктом в истории женщин. Её статус был понижен в связи с техническим прогрессом, изменениями в юридических правах, а также признанием идеальной семьёй модель семьи, описанной в Библии, т.е. по сути своей патриархальной, в которой женщина и ребёнок оказались в полной власти мужчины [3].

Николас Орм, Стивен Озмонт и Дэвид Херлихи утверждают, что любовь к детям, деление детства на возрасты, определение в связи с этим особых потребностей детства, берут своё начало в глубокой древности, а не в период Реформации.

Одним из главных аргументов сторонников Арьеса в пользу отсутствия представлений о детстве в средние века, было утверждение, что в лексиконе людей того времени не было самого термина «детство». Однако средневековые люди не употребляли таких терминов как «феодализм», «куртуазная любовь», «коммунальная борьба», названные явления имели место.

Средневековая европейская цивилизация была преимущественно аграрным обществом, в котором первопричиной вступления в брак являлось рождение детей. Прежде всего, из экономических соображений деревенская семья нуждалась и в сыновьях, работавших в поле, и в дочерях, занятых в домашнем хозяйстве. Даже в том случае если женщина рожала ребёнка до брака, её охотнее брали в жёны, потому что этот факт было показателем её детородных возможностей. Горожане вступали в брак по тем же причинам. И здесь тоже есть признаки того, что общество в целом понимало значение детей. Например, в средневековом Лондоне, законы, защищающие права сирот, были строгими в отношении опекунов, которые могли бы претендовать на имущество осиротевших. В среде феодалской аристократии на детей так же смотрели как на продолжателей семейных традиций и фамильной славы. Их рано обручали и таким образом заключали выгодные браки в последующем, а также приписывали в пажи к знатым лордам, обеспечивая продвижение в придворной службе. Эти факты являются доказательством того, что средневековые родители не могли не понимать, что дети их будущее[1].

Относительно эмоциональных проявлений любви или нелюбви к детям в средние века невозможно сказать ничего определённого. В исторических источниках не сохранилось прямых свидетельств проявления чувств к детям. Поэтому категоричные утверждения Арьеса, полагавшего, что вследствие высокой детской смертности в младенчестве, родители не успевали проникнуться тёплыми чувствами к младенцу, не может быть истинным. Николас Орм утверждает, что к появлению ребёнка готовились как в крестьянской семье, так и в аристократической. Будущая мать, будь она крестьянкой, горожанкой или аристократкой, в момент родов пользовалась услугами повитух, которые были не хуже современных акушерок. Источники свидетельствуют о том, что они советовали роженицам присаживаться, дабы облегчить боль, мазали живот мазью. Есть свидетельства «косвенной помощи» рожавшей со стороны родственников, которые стреляли из лука или открывали сундуки и двери амбаров, имитируя выход ребёнка.

Если всё шло хорошо, то в обязанность повитухи входило перерезание пуповины младенцу, очищение рта и горла от слизи, затем купание ребенка в теплой воде или, в более богатых домах, в молоке или вине (она могла также использовать оливковое масло или масло из лепестков цветов). Тротуло Салерно, женский врач двенадцатого столетия, рекомендовал повитухам мыть язык горячей водой, чтобы гарантировать, что ребенок правильно и рано заговорит.

Затем младенца плотно пеленали льняными полотнами, «чтобы его конечности выросли прямыми и прочными» и клали в тёмный угол, чтобы защитить глаза ребёнка от яркого света.

Нельзя не принимать во внимание высокую степень смертности в средние века. По данным Н. Орма верхняя граница смертности равнялась 50%, а нижняя 30%. Какой процент занимала детская смертность по вине родителей неизвестно, однако, как показывает исследование состояния средневековой медицины и гигиены, большая часть смертей приходилась на младенческие болезни и антисанитарию. Между тем, утверждения сторонников Арьеса, полагавших, что высокая смертность влияла, если не на равнодушное отношение к детям, то на отсутствие пылких чувств к ним, возводится в ранг истины[4:203]. По утверждению Барбары Ханавант, исследовавшей повседневную жизнь средневекового Лондона, к священникам за утешением обращалось большое количество безутешных матерей, которые потеряли своих маленьких детей. Ей удалось исследовать 4000 судебных разбирательств, проходивших в Лондоне в XIV в., среди которых только три случая свидетельствовали о детоубийстве. Однако по этим фактам невозможно установить объективной картины, поскольку это официальные данные, которые не учитывали прерывание нежелательной беременности и случайные смерти. По крайней мере, утверждение сторонников Арьеса об обычной практике детоубийства не могут быть приняты как истинные[1: 168-172].

Следующим шагом в жизни ребёнка становилось крещение. Младенца необходимо было крестить в первые часы или дни после рождения. Крещение выполняло две функции – смыть первородный грех и сделать ребёнка полноправным членом христианского общества. Крещение осуществлялось даже тогда, когда ребёнок рождался мёртвым и даже тогда, когда мать умирала не родив. В этом случае повитуха вскрывала живот и извлекала младенца, которого необходимо было крестить.

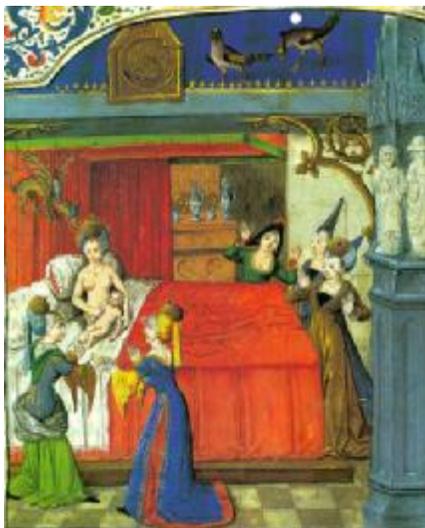
В работах последователей Барбары Ханавант исследуются факты социализации ребёнка, приобщение его к занятиям родителей, а также элементы досуга, игры и праздники. Они приходят к выводу, что период Средних веков это время, когда детство воспринималось как отдельный период, причём средневековые люди понимали его как отправную точку всей жизни.

Нельзя отрицать того, что восприятие детства менялось в период Средневековья: от представлений о том, что это этап исторического развития, определённого Творцом, до признания его как уникального и неповторимого опыта человека. Рассматривая ряд концепций, посвящен-

ных «открытию детства» в истории, и обращаясь к анализу исторических источников, нельзя согласиться с тезисом о постепенном осознании детства как явления, начиная с эпохи Реформации и Просвещения, которые высказывали Ф. Арьес и Л. Де Моз. Под «открытием детства» можно понимать всплеск интереса в общественной мысли, который в эпоху Возрождения ярко проявился в вопросах воспитания, в отношении к человеку вообще и, в частности, и к детству, как к определенному и особому периоду жизни человека, имеющему важнейшее значение для формирования физических и нравственных сторон личности.

Следует согласиться с Л. Полок, которая полагала, что, изучая историю детства, слово «прогресс» использовать некорректно, а источники не дают повода утверждать, что в отношении родителей к детям на протяжении Средневековья и Нового времени происходят какие-либо серьезные изменения. Ее взгляды поддерживают и другие ученые, например, Ю.Л. Бессмертный и Р. О'Дей, а также Н.В. Соколовская считавшие, что родительская любовь и забота о потомстве существовала всегда и Средние века не являются исключением, а также осознание отличия детства от взрослого состояния в рамках семьи существовало задолго до XVIIв.

Однако какие бы полярные точки зрения не высказывали исследователи, главная их цель – установление объективной картины исторического прошлого. Поэтому, обращаясь к изучению детства в период

Роды. Миниатюра XV в.

Средних веков, необходимо учитывать точку зрения Ф. Арьеса и его последователей, а также позиции его противников, в лице последователей Б. Ханавант.

Документы определенно свидетельствуют о том, что особый статус детей существовал и признавался как их родителями, так и городским обществом в целом. Основным источником подтверждающих это сведений служат документы о собственности, наследуемой ребенком после смерти одного или обоих родителей.

По представлению средневековых горожан, невинные дети не должны были отвечать перед Бо-

гом за грехи, а ущерб, нанесенный ребенком, возмещался ответственным за него лицом. Дети считались умственно и психологически неспособными вести свои дела и потому нуждались в постоянной опеке. Такое представление о детях особенно наглядно проступает в сентенциях о некоторых взрослых, где им намеренно даются «детские» характеристики, чтобы отменить необычность их поведения.

Большую часть забот о судьбе сирот принимал на себя клан. После смерти одного из родителей назначался опекун ребенка, обычно родственник со стороны умершего – часто его брат. Только после того как имущество ребенка приводилось в порядок, опекунские права могли переходить к другому родителю. В случае смерти обоих родителей каждый клан назначал своего опекуна. Мать становилась опекуном только с разрешения мужниного клана, который мог и отстранить ее от воспитания детей. В случае материальных затруднений мать иногда сама отказывалась от поддержки и воспитания своих детей, передавая эти права родственникам умершего мужа. Отмечаются случаи и разделения хлопот по попечению, когда младшие дети оставались с матерью, а опекуны брали на себя ответственность за старших детей, или девочки оставались с матерью, а мальчики переходили в дом к мужчинам-опекунам. Но все же чаще дети воспитывались матерью, которая получала материальную поддержку от родственников мужа.

Заботу о детях-сиротах осуществляли и городские должностные лица, причем они несли ответственность даже за тех детей, чьи родители не были жителями Гента, но умерли в городе. Каких-либо запретов для психически и умственно отсталых людей жениться и иметь детей не было, и магистраты заботились о детях таких родителей, а также о детях из малоимущих семей. В случае, если клан не мог подыскать опекуна, то и этим занимались магистраты; они также были призваны пресекать физическое насилие над детьми. Отчимы не были обязаны материально поддерживать и воспитывать детей жены, хотя обычно они это делали. Но чтобы обезопасить ребенка от возможного ущемления его материальных интересов со стороны отчима, городские должностные лица позволяли ему только с их разрешения участвовать в деловых операциях, затрагивающих собственность пасынков.

По мере взросления ребенок постепенно освобождался от подчинения родителям и родственникам. Совершеннолетними считались мальчики с 15 лет и девочки с 12. Фактически же молодые люди освобождались от опеки, когда оставляли родительский дом и женились. Более того, официальное освобождение наступало только после решения клана

о достижении юношей или девушкой определенного уровня «зрелости и мудрости» и подтверждения этого решения городским главой. Видимо, подросток должен был пройти определенные испытания, которые устраивались опекуном или кланом, например, провести пробные торговые операции. В результате этих испытаний и устанавливалась степень его подготовленности к самостоятельной жизни. Поэтому достижение совершеннолетия еще не вело автоматически к эмансипации, и документы фиксируют многочисленные случаи опеки и именованья уменьшительными детскими именами молодых людей, давно вышедших из официального детского возраста.

Дети, как правило, ходили в школу, хотя многие мальчики из бедных семей обучались только ремеслу и были неграмотны. Учителями в школе были в основном мужчины, хотя есть и одно косвенное упоминание об учительнице: в городском суде рассматривалось оказавшее клеветой обвинение учительницы в том, что она влюбилась в своего тринадцатилетнего ученика. Есть сведения о том, что в школу ходили и девочки, но остается непонятным, каким было обучение – смешанным или отдельным.

Поскольку опека ребенка стоила немалых денег, многие дети из семей с низким и средним достатком начинали работать задолго до своего совершеннолетия, прежде всего это касалось детей ремесленников. Однако широкое использование детского труда отнюдь не означало, что улицы города не были наполнены гамом играющих детей, а сорванцы не затевали проказ, от которых шарахались мирные граждане. Один мальчик попал прохожему в глаз стрелой, другой «ужасно вел себя, крал деньги и лошадей», а по вечерам и ночам прохожие наталкивались вдруг в темноте на шумные компании ребят, забавляющихся с охотничьими собаками. После одной из таких закончившейся потасовкой встреч в городе было издано распоряжение, предписывающее родителям держать детей под контролем и не позволять им играть с такими собаками с наступлением темноты.

По некоторым косвенным данным можно судить о существовании эмоциональных связей между родителями и детьми. Детям полагалось слушаться своих родителей. Один отец обязывался оказывать поддержку своим детям, «если они будут хорошими ребятами и будут вести себя в соответствии с пожеланиями отца». У родителей были свои любимчики. Некоторые женщины отвергали помощь и вмешательство членов клана в содержание и воспитание ребенка, если это противоречило интересам ребенка.

Среди документов о детях Гента основная часть касается незаконных детей – бастардов. Их число было очень велико, как поразительно высоким было количество случаев сожителства и незаконных отношений во всех социальных слоях, в том числе и аристократических. Многие мужчины постоянно проживали и вели совместное хозяйство со своими любовницами и незаконными детьми, одновременно продолжая отношения со своими женами и детьми, рожденными в законном браке, и, таким образом, содержали две семьи. Часто бастарды были результатом добрачных связей мужей, результатом увлечений и любви, не санкционированной супружескими законами средневековой церкви. Выражение «дитя любви» – не современная выдумка, оно нередко встречается и в гентских материалах XIV в.

Рождение незаконных детей не сопровождалось моральным позором или общественным порицанием, хотя в правовом и имущественном отношении бастарды ущемлялись. Они, например, не могли наследовать имущество отца. В тех случаях, когда отец желал пожертвовать что-либо своему незаконнорожденному ребенку, он должен был определять сумму дара до того, как законные наследники получают свою часть наследства. Деньги, завещанные отцом бастардам, никогда не переходили матери и ее клану, и за этим следил опекун с отцовской стороны. Вместе с тем бастарды могли наследовать имущество своей матери и родственников с материнской стороны на тех же основаниях, что и законные дети.

При обилии в городе бастардов подчас возникали проблемы с определением права наследования в последующих поколениях, когда для городских чиновников трудным представлялось определить родственный статус наследников.

В ряде случаев не было ясно, является ли законным сам брак, так что неизбежно возникали проблемы с определением статуса рожденных в таких браках детей. Отношение к бастардам в семьях было различным – от полного неприятия до чрезвычайно теплых взаимных чувств между отцами и детьми, которые становились иногда единственной опорой своему родителю в старости. Жены также иногда ненавидели детей мужа, а иногда принимали на себя опекунские обязанности по уходу за ними.

В историографии ведётся спор о том, какие семьи преобладали в городах позднесредневековой Европы – малые или же большие, объединяющие несколько поколений родственников, находящихся между собой в разной степени родства, которые были более традиционными и сдерживали развитие малой семьи. Данные источников показывают, что эти два основных типа семьи не столько противостояли друг другу, сколько находились в сложном взаимодействии.

Население городов было разделено по клановым линиям, построенным на принципах фамильной солидарности и коллективной ответственности. Представители ряда аристократических фамилий имели своеобразную униформу или же носили одежду определенного цвета, по которым сразу можно было установить, к какому фамильному клану они принадлежат. Приоритет клана в решении дел, касающихся его членов, поддерживался городскими должностными лицами. Так, при споре двух родственников суждение выносилось только с учетом решения клана, а в делах о передаче наследства клан мог даже приостанавливать действие соответствующих статей городского закона. В случае убийства родственник клан, к которому принадлежал убийца, должен был уплатить роду умершего «цену крови», даже если убийца уже по закону понес наказание. Защищая себя и своих членов от посягательств извне, клан таким образом выполнял некоторые общественные функции, которые в настоящее время принадлежат правительственным чиновникам. Поэтому с развитием в Новое время государственного аппарата власть клана существенно ограничивается.

Но при всем том главной социальной единицей города XIV в. была малая семья, которая постепенно освобождалась от давления клана. Клан по существу вмешивался в дела малой семьи в ограниченном числе случаев, главным образом тогда, когда требовалось защитить сирот и вдов, когда без этого вмешательства под угрозой оказывалась собственность членов клана, когда решались вопросы наследства. Если же сравнивать современную и средневековую малые семьи, в качестве отличительного признака последней можно выделить ее меньшую замкнутость. Эта относительная открытость зависела от многих причин, среди которых – обилие сводных братьев и сестер, запрет во многих гильдиях брать в подмастерья отцам своих сыновей, необходимость по материальным условиям проживания под одной крышей сразу нескольких поколений родственников.

Глава VII. Мусульманские дети и их воспитание на арабском Востоке

Отношение к детям в арабском мире так же неоднозначно оценивалось, как и в западноевропейском христианском обществе. Здесь были как схожие черты, так и особенные. Сходство проявлялось в отношении к рождению детей женского пола. Рождение девочки в арабском обществе так же, как и в раннесредневековом европейском, рассматривалось как боль-

Роды.

Арабская миниатюра XV в.

стало лучшим исходом для нее. По этому поводу сложилась страшная поговорка: «У кого умерла дочь, и кто купил землю – не в проигрыше». В Коране специально записано, что «богатство и сыновья – украшение здешней жизни...» Мальчику с детства обеспечивалось почетное положение в семье, внушается – он «хозяин» положения дома, продолжатель рода.

Столь отрицательное отношение ислама к рождению дочери объяснялось, прежде всего, различием роли мужчины и женщины в жизни общества. В условиях родоплеменной раздробленности были нужны мужчины как воины для обороны от нападения со стороны других племен, для участия в набегах. Патриархальные семьи с большим числом мужчин в роду или племени пользовались авторитетом. Основное ядро племени семья с большим числом сыновей; такая семья принуждала другие семьи признавать авторитет ее главы (шейха) и спланиваться вокруг него. Рождение сына усиливало семью, рождение же девочки, исходя из ее второстепенной роли в семье, рассматривалось как зло, появление лишнего едока, т.к. девочка начинала цениться лишь тогда, когда была возможность доказать, что она могла родить ребенка, т.е. продолжить род [10].

Посланник Аллаха сказал: «Самое ценное, что дает отец своему ребенку – хорошее воспитание» (Ат-Тирмизи-толкователь хадисов IX в.). Большую роль в формировании подрастающего поколения у мусульман отводилось воспитанию в исламской традиции.

«Для родителей нет более значимого, чем воспитание верующих, а значит, добропорядочных детей», – считается в исламской педагогике. Человек учится на протяжении всей своей жизни, пророк Мухаммад советовал искать и добиваться знаний «с первого и до последнего дня жизни».

шое несчастье для семьи и как неизбежное зло: «...Разве у твоего Господа дочери, а у них сыновья? Разве Он предпочел дочерей перед сыновьями?». По поводу рождения девочки в Коране говорится: «И когда одного из них обрадуют девочкой, лицо его делается черным, и он удручен». Рождение дочери для матери означало, что наказание и проклятие Аллаха ложится на ее голову, на семью.

В мусульманских семьях даже смерть новорожденной девочки считалась

У мусульман считалось, что дети рождаются в состоянии «фитра» (чистоты), а потом их родители воспитывают их верующими или атеистами. Обязанность и долг родителей и педагогов, воспитать детей, так чтобы, повзрослев, они стали верующими деятельными мусульманами. Основной «институт воспитания» у народов ислама для каждого ребенка – это, прежде всего, его семья, и основными «профессорами» являлись его родители.

В основном воспитанием детей в мусульманских семьях традиционно занимались матери. Считалось, что это большое доверие для женщины и одновременно огромная ответственность перед Аллахом за воспитание верующих детей. Если они будут придерживаться своей религии и выполнять нормы ислама, мать получит от него вознаграждение. Именно поэтому в хадисах сказано: «Рай находится под ногами вашей матери» и «Если вас одновременно позвали мать и отец, сначала подойдите к матери». Это еще раз доказывает уважительное отношение к матери.

О важности воспитания детей свидетельствуют многочисленные аяты Корана и изречения пророка Мухаммада. Так, Аллах говорит в Коране: «О, вы, которые уверовали! Остерегайте себя и свои семьи от огня адского, топливом которого служат люди и камни». Также посланник Аллаха сказал: «Чтите ваших детей и хорошо воспитывайте их» (Ибн Маджа (ум.886 г.) автор «Книги Сунны»). Таким образом, по исламской традиции считалось, что Аллахом и Мухаммадом на родителей возложена большая ответственность по воспитанию детей [14].

Тяжесть этого груза, по их мнению, заключалась в том, что дети доверены Аллахом, и в Судный день родители будут отвечать за них перед ним. Воспитание человека наиболее плодотворно в раннем возрасте. Ведь именно в эти годы формируются основы личности. Чем взрослее ребенок, тем труднее он поддается переделке.

Плоды хорошего воспитания доставались ценою большого труда и забот, поэтому в процессе воспитания учитывались следующие аспекты:

1. Религиозный. Здесь подразумевалось приобщение ребенка с самого рождения к иману, обучение его основам ислама и шариата.

Иман – это вера в Аллаха, его ангелов, его небесные книги и его пророков, в Судный день и предопределение судьбы, в то, что все хорошее и плохое происходит по воле Аллаха.

Столпы ислама – это поклонение в форме аш-шахадата, намаза, поста, аз-заката, аль-хаджа и т. д.

Принципы шариата – это комплекс предписаний и норм, установленных Аллахом для людей, уверовавших в него, и регулирующих их поведение, как на уровне отдельного человека, так и на уровне общества.

Все дети рождались с присущей природе человека верой в существование единого Бога. По словам Абу Хурайры, посланник Аллаха сказал: «Все дети рождаются в «фитре» – родители их делали христианами, иудеями или многобожниками» (Аль-Бухари). Фитра означала, что все дети появляются на свет, готовыми принять все. Иными словами, ребенок покидает утробу матери, открывая перед собой двери жизни без навязанных представлений и страстей. Их души подобны чистому листку бумаги, именно родители давали детям представление об окружающем мире, выбирали им религию. Поэтому именно они несли ответственность за будущее ребенка перед всевышним Аллахом.

2. Нравственный. Этот аспект подразумевал комплекс морально-нравственных принципов, которые необходимо прививать ребенку с раннего детства. Эти принципы должны были стать стержнем его психологической личности.

Посланник Аллаха определил основную цель своей великой миссии словами: «Я был послан для того, чтобы усовершенствовать нравственность».

О важности нравственного воспитания свидетельствует и другой хадис, где говорится: «Обучайте ваших детей и домочадцев нравственности и воспитывайте их» (Абд-ар-Разак-толкователь хадисов IX в.).

В результате нравственного воспитания ребенок, растущий с верой в Аллаха, воспитанный в богобоязненности, будет чувствовать его контроль и ответственность за свои поступки. В его психике, несомненно, начнут закладываться фундаментальные морально-нравственные ценности. Он будет отличаться исключительной уравновешенностью, честностью, правдивостью, глубоким чувством любви к своим родителям, братьям, сестрам, друзьям.

3. Физический. Задача этого аспекта воспитания заключалась в формировании сильного, крепкого, здорового человека, который должен был испытывать радость и удовлетворение от той пользы, которую он приносит своей семье и обществу.

Физическое воспитание было направлено на совершенствование организма, укрепление иммунитета, предупреждение заболеваний. Здоровье, с точки зрения ислама, одна из самых больших милостей Аллаха. Мухаммад сказал: «Сильный верующий лучше для Аллаха и более любим Им, нежели слабый» (Абд-ар-Разак). Ислам настоятельно рекомендовал укреплять и сохранять телесное здоровье при помощи физических упражнений, спортивных игр и тренировок.

4. Интеллектуальный. Это сторона воспитания была не менее важна, чем предыдущие. Интеллектуальное воспитание формировала у ребен-

ка стремление к постижению наук и познанию окружающего мира. Главные усилия необходимо было прикладывать к овладению религиозными знаниями, помогавшими достичь покоя и счастья на этом и том свете. О ценности знаний и об обязанности людей постигать исламское учение свидетельствуют многочисленные аяты Корана и хадисы пророка Аллах говорит: «Скажи: равны ли те, которые знают, и те, которые не знают?». Однако нельзя забывать и о других науках. Абу Хурайра передал, что посланник Аллаха сказал: «Тому, кто идет по дороге знаний, Аллах облегчит дорогу в Рай» (Муслим).

5. Психологический. Этот аспект подразумевал воспитание здоровой, устойчивой психики, проявлением которой у ребенка являются смелость, самостоятельность, стремление к совершенству, добру, любви. При правильном психологическом воспитании ребенок становился неуязвимым к ненависти, зависти или неприязни и лишается чувства страха перед кем-либо, кроме всевышнего Аллаха. Он доволен волей своего Господа и постоянно желал снискать его благословение. В нем нет ненависти, зависти или неприязни.

6. Социальный. Задача этого аспекта – приучить ребенка соблюдать общественные нормы поведения. Одним из его основополагающих принципов являлось неукоснительное следование важным правилам человеческого общежития. Необходимо было с раннего детства формировать в ребенке умение и навыки установления социальных контактов и связей. При этом нужно ориентироваться на модель поведения, предложенную пророком Мухаммадом: «...поддерживай отношения с тем, кто порывает их с тобой, давай тому, кто отказывает тебе, и прощай тому, кто притеснял тебя».

7. Половой. Этот вид воспитания подразумевает просвещение ребенка в вопросах пола. Он включает в себя разъяснение сущности взаимоотношений между полами, инстинкта продолжения рода и других вопросов, связанных с браком.

Судя по аятам Корана и хадисам пророка, родителям и воспитателям можно откровенно говорить с детьми о вопросах, связанных с половой жизнью. Цель полового воспитания – прежде всего физическое и моральное здоровье ребенка, а также его просвещение в области разрешенного и запретного в этой сфере человеческой жизни.

Таковы основные традиции исламского воспитания восходящие к раннему Средневековью и дошедшие, с определёнными оговорками до наших дней[9;12;14].

Прививать любовь к религии, по исламским традициям, необходимо было как можно раньше, ведь молиться можно было везде, где есть

чистое место. Очень важно было доходчиво объяснять ребенку о существовании Единого создателя и поклоняться ему. Судьбоносно при воспитании малыша научить его совершать пятикратные моления. При этом надо было сделать так, чтобы выполнение норм религии не превратилось в обузу, а стало добровольным и приятным исполнением обрядов. Значимым элементом являлось научить малышей читать молитву перед сном и поутру, до и после приема пищи. Научить детей быть благодарным к родителям и к Аллаху.

Одним из наиболее важных аспектов мусульманского воспитания детей, являлось объяснение им того что Аллах также доволен их действиями. Согласно исламской традиции, ребенок совершающий грехи прощается Аллахом и если он умирает, то отправляется в рай.

Часто родители пытались начать разговор с детьми об исламе, они сосредотачивались на пяти столпах. Они учили, как совершать намаз, и учили их коротким Кораническим сурам. Это, безусловно, важно, но не надо забывать, что ислам всеобъемлющий путь жизни. Об этом необходимо было говорить ребенку. Когда мать и ее маленький ребенок начинали делать что-то вместе, она могла упомянуть, что отец делает то, что Аллах говорит делать хорошему отцу – работать, заботиться о семье. Она также могла упомянуть, также как и отец, что они стараются для довольства Аллаха, помогая ребенку и семье. Такое упоминание не подразумевало и не предлагало давать целые лекции об исламе. Никакой ребенок не захотел бы сидеть, долго слушая лекцию о чем бы то ни было. Эффективным обучением являлись короткие реплики или истории, которые указывали на исламскую сущность действия. Когда родителю выплачивали закят (ежегодный налог) они должны были сказать об этом детям. Когда они посещают больных, то необходимо было цитировать аят из Корана или хадис, которые рассказывали о том, что это действие нравится Аллаху. Если ребенок выбирал тот или иной поступок, то родители должны были напомнить о том, какой путь будет по нраву Аллаху.

Постоянное упоминание Аллаха, постоянная поддержка в совершении того что правильно, и постоянная хвала и положительная поддержка правильных действий, направляла ребенка на правильный путь, так считалось в исламской педагогике.

По мере того, как дети достигали юности, они начинали задавать различные вопросы, особенно, если дети общались с немусульманами или этническими мусульманами.

Если родители выбирали, какие аспекты ислама применять, а какие игнорировать, то трудно было ждать того, чтобы дети жили чисто ис-

ламской жизнью. Также необходимо было уместно указывать на то, что отклоняясь от исламских норм можно прибегнуть только к проблемам. Если игнорировался этот аспект, то дети так же игнорировали совет.

Много детей знали, как молиться, некоторые понимали важность ежедневной молитвы. Большинство детей могли читать Коран. И только небольшое количество читали Коран для того, чтобы понять его смысл, для нахождения в нем ответов на свои вопросы, т.к. ислам – совершенный путь жизни. Знания (пяти столпов, биография пророка Мухаммада) полезны для того чтобы человек понял, как и почему он должен делать что-то. Факт того, что пророк жил много лет назад, сам по себе является бесполезным. Или факт, что он жил как мусульманин в городе, где было очень мало других мусульман, и подвергся гонениям, бесполезен пока ребенок не понимал, что с помощью этого он смог выжить и добиться успеха в этих условия, то и они могли сделать это же самое. Воспитывая детей в духе исламской традиции, необходимо было обучать их поведению, а не только запоминанию фактов. Вместо того чтобы давать им список фактов, необходимо было приводить пример и указывать на связь с исламом. Так же необходимо было воспитать так, чтобы у ребенка не сложилось ненависти к людям, исповедующих другую религию.

Большое значение в исламе отводилось обучение арабскому языку. На арабском языке написаны многие памятники исламской литературы, написан Коран. Более того, изучение арабского языка необходимо было для общего культурного развития.

Все вышесказанное имело огромное значение для воспитания ребенка. Он видел, что в семье должно было быть уважительное отношение не только к родителям и старшим, но и к сестрам и братьям.

Философия исламского воспитания – это формирование высокообразованных, морально устойчивых, полезных для государства граждан. Именно поэтому в мусульманских семьях воспитанию детей отводилась главенствующая роль.

Ислам, как и другие мировые религии, призывает не убивать, не грабить, не причинять зло другим людям[9].

Таким образом, с момента рождения жизнь ребенка пропитана сетью последовательно идущих религиозных обрядов, которые предписываются и строго контролируются основными нормами мусульманского права.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы особенности гендерных ролей в средневековом обществе?

2. Есть ли схожие и особенные черты в положении женщины на Западе и на Востоке?

3. Какие факторы определяли отношение к детям в христианском и исламском мире?

Источники

1. Антология педагогической мысли христианского Средневековья. Т. II. – М., 1994.

2. Гендерная история Западной Европы: Хрестоматия / Составители Л.П. Репина, А.Г. Суприянович. – М., 2006.

3. Ибн Маджа М. Сунан. – В 2 т. – Казань, 2001.

4. Коран. – М., 1999.

5. Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV вв. / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. – М., 1991.

Литература

1. Hanawalt B. Growing Up in Medieval London The Experience of Childhood in History. – Oxford, 1993.

2. Herlihy D. Medieval Households. – Cambridge, 1983.

3. Orme N. Medieval Children. – New Haven and London, 2001.

4. Ozment S. Piety and Family in early modern Europe. – Ashgate, 2006.

5. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. – Екатеринбург, 1999.

6. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. – М., 1991.

7. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников: Exempla XIII в. – М., 1989.

8. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщины во Франции XII в. // Одиссей. Человек в истории. – М., 1990.

9. Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. – М., 1990.

10. Исаак Ф. Быть мусульманином / Перев. с англ. – М., 2002.

11. Михайлов А.Д. Старофранцузская городская повесть (фаблио) и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. – М., 1986.

12. Харисов Л.А. Ислам: воспитание и образование [О воспитательном потенциале ислама] // Педагогика. – 2001. – №8.

13. Хейзинга Й. Осень средневековья. – М., 1988.

14. Хусейн Ю. Идеалы семьи в Исламе и противоположные ему тенденции. – М., 1999.

РАЗДЕЛ IV. ОБРАЗЫ «ЧУЖОГО», «ДРУГОГО» В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Глава I. Арабы и исламское общество в представлениях европейцев

Средневековая христианская церковь в своей борьбе с исламом за сакральное пространство активно разрабатывало образ врага посредством возведения клеветы на ислам, пророка Мухаммада и мусульманскую общину. Антимусульманская средневековая христианская литература была идеологическим заказом католической церкви, которая видела в исламе главного конкурента в борьбе за человеческие души.

В своих сочинениях церковные писатели тщательно создавали миф об исламе как религии насилия. Они кодировали сознание своих читателей: «ислам – религия насилия».

Средневековые христианские литераторы, используя различные лингвистические средства, представляли средневековому читателю образ мусульман. Мусульман называют «враги Господа», «спутниками дьявола». Себя же они противопоставляют мусульманам как «народ Божий». Мир они видят в двухмерном измерении: силы Зла – мусульмане, силы Добра – христиане. Между тем, современные западные исследователи доказывают, что именно невежество христиан породило искаженные представления об исламе.

Французский исследователь Ж. Дюби писал, что средневековые авторы единодушно придерживались распространенной (хотя, возможно, и ошибочной) точки зрения, что Европа, по определению, есть главный — если не единственный оплот христианства. Отсюда происходит другое общепринятое мнение: нехристианин, проживающий на территории Европы, чужак и захватчик.

Однако у средневековых христианских писателей встречаются строки с позитивной оценкой мусульман. Например, хронист Альберт Аахенский рассказывает, что во время осады Иерусалима крестоносцы захватили в плен мусульманина – «умного, знатного и смелого». Он произвел на христиан большое впечатление, они расспрашивали его о жизни и предлагали обратиться в христианство. Но он решительно отказался перейти в другую веру, и ему отрубили голову перед башней Давида, чтобы посеять страх среди осажденных.

Это подтверждается и тем фактом, что одним из популярных образов мусульманина, часто использовавшегося в западной литературе, был образ Салах-ад-Дина. Личные качества Салахаддина, его веротерпимость, великодушие, военные таланты вызывали восхищение у западных христиан. В сознании средневекового европейца витал романтический образ мусульманского героя. Происходили попытки сделать Саладина «своим» человеком. В литературных сочинениях, особенно старофранцузском эпосе, ему приписывали благородное происхождение (даже возникла легенда, согласно которой он происходил из знатного рода графов Понтье и был христианином). Средневековая литература сохранила множество экзотических легенд, связанных с его образом. В старофранцузском эпосе повествуется о путешествиях, которые он совершал в Европе, в Италии и Франции он встречается с коронованными особами, в Камбрэ он участвует в рыцарском турнире, во время которого побеждает Ричарда Львиное Сердце. Конечно – это все плод воображения средневековых писателей, но в то же время прямой показатель популярности Салахаддина среди христиан.

Однако, несмотря на популярность Салахаддина среди христиан, они его сильно боялись. Так, например, хронист Гийом Тирский называет Салахаддина «страшнейшим врагом нашим». Известно письмо папы Люция III, в котором он называет Салахаддина «страшнейшим преследователем имени святого», который «растревожил самые низкие силы с целью добиться гибели верного народа». При этом Гийом Тирский высоко оценивает военные и прагматические качества мусульманского вождя – «дельный воин», «муж деятельный, предприимчиво действующий во всех делах». Упоминается такое качество Салахаддина, как «щедрость», что, по моральным критериям хронистов, является в высшей степени хвалебной и положительной характеристикой.

Учитывая, какие громадные неприятности он принес крестоносцам, в духе библейской традиции епископ Акры Жак Витрийский называет Салахаддина «бичом Божиим». В то же время епископ признавая положительные качества героя, называет его «человек строгого ума, испытанный в сражениях» [13] .

Арабы практически не были известны европейцам до VII века, когда впервые вторглись в южные провинции Византии. Их знали в Средиземноморье преимущественно как сарацин, т.е. «людей Востока» (от араб. корня аш-шарк). Появление арабов в Сирии, Северной Африке, а впоследствии в Испании и Италии, поэтому было воспринято как еще одно свидетельство извечной борьбы двух миров, Запада и Востока, продол-

жение Троянской и Греко-Персидских войн. Христианская Европа восприняла пришельцев, кроме того, и как одного из многочисленных врагов, угрожавших христианству со всех сторон и не видела на первых порах особой разницы между ними и «примитивными язычниками» с севера и востока (викингами, славянами и мадьярами). Однако латинские авторы не могли не обратить внимания на монотеизм ислама, т.е. его кардинальное отличие от восточного язычества. Поскольку арабская экспансия быстро выдохлась и в битве при Пуатье (732 г.) Карл Мартелл остановил их продвижение по Европе, жители большинства европейских стран довольно равнодушно встретили их появление на международной арене. Этим и объясняется стремление ученой Европы с 700 по 1100 гг. определить лишь их происхождение и родственную связь с уже известными народами. За этот период меняется значение термина «исторические народы» под ними начинают понимать уже не только и не столько жителей Римской империи, сколько бывших «варваров». Широкое применение в историографии этого периода получают схема Евсевия-Иеронима и идеи Аврелия Августина, в соответствии с чем, история понимается как часть истории священной, как ее продолжение и завершение. Все известные европейцам народы имеют свое строго определенное место в этом процессе, вплоть до загадочных серов. Неудивительно, что ближайшей своей задачей латинские авторы ставили привязку мусульман к священной истории. Ключом к тайне сарацин здесь стала Библия, ибо в то время почти исключительно она помогала объяснить происхождение и предпосылки современных событий, в частности, давала возможность найти следы древнейших упоминаний сарацин в ветхозаветной истории и установить их родство с известными народами и религиями. Она же давала ответ и на вопрос о дальнейшей судьбе мусульман, их месте в предстоящем конце всего сущего.

Среди всех авторов тогдашнего латинского христианского мира, использовавших Библию как высокоэффективный интеллектуальный инструмент для разгадки «тайны» ислама, для нас особенно интересен Беда Достопочтенный. Именно он, пожалуй, первым попытался осмыслить место арабов и ислама в мире, его выводы стали основой для латинских авторов вплоть до конца XII в. Беда – один из крупнейших писателей, историков и теологов раннего средневековья, «первый замечательный энциклопедист заальпийского Запада». Его перу принадлежат трактаты по истории, философии, теологии, хронологии, математике, орфографии, астрономии, музыке, грамматике и другим наукам того времени, в которых он собирал «ученость, сложившуюся до него в Европе,

и предлагал ее в доступной форме своим соотечественникам». Наиболее значительным произведением Беды является «Церковная история народа англоv» в пяти книгах, которая не потеряла ценности до сих пор, будучи чуть ли не единственным источником по ранней истории Англии. Она была уже закончена Бедой, но он вносит в нее соответствующую информацию. О сарацинах пишет спокойно и равнодушно. Более обстоятелен он в своих библейских комментариях и некоторых трактатах. Основная идея всех работ Беды Достопочтенного – превосходство христианства над всеми прочими религиями.

Если в «Церковной истории» арабы привлекаются лишь в качестве примера и вся информация о них укладывается в одно предложение, то в своих библейских комментариях он пишет об арабах более основательно и более эмоционально. В частности, детально останавливается он на вопросе о происхождении сарацин. Делает это Беда с помощью Библии и считает их потомками Агари – египетской жены Авраама. Агарь была вывезена из Египта в числе прочих даров, которыми снабдили Авраама египтяне. Имя ее означает «бегство», дано оно было либо в соответствии с пророческим предсказанием, либо благодаря последующему воспоминанию о ее двукратном бегстве из дома госпожи своей. Прошло десять лет с тех пор, как Бог обещал Авраму и Саре многочисленное потомство, а у них все еще не родилось ни одного сына. Сара виноватой считала себя, потому и предложила мужу Агарь. Она основывалась при этом на обычае эпохи: дети мужа от служанки считались законными детьми и принадлежали мужу и жене. Агарь стала как бы женой второго ранга, хотя и была лишь временной наложницей. Впоследствии она стала презирать Сару, ибо на Древнем Востоке, особенно у евреев, многодетность была признаком божественного благословения, составляла фамильную гордость, а бесплодие считалось несчастьем и бесчестьем. Агарь стала непочтительно обращаться с Сарою, поэтому стала Сара упрекать Аврама и тот, в конце концов, отдал наложницу жене. От притеснений Сары Агарь вынуждена была бежать в Египет, но в пустыне Сур (в северо-западном углу аравийского полуострова, теперь известна как пустыня Джафар), на пути между Египтом и Ассирией, ее нашел Ангел Господень и велел покориться Саре, предсказав рождения Измаила[1;11;17].

Эта идентификация проведена была не Бедой, а Евсевием в начале IV в. Непосредственным источником Беды были комментарии на книгу «Бытие» Исидора Севильского. Но Исидор традиционно отождествлял агарян с евреями. Отсюда, по представлениям средневековых христи-

ан, Исаак как сын свободной женщины был прообразом Христа (его потомки и составили Церковь), а Измаил и его потомки были аллегорией евреев. Однако более тщательный анализ Библии позволял под потомками Измаила понимать и сарацин.

Помимо этих способов были и другие, с помощью которых арабов отождествляли с измаильтянами. Беда не первый сделал это, но именно он ввел эту идентификацию в средневековую традицию библейской экзегетики, после него это становится общим местом для латинских авторов. Тем самым Беда ввел мусульман в историю человечества.

Вместе с тем эта идентификация подняла и ряд сложных проблем. Почему эти люди именовались сарацинами, если произошли от Агарь, а не Сары? Греческие авторы (Иоанн Дамаскин и др.) связывали это со словами Агарь: «Сара отпустила меня пустой». Их мнение не было известно в Европе, и латинские авторы давали другое объяснение. Исидор Севильский, например, считал, что либо сарацины ложно объявили себя происходящими от Сары, либо названы так из-за своего сирийского происхождения. Отсутствие злобы по отношению к арабам у Беды и его каролингских последователей, объясняется это тем, что североевропейские авторы обитали далеко от сарацин и от той опасности, которую те представляли. Было множество более близких врагов у стен монастырей, а не на границах христианского мира.

Многие идеи, касающиеся ислама, в период раннего средневековья попадали в континентальную Европу из Испании, которая первой пострадала от арабского нашествия, неудивительно, что там больше размышляли о новой религии. Здесь сложилась специфическая ситуация. Достижения античной мысли и патристики были мало доступны испанским жителям, тогда как блестящая мусульманская цивилизация, ее высокая культура, синтезировавшая и поднимавшая на невиданную высоту достижения подвластных народов, была в их полном распоряжении. Христиан в Испании часто называли мосарабами. Существовало даже мнение, что завоевание Испании арабами – это Божья кара за нечестивый образ жизни. В этих условиях на полуострове складывается группа христиан, вставших с целью протеста против засилья ислама на путь мученичества. Во главе их были епископ Толедо Евлогий и мирянин Павел Альбар. Они обвиняли христиан в трусости и поддержке врагов веры. Волнения в испанской церкви продолжались до конца IX века.

Павел Альбар отстаивал мысль о том, что господство ислама – подготовка к окончательному приходу Антихриста. В Испании, ставшей жертвой арабской экспансии, эта мысль стала практически общим ме-

стом. Поэтому П. Альбар истолковывает книгу Даниила в соответствии с событиями, происходящими вокруг него. Слова Даниила о том, что четвертый зверь будет четвертое царство на земле, которое будет отличаться от всех царств и уничтожит всю землю, и задавит ее, и разнесет на куски, он понимает традиционно, считая, что речь идет о Римской империи. А десять рогов значат, что из этого царства восстали 10 царей – варваров, которые разрушили Римскую империю, а другой, отличный от других, разрушит царство всех. Альбар увидел здесь самого Мухаммеда, утверждая, что ислам будет процветать 3,5 периода по 70 лет каждый, т. е. 245 лет. Писал книгу Альбар в 854 г., а начало мусульманской эры относится к 622 г. (год хиджры, т. е. переселения Мухаммеда в Медину), следовательно, конец совсем близок. Альбар, возможно, даже начинал мусульманскую эру с 618 г.

Правоту Альбара подтверждала история: в 852 г. умер эмир Кордовы Абд-ар-Рахман III и ему наследует Мухаммед I. Неудивительно, что многие испанские христиане легко поверили Альбару. В это же время епископ Евлогий нашел в одном из наваррских монастырей около Памплоны жизнеописание Мухаммеда, созданное на основе византийской традиции. В нем, в частности, говорилось, что Мухаммед умер в 666 году испанской эры. Это было воспринято как еще одно подтверждение апокалиптической роли мусульманского пророка.

Итак, и в Испании, как в континентальной Европе, христианские авторы мало знали и понимали ислам, хотя находились практически в центре этой культуры.

Первая причина этого – нежелание знать, игнорирование. Второй причиной является плохое знакомство с мусульманской литературой, в силу чего христиане предпочитали черпать информацию из скупого и недостоверного сочинения о Мухаммеде и, конечно же, прежде всего из Библии, чем из Корана. Фанатизм стимулировал поиски доказательств своих взглядов, хотя и невежественных, а не стремление узнать и понять учение Мухаммеда. Этот «период невежества» будет продолжаться до Крестовых походов. Один из ученейших людей северной части Европы, современник Альбара Пасхасий Радбертус, обсуждая в своих обширных комментариях к Евангелию от Матфея проблему «последнего дня», упоминает сарацин, но уже не для того чтобы доказать, будто они являются воплощением Антихриста, а чтобы продемонстрировать пределы триумфального шествия Слова Божьего не только до западных островов (Британия и Ирландия), но и до сарацин, которые отвергли его. Радульф Глабер в «Истории своего времени в пяти книгах» опи-

сывает эпизод из жизни клюнийского аббата Майолуса (972 г.). Тот был взят в плен сарацинами, случайно уронил Библию и один из арабов наступил на нее ногой, но «оскорблением пророков» возмутились остальные сарацины. Глабер добавляет, что сарацины верят, будто ветхозаветные пророчества воплотились в Мухаммеде и выводят его происхождение от Измаила подобно генеалогии Христа в начале Евангелия от Матфея. Действительно, христиане считались у мусульман «людьми Писания» (ахл ал_Китаб), но «нарушителями закона». В Коране (Сура 3 Семейство Имрана, 71/64) христиане обвиняются в том, что исключили из священных книг упоминания о Мухаммеде и его миссии в качестве последнего пророка.

Библия активно используется для доказательства того, что ислам – это пародия на христианство. Если христиане верят в Троицу, то мусульмане поклоняются Троице извращенной, абсурдной, состоящей из Аполлена (Аполлона), Тервагана и Магомета. Если христиане почитают основателя своей религии, то мусульмане поклоняются антиподу Христа, т.е. Мухаммеду, и выполняют обряды, извращающие обряды христианские, которые для развращенного народа установил извращенный пророк. Оттон Фрейзингенский, хронист XII в., выразит эту мысль так: «известно, что все мусульмане почитают единого Бога и признают ветхозаветный закон и обрезания. Они не нападают ни на Христа, ни на Апостолов. В одном лишь далеки они о спасения – в отрицании Иисуса Христа как Бога или Сына Бога и в почитании соблазнителя – Магомета, как великого пророка верховного Бога». Папа Иннокентий III (1160 – 1216 гг.) в 1213 г. в своей речи сделает из всей традиции категоричный вывод о том, что сарацины – это зверь из Апокалипсиса, «число которого 666» и будет доказывать, что конец его близок, ибо почти 600 лет из этого числа прошли (отсчет от 622г. или 632г., года смерти Мухаммеда).

На примере интерпретаций Беды Достопочтенного и испанских авторов видно, что раннесредневековая литература по исламу создавалась преимущественно теологами, информация отбиралась предвзято, факты сознательно или бессознательно искажались. Преобладали религиозно-идеологические мотивы, ибо надо было найти религиозное обоснование исламу и его основателю. Если для христианства вся цепь пророчеств и откровений есть постепенная подготовка к кульминации мировой истории, то Мухаммед через шесть веков заявил о себе как о подлинном завершителе пророческого цикла, более того, он утверждал, что ему ниспослана вся полнота божественного откровения. Он отверг некоторые фундаментальные догматы христианства. Неудивительно, что

в Европе сформировалось представление об исламе как ереси и о Мухаммеде как ересиархе. Самого Мухаммеда считали часто даже дьяволом, свидетельством чему шотландское слово *tohound* (дьявол), являющееся искажением его имени. Ислам был верой врагов Европы и неудивительно, что постепенно сформировался искаженный образ ислама. По мнению Филиппа Хитти, «любое сходство между конечным образом ислама, сформированным европейским сознанием, и действительностью – чисто случайно». Рене Генон добавляет, что искаженный образ ислама явился в немалой степени и результатом европейского шовинизма, сознательного стремление замолчать роль мусульманской культуры в развитии Европы.

Мусульмане, захватившие все Южное и Восточное Средиземноморье, оттеснили христиан от общения с остальным миром, мусульманское окружение создало некую «мусульманскую стену». Кругозор европейцев практически до самого начала Крестовых походов не менялся. Вильям Мальмсберийский (1090 – 1142 гг.) считал, что весь мир, кроме Европы, принадлежит мусульманам. Петр Достопочтенный (сер. XII в.) полагал, что ислам исповедует треть или даже половина народов всего мира. Однако, после захвата монголами Азии, европейцы воспрянули духом. Интеллектуалами того времени было предложено несколько вариантов возможного дальнейшего развития событий. Один, первый по времени, основывался на идее возможного военного союза с монголами против мусульман. Европа вначале довольно равнодушно отнеслась к известию о появлении татар, не видя в них отличия от других кочевников.

О том, как плохо представляли европейцы, кто такие монголы, говорит и то, что, узнав о их появлении, автор «Хроники монастыря св. Эдмунда» Джон из Тэкстера предположил, что это «нечестивое» племя пришло с неких «островов» и затем «наводнило поверхность земли». Составители «Анналов Тьюксберийского монастыря» продолжили традицию Беды Достопочтенного и монголов тоже отнесли к «сынам Измаиловым», «вышедшим из пещер числом до 30 миллионов и более». Подобная позиция дольше сохранялась на Востоке.

Появление татар в Европе было воспринято в традиционном духе как естественное и неизбежное наказание за «грехи мира», но под последними понимались уже те кризисные явления, которые связаны были не с абстрактными грехами, а с вполне конкретными негативными явлениями в общественной и хозяйственной жизни Европы XIII века.

Монголы не казались европейцам опасными по разным причинам. Во-первых, в предложенной в свое время Аврелием Августином клас-

сификации народов в соответствии с их отношением к христианству (1 – знают и хотят знать, 2 – не знают, но хотят знать, 3 – знают и не хотят знать, 4 – не знают и не хотят знать) эти племена явно должны занимать либо второе, либо даже первое место, ведь среди них было немало христиан. Во-вторых, монголы оказались в стороне от традиционной библейской альтернативы «люди, вошедшие в Завет – люди, не вошедшие в Завет». Под второй категорией в это время понимались «измаильтяне» или «агаряне», т. е. арабы, мусульмане. В-третьих, они располагались все-таки далеко от границ христианского мира. И, наконец, в-четвертых, они явно враждовали с арабами, европейцы надеялись, что враг врага вполне может стать другом. Именно этот первый вариант и был испробован в первую очередь. Задуманный еще Иннокентием III пятый крестовый поход состоялся в 1217 – 1221 гг. И папский легат Пелагий, по сообщению арабского историка Ибн аль-Алефа, начал переговоры с Чингис-ханом, вторгшимся в Персию. Усиленное муссирование слухов о государстве пресвитера Иоанна наводит на мысль, что желание военного союза христиан и монголов не казалось необычным.

Неудачи крестовых походов в XIII в. помимо внутриевропейских причин, были обусловлены и внешними факторами, в частности, возросшим могуществом египетского султаната, который, по сути, занял в то время ведущее положение в арабском мире. Но египетские мамлюки нанесли жестокое поражение и монгольским отрядам. Этим в значительной степени объясняется взаимная заинтересованность предводителей крестоносцев и монгольских ханов в создании антиегипетской коалиции.

Первыми активность, естественно, проявили римские папы. В середине XIII в. на восток отправляется сразу несколько миссий. Именно папа Иннокентий IV в 1245г. направил в Каракорум к великому хану Гуюку миссию францисканца Джованни Плато Карпини. В 1249г. в путь на восток отправилось французское посольство Андре Лонжюмо от короля Людовика IX Святого. Потерпевший в 7 крестовом походе поражение французский король активно поддержал усилия папы Иннокентия и отослал к преемнику Гуюка хану Мункэ в 1253г. доминиканско-францисканскую миссию фламандца Гийома Рубрука уже с прямым предложением антимусульманского союза, но хитрый монгольский правитель потребовал невозможного, а именно подчинения Франции монголам. Причины столь массивного дипломатического «наступления» Запада разнообразны. Кроме прощупывания возможности военного союза, являвшегося в их сознании скорее перспективой, чем реальностью, европейцы хотели разузнать ближайшие планы «завоевателей

мира», их реальные и потенциальные силы. Завоевание обширных районов Азии и поход в Юго-Восточную Европу (1222 – 1224 гг.) произвели столь сильное впечатление, что о монголах стали говорить как о величайшем бедствии человечества. По всем городам Европы служили молебны об отвращении страшной опасности. Можно предположить, что монахи должны были выяснить также возможность проповеди христианства среди монголов. Идея миссионерской деятельности уже достаточно широко была распространена в Европе, ее высказывали по разным причинам и с разной целью толедский архиепископ Евлогий (IX в.), аббат Ключнийского монастыря Петр Достопочтенный (1095 – 1156 гг.), Фома Аквинский и Франциск Ассизский в XIII в.

Во второй половине XIII в. уже монгольские ильханы Хулагуидского улуса, охватывавшего Иран, Ирак, Закавказье, стали оббивать европейские пороги. Хулагуиды ведут активные дипломатические переговоры с римскими папами Климентом IV, Григорием X, Николаем III, с Генуей и королями Англии и Франции. В 1287 – 88 гг. посол ильхана Аргуна несторианский монах, уйгур по происхождению Раббан Саума побывал в Риме, Генуе, Франции. Его попытка сколотить антиегипетский союз не удалась.

Отношения монголов с Европой принимают более спокойный характер в конце XIII в. В 1294 г. в столицу юаньского Китая Даду (монг. Ханбалык) прибыл посланец папы Бонифация VIII Дж. Монтекорвино. Хубилай (Шуцзу) получил разрешение остаться в столице и построить там церковь.

В 1298 г. вышла в свет «Книга» венецианского купца Марко Поло, который долгие годы провел в Китае и сообщил об этой стране самые невероятные и фантастические сведения. С этой книги начнется новый этап в развитии интереса Европы к Востоку.

На восприятие же европейцами монголов в целом повлиял целый ряд факторов. Прежде всего, это та опасность, которую представляли монголы. Если появление арабов в 8 в. почти вся Европа восприняла равнодушно и Беда Достопочтенный пытался понять их лишь с точки зрения эсхатологии, теперь европейцы применили к пришельцам те методы, с помощью которых они анализировали внутривосточные конфликты. Вопрос о татарах был даже специально поставлен на Лионском соборе 1245 г. наряду с другими острыми политическими проблемами, такими как борьба с германским императором Фридрихом II, походы в «Святую Землю», судьба Латинской империи.

Особо следует подчеркнуть и то, что анализ ведется теперь, как правило, с учетом развития экономических, а не идеологических процес-

сов. Появление иноземцев для формирующейся городской экономики казалось большей катастрофой, чем для «деревенской» Европы VIII в. Потому Европа и старается просчитать все возможные варианты изменения внешнеполитического положения континента. К тому же принцип расчета и выгоды уже выходит на первое место в европейской системе ценностей. От рационального ведения хозяйства происходил переход к рациональной организации государства. Появлялись сложные органы управления и контроля, система налогов и государственного кредита, формировалась политика, взвешивающая все мыслимые факты и возможности, даже характеры политических деятелей, в ранг высокого искусства возводилась изворотливая дипломатия. Идет процесс перерастания средневековых народностей в нации и уже не только и не столько на этнической, сколько на экономической основе формируется нравственно-политический принцип патриотизма.

Рационализм широко проникает и в область идеологии. Еще Иоанн Скотт Эриугена (810-877 гг.), крупнейший представитель неоплатоновского движения в средние века, создатель пантеистической онтологии, выдвинул принцип свободного поиска истины с помощью разума. Идеи Беренгария Турского (1010 – 1088 гг.), Пьера Абеляра (1079 – 1142 гг.), Ибн Рошда (Аверроэса, 1126 -1198) и Сигера Брабантского (1240 – 1284 гг.) закладывали основы принципа религиозного плюрализма, первые проявления которого имелись в учениях катаров и альбигойцев, равенства религий и возможности их независимого сосуществования. Один из первых серьезных кризисов средневекового христианства, имевший место именно в XIII веке и вызванный формированием городской культуры, внушительной интервенцией мусульманского свободомыслия, антиалмудической критикой мистиков-каббалистов, затронувших и ряд общих с христианством догматов, возродил интеллектуальные поиски «истинной философии» первых веков нашей эры. Неудивительно и появление в этих условиях такой фигуры, как Роджер Бэкон (1214 – 1292 гг.). Этот «ученый, вызывающий удивление», пытался получить истинную картину мира в результате синтеза сведений из всевозможных наук. Одним из источников науки для него является «философия древних», т.е. античная культура и мораль.

Традиционно он дает описание трех частей света Европы, Азии и Африки и ссылается на античных авторов (Аристотеля, Плиния и др.), но основной фактический материал берет у своих современников – францисканских монахов Иоанна де Плано Карпини и Гийома де Рубрука. Однако бесхитростные и во многом наивные рассказы Карпини и Рубрука

он анализирует очень тщательно и компонует материал так, что тот лишь подтверждает его научную концепцию. Отказываясь, по существу, от использования Библии в качестве единственного ключа к тайне происхождения татар, он привлекает сведения античных и прежде всего современных авторов. Происхождение этого народа, который «теперь очень известен и попирает мир ногами своими», он связывает с подвижками племен в Центральной Азии и, в частности, с историей государства каракитаев (1124-1218 гг.). Государственное устройство и состояние наук у татар Бэкон оценивает весьма высоко, предполагая, что по уровню своего развития они мало уступают европейцам, а в чем-то даже превосходят их, «ведь предводители там управляют народом с помощью прорицаний и наук, которые сообщают людям о будущем, или являются частями философии, как астрономия и наука об опыте, или магическими искусствами, которым предан и которыми пропитан весь восток». На страхи Европы он, отталкиваясь от рациональных доказательств, отвечает, что «татарское нашествие еще не является признаком того, что грядет время пришествия Антихриста, но требуются и другие доказательства, дабы объяснить последствия». Подробно описывает Бэкон и конфессиональную ситуацию, давая исчерпывающие для XIII в. сведения о религии и верованиях «татар» и других центрально-азиатских племен и народов, о различных христианских общинах и сектах в Азии, о религиозной политике монгольских правителей. Пытается он понять и причины возвышения тех или иных племен, то говоря о неожиданно возникающей «страсти к владычеству», то связывая это с численным ростом восточного населения и, как следствие того, борьбой за пастбища и уголья.

Искаженный образ ислама

Первыми европейцами, проявившими подлинное понимание ислама, были те, кого мы назвали в числе переводчиков. В начале XII в. Педро де Альфонсо, обращенный в христианство иудей, посвятил один из своих Диалогов полемике с Исламом. По точности информации об Исламе, это бесспорно выдающийся труд, однако он мало повлиял на формирование представлений о мусульманстве. Более важными оказались переводы, выполненные двумя учеными астрономами Робертом Кеттонским и Херманном Далматийским, который они предприняли по поручению Петра Достопочтенного около 1142 г. На базе этих переводов, главным образом на основе принадлежащей перу Роберта, латинской версии Корана, сам Петр Достопочтенный составил свод мусульманского вероучения (*Summa totis haeresis Saracenorum*) и опровержение его (*Liber contra sectam sive haeresim Saracenorum*). Эти два сочинения вме-

сте с заказанными для Петра Достопочтенного переводами, известными как Толедский сборник, или Корпус Ключи, были первыми на латыни (не считая только что названного Диалога) научными трудами по исламу. В Summa особенно заметно отсутствие тех грубых ошибок, которые до той поры были распространены в Европе, что показывает, каким важным шагом вперед она была. Вместе с тем именно это сочинение сыграло важную роль в создании представления об исламе.

В течение двух последующих веков к этому представлению был добавлен ряд деталей, но к тому моменту, когда Риколло де Монте-Кроче (ум. 1321 г.) написал свой «Спор с сарацинами и Кораном», оно было сформулировано полностью.

Средневековое представление об исламе отличается от современного в следующих четырех пунктах: а) мусульманская религия – ложь и сознательное искажение истины; б) это религия насилия и меча; в) это религия потворства своим страстям; г) Мухаммад – Антихрист[20].

Представление европейцев о том, что ислам – ложь и сознательное искажение истины, основывалось на следующих принципах.

Во-первых, библейская концепция Бога и человека настолько доминировала в представлениях средневековых европейцев о природе, что они просто не представляли себе возможности других взглядов. Соответственно во всех тех случаях, где мусульманское учение отличалось от христианского, оно считалось ложью. Один из авторитетнейших мыслителей средневековой Европы XIII в. Фома Аквинский кроме плотских соблазнов ислама указывает на неубедительность свидетельств и аргументов, в Коране на смешении истинного с недостоверным и ложным, на отсутствие чудес, которые подтверждали бы претензии Мухаммада на пророческий сан. Его первые последователи описываются как люди не искушенные в божественных делах, но *bestiales*, обитающие в пустыне – подразумевается, что они некритически воспринимали подобные претензии. Однако этих последователей оказалось так много, что Мухаммаду удалось военной силой принудить остальных обратиться в мусульманство. Вопреки заявлениям Мухаммада, что его приход предсказан в Библии, изыскания Фомы показывают, что пророк искажает все свидетельства Ветхого и Нового Заветов.

Фома Аквинский и большинство других авторов удовлетворялись заявлениями, что Мухаммад смешивает истину с ложью, однако некоторые шли дальше, заявляя, что если он и говорил когда-либо правду, он смешивал ее с ядом, искажая ее.

Эта часть представлений об Исламе подразумевает существование некоего контрастного образа христианства. Библия рассматривается как чи-

стое, несфальсифицированное выражение божественной истины, обличенное в совершенную форму, действенное для всех времен и народов. Христианское вероучение считается обращенным к разуму людей зрелых, образованных и культурных, оно зиждется на исторических свидетельствах.

Ещё одним распространённым представлением об исламе было его видение как религии меча и насилия.

Непременным правилом религии сарацин считалось стремление грабить, забирать в плен, убивать врагов их Бога и их пророка, преследовать и уничтожать их всячески Педро де Альфонсо. Один апологет крестовых походов, Гумберт Романский дошел даже до утверждения, что они так ревностны в своей религии, что, где бы они ни захватывали власть, безжалостно обезглавливают всех, не исповедующих их веры.

В этом отношении европейское представление об исламе далеко от истины. На самом деле выбор между исламом и мечом не ставился ни перед иудеями, ни перед христианами или представителями другой известной религии, он был применим только для идолопоклонников и вообще был редко применяем за пределами Аравии. Военная активность мусульман, описаниями которой полны все исторические труды Средневековья, вела лишь к политической экспансии, обращение же в ислам производилось с помощью проповеди или общественного давления.

Представление об исламе как о религии насилия также подразумевает контрастный образ христианства как религии мира, распространяемой убеждением. Удивительно, как люди, участвующие в Крестовых походах, могли допускать, что их собственная вера – религия мира, а вера их противников – религия насилия. Некоторые авторы, правда, понимали, что концепция религии мира была скорее идеалом, чем реальностью, но в качестве аргумента выдвигали довод, что несоответствие плохих христиан идеалу не является препятствием для самого христианства. Вероятно, этот парадокс может быть объяснен, если напомнить, что целью крестовых походов было не насильственное обращение врагов в христианство, а, как указывал позднее Фома Аквинский, предотвращение возможности неверным помешать христианской вере. Возможно, сюда входило и возвращение исконно христианских земель [20].

Не менее часто ислам представляли в средневековой Европе как религию потворства телесному. В глазах средневековых европейцев ислам был именно такой религией, особенно в вопросах пола. Многоженство занимало видное место в представлениях об исламе. Часто считалось, что для мусульманина единственным ограничением количества жен служило его материальное положение. Авторы, которые не могли не знать, что число

разрешенных исламом жен не превышает четырех, тем не менее, говорят о семи или о десяти. Стихи Корана часто переводились неверно, чтобы внести предосудительный сексуальный оттенок там, где его заведомо не было. По меньшей мере, один автор отыскал в Коране стих, по его мнению, разрешающий блуд. Остальные, казалось, находили удовольствие в преувеличении деталей сексуальной жизни мусульман. Противоестественные, или скотские виды половых сношений между супругами якобы поощрялись и широко практиковались в исламе. Полагали, что Коран даже позволяет мужеложство. Вершиной мусульманской половой распущенности некоторым представлялась кораническая картина рая. Особое внимание уделялось гуриям, этим чернооким девственницам, предназначенным для удовлетворения желаний праведников, – что считалось особенно скандальным. Строгой критике подвергалась супружеская жизнь самого Мухаммада, хотя зачастую эта критика основывалась на преувеличениях и ложных послышках. Отдельные детали этой средневековой картины основаны на фактах. Мусульманин может иметь четыре жены и сверх того наложниц. Он может развестись с женой, не объясняя причин развода. Однако и браки, и разводы отнюдь не случайны, они тщательно регулируются правовыми процедурами. Прелюбодеяние состоящих в браке лиц наказывают, побивая виновного камнями (как в Библии), но вынесение приговора настолько осложнено предварительными условиями, что редко осуществляется. В кораническом раю действительно предусмотрены гурии, чистые супруги, но наивысшая радость там состоит в лицезрении Бога. Таким образом, средневековое представление о мусульманских нормах половой жизни в значительной мере карикатурно.

С точки зрения европейцев, мусульмане предавались своим страстям и в других отношениях. Красивая жизнь мусульманской Испании и Сицилии неизбежно представлялась средоточием пагубных соблазнов тем, кто не мог вкушать подобной роскоши. Коран якобы учил людей нарушать клятву, когда им это было угодно, и сулил людям рай не за добрые дела, а лишь за прочтение шахады (мусульманский символ веры). Считалось также, что вера в судьбу, распространенная среди мусульман, служит оправданием лени и бездеятельности. В этом отношении также представления об Исламе сочетали истину с ложью. Ислам выступает против монашеского образа жизни, и если безбрачие и встречалось среди мусульман, то в нем не видели никакой особенной доблести. Большинство прочих форм аскетизма, однако, одобрялось. Пост в месяц Рамадан является большим испытанием стойкости и до сих пор практикуется населением стран, где преобладает мусульманство.

Этот аспект представлений об исламе подразумевал, что христиане не предаются своим страстям. Действительно, христианский идеал выражался в моногамном браке длиною в жизнь, что касается половой близости, то она, по общему мнению, даже в браке не считалась большой добродетелью – человеческие средства воспроизводства существуют для продолжения рода, а отнюдь не для наслаждения.

Некоторым европейским исследователям ислама мало было заявления, что в Коране много лжи, а Мухаммад вовсе не пророк. Петр Достопочтенный принял идею некоторых византийских теологов, что Ислам – христианская ересь. Он утверждал, что Ислам еще хуже ереси и что мусульман следует приравнять к язычникам. Основой христианских воззрений по этому поводу служило следующее рассуждение: поскольку Мухаммад, не будучи пророком, все-таки основал новую религию, значит, он откровенно поощрял зло; следовательно, он является либо орудием, либо посланцем дьявола. Таким образом, ислам оказывался абсолютно противоположным христианству.

Вот таковы четыре основных аспекта искаженного образа ислама, сформировавшегося в Европе между XII и XIV вв., от которых неотделимы соответствующие аспекты контрастирующего образа католического христианства. Поскольку жители Западной Европы думали о себе именно так, этот подразумеваемый образ можно назвать образом Западной Европы. Христианство считалось абсолютной религией, привлекавшей к себе людской разум. Это была мирная религия, обращавшая людей в свою веру убеждением, религия аскетизма, умерщвлявшая все плотские побуждения. Этот образ, возможно нигде не декларировался в таком виде, но он подспудно присутствовал в образе Ислама[20].

Возможность дать систематическое и рациональное представление о христианской вере была всесторонне продемонстрирована мыслителями XII – XIV вв., в особенности Фомой Аквинским, хотя возможно, что своим современникам он не казался таким из ряда вон выходящим теологом, как нам. Интеллектуальная структура, разработанная Фомой Аквинским, завершала процесс, который протекал более ста лет. За это время арабская наука и философия дали Европе новую концепцию мира. Эта наука стимулировала существовавший и раньше интерес к практике, и из отвлеченных научных штудий выросла новая, более широкая космологическая и метафизическая система. Хотя теология не основывается прямо на космологии, человек долго не может терпеть разительное несоответствие между своей космологией и своими религиозными верованиями. Поэтому европейские теологи принялись приводить в со-

ответствие христианскую доктрину и эту новую науку. Фома Аквинский, как и многие другие, воспринял все, чему учили арабы, особенно то, что сохраняло аристотелианские формы. Используя работы своих предшественников, он создал удивительно стройную систему взглядов, в которой гармонически сочетались философия и религиозная доктрина. Так, претензия христиан, что их вера вызывает к человеческому разуму, была удовлетворена.

Следует подчеркнуть, что Фома Аквинский полностью сознавал значение существования ислама у границ христианства и содержащийся в этой ситуации вызов. Во второй главе *Summa contra Gentiles* он заявляет, что его целью было полностью выявить истину, проповедуемую католической верой. Он идет еще дальше, указывая, что если против иудеев и еретиков можно использовать доводы Библии, то в борьбе с мусульманами и язычниками нужно прибегать к научным доводам. Однако он считает, что научные доводы не могут доказать все христианские доктрины, хотя и способны продемонстрировать, например, существование и единство Бога. Что же касается тех христианских доктрин, которые превышают компетенцию научных доводов, таких, например, как догмат Троицы, то тут можно показать, что возражения против них не подтверждаются разумом. Таким образом, ясно, что цель труда – апологетическая защита христианской веры против возражений и критики, защита основанная на доводах натурфилософии без предположения, что противник принимает Библию. Следовательно, сама форма этого сочинения определена существованием ислама как проблемы для Западной Европы. Христианство же представлено в нем как структура, превосходящая не только Ислам, но и воззрения таких философов как Авиценна и Аверроэс.

Существенным представляется и то обстоятельство, что как философия томистов, так и более поздние европейские философские течения приписывают Аристотелю главенствующее положение. Классические науки никогда не умирали в Европе полностью – ведь латынь продолжала оставаться языком учености. В меньшей степени был известен греческий – в основном благодаря контактам с Византией. В XII в. были предприняты некоторые переводы Аристотеля и Платона непосредственно с греческого. Но наиболее влиятельной фигурой в философии того времени был Авиценна; новейшие исследования показывают, что роль его была еще более важной, чем до сих пор предполагалось, – возможно потому, что его учение было близко платоновскому направлению христианской философской мысли. XIII в.

принес увеличение влияния Аристотеля, что в основном явилось следствием переводов сочинений Аверроэса, среди которых было несколько комментариев к сочинениям Аристотеля. Европейцев привлекали у Аристотеля не только специфические черты его философии, но также тот факт, что он принадлежал в каком-то смысле к собственно европейской традиции. Иными словами, предоставление Аристотелю главного места в философии и науке также следует рассматривать как один из аспектов стремления Европы противопоставить себя исламу. Чисто негативный отход от Ислама – тем более, когда в арабской науке и философии было заимствовано так много, – был бы трудным без позитивного вклада. Таким позитивным вкладом было обращение к классическому (греческому и римскому) прошлому Европы.

Иллюстрацию одной из стадий процесса, в ходе которого Европа пыталась отгородиться от мусульманского мира и идентифицировать себя с классическим наследием дает Данте. Возможно, что некоторые основные концепции «Божественной комедии» почерпнуты в мусульманских источниках и что Данте сознавал, что Европа обязана арабским философам. Но примечательно, что в своем великом творении он проявляет относительное пренебрежение к Исламу, отличие от Ислама отмечено тем, что Мухаммад помещен в аду среди раскольников, но о нем говорится гораздо меньше, чем об античном Улиссе. Вклад арабских философов удостоверяется присутствием Авиценны и Аверроэса в преддверии ада, но их там лишь двое, тогда как греков и римлян – добрая дюжина, и возглавляет семью философов Аристотель, учитель известный всем. Позитивная же часть сочинения вся пронизана отсылками к классике, и ведет Данте не кто иной, как Вергилий.

Следующую стадию этого процесса можно наблюдать уже во времена Ренессанса. Былое восхищение всем арабским сменилось отвращением. Итальянский ученый Пико делла Мирандола (1463-1494 гг.), который сам хорошо знал арабский, арамейский и древнееврейский, вначале одного из своих трудов говорит: Во имя неба, оставьте нам Пифагора, Платона и Аристотеля и забирайте своего Омара, своего Алкабитиуса, своего Абензоара, своего Абенрагеля!. В XIII – XIV вв. в университете в Саламанке (также как в Болонье, Оксфорде, Париже и Риме) существовала должность преподавателя арабского языка, но в 1532 г., когда ученый из Нидерландов заинтересовался в Саламанке преподаванием этого предмета, один известный испанец ответил ему: Какое тебе дело до этого варварского языка? Достаточно знать латынь и греческий. В молодости я был так же глуп, как и ты, и занимался арабским и

древнееврейским, но я уже давно их забросил и всецело обратился к изучению греческого. Позволь и тебе пожелать того же .

В открытую конфронтацию мир западноевропейского Средневековья вступил с арабским исламским Востоком в период крестовых походов.

Если рассматривать крестовые походы как серию войн между западным христианством и мусульманским миром, естественно полагать, что они занимают одинаковое место в европейской и мусульманской истории, – но это далеко не так. Страны восточного Средиземноморья, которых на деле коснулись крестовые походы, были в то время раздроблены между мелкими правителями, видевшими основную цель в том, чтобы удержать свое собственное положение и разбить своих местных соперников. У них не было причин объединяться против франков, а порой, некоторые из них даже заключали с франками союзы против мусульман. Именно отсутствие единства среди мусульман позволило крестоносцам достигнуть определенных успехов. Основной мусульманской державой ко времени падения Иерусалима был Сельджукский султанат, под контролем которого находился Багдад и большинство восточномусульманских культурных центров. Но столицей султаната был Исфахан – город в шести неделях пути от театра военных действий. Естественно, что в Исфахане никто не беспокоился по поводу вторжения на сравнительно небольшой и такой далекой территории. Легко заметить, как мало значили крестовые походы для великого мусульманского историка ибн Халдуна (ум. 1406г.). Единственным упоминанием о крестовых походах в его пространном Введении в историю (Мукаддима) служат несколько абзацев о морском контроле над Средиземноморьем и две-три фразы о мечетях и священных зданиях в Иерусалиме.

Неспособность понять эту разницу в значении крестовых походов для Европы и мусульманского мира привела известных европейских историков к преувеличению влияния крестоносцев на жизнь мусульман. Например, утверждали, что крестоносцы привели к распаду Аббасидского халифата и отвлекли мусульман от должного сопротивления монголам. Подобные утверждения весьма слабо обоснованы. Аббасиды практически не имели политической власти уже к 945 г., может быть, воспрянув несколько после 1191 г., когда Салахаддин (Саладин), который как суннит признавал их, окончательно подавил Фатимидов в Каире. Что же касается сопротивления монголам, то ответственность ложится прежде всего на восточномусульманских правителей, которых крестовые походы не затронули. Историки Европы говорят также о влиянии крестовых походов на изменившееся отношение мусульман к христианам. Однако это

представляется весьма сомнительным и могло происходить лишь временно и только в ограниченных областях, подвергшихся нашествию крестоносцев. Некоторые мусульманские вожди объявляли себя ведущими Джихад, т.е. ведущими священную войну, что, несомненно, увеличивало энтузиазм их сторонников. Но концепция Джихада была почтенного возраста и не находила широкого общественного отклика. У мусульман не возникло нового представления о христианстве в результате крестовых походов. В этом смысле они сохранили свой собственный образ христианства, сформировавшийся во времена Мухаммада и поддерживавшей в них сознание собственного превосходства.

Соприкосновение Западной Европы с мусульманской цивилизацией вызвало у европейцев многостороннее чувство собственной неполноценности. Мусульманская техника во многих отношениях превосходила европейскую, зажиточным мусульманам была доступна гораздо большая роскошь, но, вероятно, главное заключалось не в этом. Сначала непобедимость сарацин внушала страх, но затем норманские рыцари доказали, что равны им в военной доблести. Тем не менее, распространение власти мусульман устрашало. В начале XII в. европейцы полагали, что мир состоит из трех частей: Азии, Африки и Европы. Самая большая из них, Азия считалась почти целиком мусульманской, так же как и Африка, однако далеко не вся Европа была христианской. Таким образом, получалось, что почти две трети мира принадлежит мусульманам. Всех христиан, вступивших в контакты с мусульманами, угнетала их непоколебимая уверенность в собственном превосходстве. Вообще чувства европейцев по отношению к мусульманам весьма напоминают чувства непривилегированных классов в крупном государстве. Подобно этим классам, европейцы обращались к религии как к средству утвердить свои позиции против господствующей группы, именно к тем двум ее формам, которые можно считать новыми разновидностями христианства: к культу св. Иакова из Компостеллы и к крестовым походам. Паломничество в Компостеллу и всеобщий энтузиазм, вызванный крестовыми походами на Иерусалим, были сходными как близнецы, очагами народного религиозного движения.

Искажение образа Ислама было необходимо европейцам, чтобы компенсировать это чувство неполноценности. Один из основных вкладов в этот новый образ был внесен Петром Достопочтенным, заказавшим Толедский сборник и составившим одновременно с этим Свод мусульманских доктрин и Опровержение этих доктрин. Это произошло около середины XII в., когда освоение арабской науки и философии еще не

продвинулось так далеко. Таким образом, европейская интеллектуальная зависимость от Ислама, возможно, мало связана с этим чувством неполноценности, хотя стоит напомнить, что два работавших для Петра Достопочтенного переводчика, Роберт Кеттонский и Херманн Далматийский, изучали астрономию, прежде чем он побудил их взяться за переводы. Следовательно, Петр Достопочтенный должен был сознавать, что новые знания исходят от сарацин, и, возможно, это подсознательно вызвало у него ощущение неполноценности по отношению к ним. Образ Ислама, созданный к тому времени христианами учеными, позволил прочим христианам считать борьбу с мусульманами борьбой во имя света против тьмы. Мусульмане могли быть сильны – но теперь христиане были уверены в своем религиозном превосходстве.

Преувеличенная сексуальность, приписываемая сарацинам, существовала и в Европе, но не соответствовала христианскому идеалу. Согласно христианским представлениям, сексуальность была плотской, а все плотское мешало душе, т. е. истинно человеку обрести вечную жизнь. По этим представлениям, монашеское целомудрие ставилось выше, чем жизнь в браке.

Если внимательно рассмотреть различные стороны средневекового противопоставления христианства исламу, становится ясно, что влияние ислама на западное христианство было гораздо большим, чем это обычно представляют себе. Ислам не просто поделился с Западной Европой многими достижениями своей материальной культуры и техническими открытиями, он не только стимулировал развитие европейской науки и философии, он подвел Европу к созданию нового представления о самой себе.

Глава II. Накопление цивилизациями практических и научных знаний: опыт заимствований

Первыми греческими сочинениями, выбранными для перевода на арабский, были те, предмет которых представлял насущный интерес для арабов, в особенности сочинения по медицине и астрономии. Астрономия была тогда практической дисциплиной – прежде всего потому, что она давала возможность определить направление на Мекку, куда мусульманам надлежало обращаться при молитве. Математика также находила себе практическое применение; именно в этой сфере сделали свои первые шаги арабские ученые.

Первым значительным именем как в математике, так и в астрономии было имя аль-Хорезми, известного европейцам как Алгорисмус (IX в.). В период правления халифа аль-Мамуна он работал в Байт аль хикма – Доме мудрости, переводческом центре, где переводились на арабский все известные научные труды древнего мира. Он сделал для аль-Мамуна свод нескольких индийских астрономических таблиц, известных под названием Синд Хинд. Аль-Хорезми принадлежит также описание обитаемой части мира, основанное на Географии Птолемея. Наибольшее распространение, однако, получили его математические работы. Одна из них считается основополагающей для алгебры (само слово алгебра происходит от ее названия), а другая – первая работа по арифметике (за исключением индийских сочинений), где используется нынешняя система счисления, т.е. цифры, известные как арабские.

Происхождение десяти знаков цифрового обозначения достаточно туманно. Арабские авторы называют их индийскими, но ни у одного из этих авторов до сих пор не было обнаружено отсылки на какую-либо индийскую работу или автора. Этот странный факт позволил некоторым из европейских ученых предположить, что арабы заимствовали у византийцев одну из двух форм записи этих десяти знаков. Большинство исследователей, однако, в настоящий момент придерживаются мнения об индийском происхождении современных цифр. Греки использовали для дробей и других целей шестеричную систему, эту традицию продолжали арабские астрономы. Но большинство тех, кто сталкивался с арифметикой, осознали преимущества индийской системы с десятью знаками, значимость которых обусловлена их позицией. Аль-Хорезми и его последователи разработали методику проведения арифметическим путем различных сложных математических операций таких, как извлечение квадратного корня. В сочинении, написанном около 950 года человеком по имени аль-Уклидиси (Эвклидианец), можно обнаружить начало учения о десятичных дробях. Среди математических трудов, которые переводились на латынь, были сочинения ан-Найризи (ум. ок. 922 г.) и столь же известного Ибн аль-Хайсама (ум. в 1039 г.). Последний, усвоив все труды греков и предшествующих арабских математиков и физиков, перешел к разрешению новых проблем. Сохранилось около 50 его книг и трактатов, из которых наиболее известна Китаб аль-Маназир. В этом сочинении, среди прочих рассуждений, он опровергает теорию Евклида и Птолемея о видимых лучах, которые следуют от глаза к объекту, и утверждает, что наоборот, свет следует от объекта к глазу. Он рассматривает также вопрос, и по сей день называемый проблемой

Альгазена, и предлагает способ решения уравнений четвертой степени. Он проводил множество экспериментов, и результаты его работы со сферическими и параболическими зеркалами над рефракцией света при прохождении через прозрачную среду дали возможность определить плотность земной атмосферы. Он вплотную подошел также к открытию принципа увеличивающих линз.

В Ираке астрономия существовала еще за век до арабского завоевания, она основывалась частично на греческой астрономии, особенно на трудах Птолемея, частично на индийской. Когда астрономией заинтересовались арабы, они предприняли переводы как с греческого и сирийского, так и с санскрита и пехлеви. основополагающим теоретическим трудом считался Альмагест (араб. Ал-Маджисти) Птолемея. Но затем арабы убедились в слабости птолемеевской системы и подвергли ее критике.

Большая часть астрономических работ не касалась вопросов теории, а уделяла все внимание астрономическим таблицам, объединенным названием зидж. Наборов таких таблиц было много, они вели начало из индийских, персидских и греческих источников. Несоответствия между ними побуждали арабов производить более точные наблюдения за светилами. Особой точностью отличались таблицы, составленные около 900 г. аль-Баттани. Его скрупулезные наблюдения затмений использовались в сравнительных целях еще в 1749 г.

Мусульманская Испания вносила свой вклад в математические и астрономические штудии, через нее и европейские ученые могли соприкоснуться с живой научной традицией. Самым ранним в этой области был Маслама аль-Маджрити (Мадридский), он жил преимущественно в Кордове и умер около 1007 года. В первой половине XI в. известностью пользовались два математика-астронома Ибн ас-Самх и Ибн ас-Саффар и астроном Ибн Абу-р-Риджал. После этого до конца XII в. выдающихся имен не было, а затем появились два серьезных астронома в Севилье: Джабир ибн Афлах и ал-Битрауджи. Первый особенно известен работами по сферической тригонометрии, дисциплине, в которой арабы вообще достигли большого прогресса. Второй критиковал некоторые из теоретических положений Птолемея – в духе возродившегося аристотелизма того времени. Позднее в Испании условия не располагали к подобным занятиям, но некоторые научные традиции сохранялись в Северной Африке.

Особое место в арабском научном мире отводилось медицине. После первого периода переводов, когда основные работы Галена и Гипократа стали доступны арабам, некоторые мусульмане достигли тако-

го положения в медицинской науке, что оказались много выше своих христианских и греческих предшественников. Здесь достаточно назвать двух самых знаменитых: Разеса и Авиценну; третьим был врач, известный в Египте как Хали Аббас. Отметим также, что за промежуток времени в пять веков – от 800 до 1300 г. – получили известность арабские работы по медицине более чем 70 авторов.

Разес, или Абу бакр Мухаммад ибн Закарийя ар-Рази, родился в Рее, близ современного Тегерана и умер там же, или в Багдаде между 923-932 гг. По его совету было выбрано место для строительства больницы в Багдаде и, как сообщают, он был первой ее главой. Он плодотворно работал во всех направлениях науки и философии того времени, но, по общему мнению, особых успехов достиг только в медицине. Сохранилось более 50 его сочинений. Одно из наиболее известных – Трактат о ветряной оспе и кори, который был переведен на латынь, греческий, французский и английский. Его величайший труд – аль-Хави (Всеобъемлющая книга) – энциклопедия медицинских знаний того времени – был завершен учениками после его смерти. По каждой болезни он приводит там точку зрения греческих, сирийских, индийских, персидских и арабских авторов, а затем присовокупляет к ним замечания и наблюдения из собственной практики и выносит заключительное суждение. Сохранившиеся части этого произведения были в конце XIII в. переведены на латынь сицилийским врачом-евреем.

Хотя совершенство ал-Хави ар-Рази признавалось всеми, некоторые находили это сочинение слишком уж длинным, и через полвека Али ибн Аббас ал-Маджуси (ум. 994 г.), придворный врач буида Адуд ад-Даула, написал книгу Совершенное искусство медицины (Ал-Куннаш ал-Малаки). Книга эта была одной из первых переведена на латынь и завоевала широкую известность в Европе как *Liber regius*.

Вторым выдающимся автором медиком, писавшим по-арабски был Ибн Сина, или Авиценна (ум. 1037 г.). Подобно ар-Рази, он писал на различные темы и обычно считается более великим философом, чем врачом. Тем не менее его обширный Канон медицины называют высшим достижением, шедевром арабской систематики (Майерхоф). Канон был переведен на латынь в XII в. и доминировал в преподавании медицины в Европе по крайней мере до конца XVI в. В XV веке он выдержал 16 изданий, в XVI в. – 20 изданий, в XVI в. еще несколько[20].

Мусульманская Испания не отставала в медицинских исследованиях, хотя больниц таких размеров, как на Востоке там не появлялось до XIV века. Там появились оригинальные труды Абу-л-Касима аз-Захра-

ви (ум. после 1009 г.). Его сочинения по хирургии и хирургическим инструментам явились выдающимся вкладом арабов в эту область. Некоторые испанские философы были одновременно сведущими врачами. Кроме Аверроэса можно назвать Ибн Зухра из Севильи (ум. 1161 г.). В XIV в. в Испании все еще были арабские врачи, писавшие о чуме, свидетелями которой они были в Гранаде и Альмерии; они вполне осознавали инфекционный характер этой болезни.

Из прочих наук, культивируемых арабами, самой важной была алхимия – в значении химия. На переднем крае научной алхимии арабов стоит корпус сочинений, приписываемых Джабиру ибн Хайяну, который жил во второй половине VIII в. Этот свод, сообщая сведения о многих отраслях древней науки, дает полное представление об алхимии как науке, основанной на эксперименте, использующей различную методику и инструменты для работы с химическими веществами. Некоторые слова, обозначающие химические вещества и лабораторную посуду, перешли из джабирова корпуса в европейские языки.

Несколько великих ученых мусульманского мира были знатоками в алхимии наряду с другими дисциплинами. Врач ар-Рази написал по алхимии важные трактаты. Гипотеза взаимоперехода элементов была опровергнута философом и врачом Ибн Синой и другими ученым, которого мы еще не упоминали, ал-Бируни. (ум. 1048 г.). Он известен в основном как специалист по Индии, его исследования включали и индийскую науку. В области алхимии ему принадлежит измерение удельного веса многих веществ, произведенное с большой точностью.

В ботанике, зоологии и минералогии работа арабов состояла в описании и систематизации растений, животных и камней. Некоторые из этих трудов имели практическое значение для фармакологии и медицины. Наибольшими были, по всей вероятности, успехи, достигнутые в ботанике. основополагающим трудом, ныне утерянным, было сочинение историка ад-Динарави (ум. 895). Но наиболее важная часть содержания этой книги вошла в обширные работы Ибн ал-Байтара из Малаги (ум. 1248 г.), который был в первую очередь фармакологом, но внес ценный вклад в и в ботанику.

В оснастке судов арабы использовали в Средиземноморье опыт, приобретенный в Индийском океане, где оживленной торговле обширного района от Кильвы в Восточной Африке до Малаккского пролива им принадлежала главенствующая роль. Именно в Индийском океане (несмотря на свое западное название) был изобретен латинский (треугольный) парус и оснащенное такими парусами судно, а на Средиземном море арабы впервые

стали использовать латинскую каравеллу. Преимущество подобных судов заключалось в том, что они могли двигаться против ветра, тогда как оснащенные квадратными парусами карраки Средиземноморья могли лишь плыть по ветру. Принцип треугольного паруса был заимствован европейскими корабельщиками и развит ими, это позволило построить более крупные суда, которые смогли пересечь Атлантику и совершить длительные путешествия, приведшие к великим географическим открытиям.

Основные достижения в совершенствовании морского компаса принадлежат поровну европейцам и арабам. Детали неясны, но известно, что от открытия свойств намагниченного куска железа до изготовления инструмента, который годился бы для нужд мореплавателей, было пройдено множество этапов. Возможно, первый шаг сделал тот, кто поместил иглу или намагниченный кусочек железа на плавающий в воде брус дерева.

Некоторое время считалось, что компас изобрели китайцы в III тысячелетии до н. э., но в основе этого предположения лежит неверное истолкование легенды. Первое свидетельство об использовании компаса китайскими моряками датируется 1100 г. н. э., там же сказано, что они ранее видели, как компасом пользовались иностранцы. Это могли быть арабы, поскольку китайцы к IX в. вели торговлю в Персидском заливе и Красном море. Когда европейцы вступили в контакт с китайскими мореходами, они обнаружили, что китайский компас был хуже их собственного; но летописец путешествия Васко да Гамы полагает, что арабы, которых они встретили в Индийском океане, едва ли уступали португальцам в искусстве мореплавания.

Другой источник приписывает изобретение компаса Флавио Джойа из Амальфи в 1302 г. Это сообщение нельзя принимать на веру, поскольку в европейской литературе компас упоминался уже в 1187 и 1206 гг. В арабской литературе он упоминается около 1220 г., возможно, при использовании в восточных водах, а также сообщается о применении компаса при путешествии из Триполи в Александрию в 1242 г. Видимо, Джойа принадлежало какое-то усовершенствование этого прибора, может быть, добавление циферблата с делениями. Из приведенных фактов с достаточной убедительностью следует, что арабы и жители Западной Европы обменивались познаниями в этом вопросе. Основная заслуга в развитии этого инструмента, возможно, принадлежит арабам, но его дальнейшее усовершенствование – бесспорно дело рук европейцев.

В других направлениях арабы также, хотя и в меньшей степени, внесли свой вклад в развитие европейского мореходства. Портоланы, или морские карты, которые были для мореплавателей важным инструмен-

том, были созданы генуэзцами и др. на основе мусульманских морских карт. Свидетельством тому является и восприятие европейскими языками многих арабских слов. В английском языке самые заметные из этих заимствований: *admiral* (адмирал), *cable* (кабель), *monsoon* (муссон), но в других языках их еще больше.

В этой связи можно отметить, что именно от арабов европейцы получили более широкие и точные географические представления о мире. В начале XII в., судя по тому, что писал Уильям Малмсберийский, еще считалось, будто весь мир, кроме Европы, принадлежит мусульманам. В середине того же века благодаря деяниям двух сицилийских королей – Роджера II (1130-1154 гг.) и его сына Вильгельма I (1154-1166 гг.) европейцам стали доступны сравнительно точные сведения об Индии, Китае и северной части Африки. Под покровительством этих государей арабский ученый из Северной Африки и Кордовы аль-Идриси (1100-1166 гг.) создал полное описание мира, известного тогда мусульманам. Он изучил труды прежних арабских географов, от имени короля собирал сведения у посещавших Сицилию путешественников и сам много путешествовал от Азии до западных берегов Англии. Полученные данные он использовал в своей серии из 70 карт (по десять карт на каждый из семи климатов), сопроводив каждую карту описанием; в этот труд вошло также добавление, которое иногда называют Книгой Роджера.

Но, указанные высшие достижения арабского мира в науке становились достоянием ограниченного круга интеллектуалов. В море европейцы станут превосходить арабских мореплавателей уже в другой исторический период.

Гораздо важнее для крестьянской Европы стало восприятие элементов агрокультуры, которая постепенно стала проникать на Запад через занятую арабами Испанию.

В Испании, за исключением ее северной части, выпадает мало осадков и без орошения большинство видов земледелия невозможны. Система орошения существовала в Испании и в римские и в вестготские времена, но очевидно, что арабы расширили и усовершенствовали ее на основе приобретенного на Ближнем Востоке опыта по распределению и сбережению воды. Свидетельством тому служит широкий круг испанской лексики по технике ирригации, ведущей происхождение из арабского языка. Помимо этого языкового доказательства существует очевидное сходство между формой водяных колес, все еще используемых в Испании, с подобными колесами в Марокко и на Ближнем Востоке; весьма вероятно, что изобретены они были именно на Ближнем Востоке.

Развитие ирригации привело к появлению в Испании культур, возделывание которых, требует достаточного количества влаги, таких, как сахарный тростник, рис апельсины, лимоны, баклажаны, артишоки и хлопок. Разумеется, продолжалось и развивалось выращивание уже известных в Испании культур. Помимо зерновых среди них были виноград, оливки и инжир, а также вишни, яблоки, груши, гранат и миндаль, а в более теплых районах – бананы и различные виды пальм. Возделывались разные растения, используемые как приправы или красители: шафран, сафлор, кумин, кориандр, хна, марена, вайда. Там где росла шелковица, процветало шелководство; возделывали также лен и вывозили льняные изделия. В степи собирали дикорастущий эспарто (трава альфа) и изготавливали из него различные плетеные изделия.

Изобилие сельскохозяйственных продуктов и полезных ископаемых использовалось испанскими арабами для увеличения жизненных радостей – хотя бы для людей зажиточных. Но и более бедные слои получали некоторую долю от богатств страны [20].

Неудивительно, что в мусульманской Испании развивались различные ремесла, производящие предметы роскоши как для внутреннего рынка, так и на вывоз. Среди производимых ими товаров были великолепные тонкосуконные ткани, льняные изделия и шелка, немногочисленные образцы которых сохранились до сих пор. В Испании было также много различных мехов, их использовали для отделки и в качестве самостоятельных частей одежды. Было высоко развито гончарное дело, а также производство изразцов, завезенное с Востока. Во второй половине IX века в Кордове был открыт секрет производства хрусталя. Там же было особенно много мастеров-чеканщиков, которые изготавливали изящные сосуды и фигурки животных из меди и бронзы. К X в. Кордова стала соперничать с Византией в работе по золоту и серебру и ювелирному искусству. Сохранившиеся великолепные ожерелья, браслеты, серьги и другие украшения позволяют нам оценить высокий уровень мастерства исполнения и художественного вкуса. То же относится и к изделиям из слоновой кости. Одной из отраслей ремесла была резьба по дереву, которое инкрустировали перламутром и слоновой костью. Существовало много видов декоративных работ по коже, немалое место среди них занимало изготовление книжных переплетов.

Рамкой для всей этой роскоши служили великолепные здания, которые мы называем мавританскими. В них использовали местные материалы и старая иберийская строительная техника. Даже подковообразная арка, эта отличительная черта мавританской архитектуры, очевид-

но, была заимствована у вестготских построек. И все же испанский язык свидетельствует, что именно арабам принадлежат многие усовершенствования в строительной технике.

Прежде чем собрать воедино эти различные элементы, составляющие истинно красивую жизнь, общество, во всяком случае высшие слои, должно было выработать изысканный вкус. Особенно важно при этом было влияние таких восточных центров, как Медина и Багдад. А в пространстве этого влияния ведущую роль сыграл музыкант и певец Зирийаб, который жил в Кордове с 822 г. до своей смерти в 857 г. В молодости он пел и играл в Багдаде перед Харун ар-Рашидом (786-809 гг). Когда он задумал покинуть Багдад, омейядские правители сманили его в Кордову, а там завалили подарками. Он не только поднял уровень инструментального и вокального исполнения, но и стал законодателем вкусов. Так, ему приписывают определение последовательности, в которой должны подаваться кушанья на пирах, и похоже, что порядок подачи блюд, которому мы следуем в самых торжественных случаях, восходит к Зирийабу. Приготовление различных кушаний его также интересовало, и он привез с Востока много рецептов. Он наглядно показал, что тонкая стеклянная посуда гораздо изящнее, чем золотые и серебряные кубки. Он уделял внимание прическе и прочим формам культуры красоты и ввел моду носить разную одежду в разные сезоны. Подобные идеи получили широкое распространение среди высших классов мавританской Испании. Зирийаб рекомендовал подавать сначала супы, затем первые мясные блюда, потом приправленную пряностями птицу и завершать трапезу сдобным печеньем. Следует заметить, что мусульманский Восток оказал еще более значительное влияние на повседневную пищу европейцев: восточные специи облагораживали их не слишком разнообразный стол, особенно в зимнюю пору, когда основными продуктами питания были солонина и сушеная рыба. Подлинный переворот произвело в европейской кухне введение в обиход сахара: до этого из всех сладостей европейцы употребляли лишь мед.

Зирийаб был лишь одним из многих музыкантов. Арабы изобрели или усовершенствовали много разных музыкальных инструментов. Особенно популярны на востоке были песни под аккомпанемент лютни, пандоры, псалтериона, флейты и пр., чтобы подчеркнуть ритм, использовали барабаны и тамбурины. Инструментальная музыка иногда исполнялась и во время военных действий. Существует много арабских сочинений по теории музыки, некоторые из них основаны на трудах греческих авторов, другие развивают собственное учение.

И в музыкальной теории, и в практике арабы Испании проявили себя в полной мере. Севилья была известна производством музыкальных инструментов, а арабские слова для названий лютни, гитары, ребека и литавр на испанском языке показывают, откуда пришли эти инструменты. (Слово лютня происходит от арабского ал-уд, гитара – от кытар, ребек – от рабаб, литавр – от ат-табал). Несколько арабских теоретических работ по музыке были переведены на латынь и древнееврейский, гораздо большее влияние на Европу оказала музыкальная практика арабов, их манера пения и игры, которая была широко распространена менестрелями. Моррисовы танцоры в Англии (само название произошло от слова Moogish – мавританский), исполняющие свое представление с игрушечными лошадками и бубенчиками, это тоже реминисценция об арабских менестрелях.

Одной из сторон красивой жизни было знакомство с книгами, владение которыми обогатилось для арабов с использованием в книжном деле бумаги. Бумагу изобрели в Китае; есть сообщения, что в середине VIII века несколько китайских ремесленников были захвачены в плен арабами, но заработали себе свободу, изготовив бумагу. Ее важность поняли быстро: ведь она была гораздо дешевле египетского папируса. Визирь халифа Харуна ар-Рашида Йахья Бармакид построил в Багдаде около 800 г. первую бумажную мельницу. Затем, через Сирию и Северную Африку производство бумаги пришло на Запад, в том числе в Испанию, и получило широкое распространение. В XII в. французские паломники в Компостеллу (Испания) приносили домой листки бумаги как диковинку, однако Роджер II Сицилийский использовал бумагу еще в 1090 г. Из Испании и Сицилии применение бумаги распространилось и в другие европейские страны, но бумажные мельницы в Италии и Германии появились лишь в XIV в.

Ни один христианский анклав на севере Испании не сохранился в строгой изоляции от влияния мусульман; напротив, в большей частимусульманской Испании постепенно формировалась однородная испано-арабская культура, со временем распространившаяся на северо-запад и взявшая верх над местной культурой. В мусульманских областях, видимо, и христиане и мусульмане знали арабский язык, хотя в быту и те и другие пользовались романским диалектом с включениями арабизированной лексики. В период мусульманского господства христиане настолько полно восприняли культуру правящей нации (во всем, кроме религии), что называли мосарабы (т.е. арабизированные). В часто приводимом отрывке из сочинения епископа Алвара, написанного в 854 г., он жалуется, что

молодые люди из христианской общины настолько увлечены арабской поэзией, что ради изучения арабского пренебрегают латынью. (Этот кордовский епископ писал: Многие из моих единоверцев читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы опровергать, а чтобы научиться, как следует выражаться на арабском языке с большей правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто бы умел читать латинские комментарии на священное писание? Кто среди них изучает Евангелия, пророков и апостолов? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги, даже забыли свой язык, и едва найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятно сносное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-арабски в высшей степени солидно и сочиняют стихи на этом языке с большей красотой и искусством, чем сами арабы).

Иудеи, чье положение улучшилось при арабах, также приняли господствующую культуру во всем, кроме религии. Хотя эта господствующая культура была по духу в основном мусульманской, арабо-мусульманские элементы смешались в ней с иберийскими. Символом этого служит заимствованная у вестготов подковообразная арка.

С двух сторон распространению арабо-испанской культуры способствовала и Реконкиста: во-первых, некоторые из христианских принцев заставляли мосарабов покидать юг и селиться в безлюдных и постоянно оспариваемых марках. Во-вторых, когда христианские территории стали вновь присоединять к себе мусульманские города, многие мусульмане оставались там жить под властью христианских правителей. По культуре эти города продолжали быть мусульманскими или арабо-испанскими, и изменяться склонны были покорители, а не покоренные. Яркий пример тому – Толедо, отвоеванный Реконкистой в 1085 г. и продолжавший играть важную роль в истории европейской культуры.

Так благодаря торговым связям и политическому факту присутствия мусульман в Испании и Сицилии более высокая арабо-мусульманская культура постепенно проникла в Западную Европу. Хотя Западная Европа была связана с Византийской империей, она позаимствовала у арабов гораздо больше, чем у византийцев. Однако большинство европейцев едва ли осознавали мусульманский характер перенимаемых ими новшеств. Например, арабские надписи на ввезенных с Востока тканях воспринимались европейцами просто как геометрический орнамент. В картине Джотто «Воскрешение Лазаря» куфические письмена отчет-

ливо видны даже на повязке, украшающей плечо Иисуса. Фламандские и итальянские живописцы XIV-XV вв., по видимому, также не придавали особого значения мусульманскому происхождению ковров, которые они изображали на своих картинах лежащими под ногами христианских святых и девы Марии.

Европейская цивилизация не однозначно принимала арабский мир. В отношении европейцев к арабам сочетались такие контрасты, как глубокий страх и восхищение, смешанные с признанием превосходства арабов. К концу XI в., ко времени захвата Толедо (1085 г.), окончательного завоевания Сицилии (1091) и падения Иерусалима (1099 г.) страх значительно ослабел. Возможно, как раз это обстоятельство позволило европейцам сосредоточить внимание на том, что их восхищало в духовной культуре арабов. Может быть, они стали бы изучать арабскую науку, даже если бы не было этих военных успехов, но факт остается фактом: именно в XIII в. европейские ученые, интересующиеся наукой и философией, осознали, как много им надо учиться у арабов, и принялись штудировать основные арабские труды, а также переводить их на латынь.

Еще до начала эпохи переводов в XIII в. можно отметить отдельные попытки двинуть вперед науку. Некоторые отрывочные свидетельства дают основание полагать, что переводчики на латынь начали свою деятельность еще в IX в. Первым значительным ученым, занимавшимся арабской наукой, был Герберт из Орийака, ставший впоследствии Папой Сильвестром II (999-1003 гг.). В области математики ему принадлежит изобретение счетов новой формы (это первое свидетельство об использовании в Европе арабской системы счисления), но они не получили всеобщего распространения.

О X и XI вв. есть и некоторые другие свидетельства. Рипольская рукопись X в. содержит два латинских трактата об астрологии (угломерный прибор, служивший для определения положения небесных светил), которые, по всей вероятности, составлены по арабским источникам. Известно, что в Льеже около 1025 г. была астрология. Еще две книги об астрологии (датируемые 1048 г. и включающие в себя арабское учение) приписываются немецкому ученому Херманусу Контрактусу, хотя эта атрибуция сомнительна. Как ни отрывочны эти сведения, их достаточно, чтобы показать, что математические и астрономические знания проникали в Европу именно через Испанию[20].

Что же касается познаний в области медицины, то они распространялись иным путем: главным образом через старое медицинское училище в Салерно (Юж. Италия). В X в. некий еврей, известный под име-

нем Донноло, бывший пленник сарацин, составил для этого училища несколько медицинских трактатов на древнееврейском языке. Эти трактаты включали в себя элементы арабской медицины. Однако решительное продвижение ее в Европу – своего рода прорыв – было осуществлено лет на сто позже с помощью человека по прозвищу Константин Африканский. Сообщается, что он зарабатывал себе на жизнь как странствующий купец, разъезжая между Тунисом и Южной Италией, возможно перевоза лекарства. Посетив однажды Салерно, он убедился, каким отсталым было местное медицинское училище, и по неизвестным причинам отправился изучать медицину в мусульманские страны. Через некоторое время он вновь вернулся в Салерно. Многие в этих сведениях, возможно, идет от легенды, однако достоверно известно, что последнюю часть своей жизни Константин провел в бенедиктинском монастыре в Монте-Касино, где переводил на латынь изученные им медицинские произведения. Среди них был медицинский компендиум *Liber regius*, принадлежавший перу иракского врача X в. который был известен в Европе как Хали Аббас.

Сохранилось много рукописных арабских переводов на латынь, однако современные специалисты полагают, что указание на какого-то определенного переводчика в них – всего лишь поздняя догадка. В идентификации переводчиков также существуют трудности. Таким образом, если сведения об эпохе переводов справедливы в целом, то в деталях они нуждаются в коррективах.

После занятия Толедо христианами (1085 г.) многие мусульмане и арабоязычные евреи продолжали там жить. Раймунду, занимавший пост архиепископа Толедо с 1125 г. до своей смерти в 1151 г., понимал, какие великие возможности открывает сложившаяся ситуация, и поощрял ученых приезжать в Толедо. Он встречался с Петром Достопочтенным, когда тот посетил Испанию в 1142 г., и, возможно оказывал помощь переводчикам. Однако два самых известных ныне переводчика развернули свою деятельность в Толедо уже после смерти Раймунду. Один из них, Доминик Гундисалви (Доминго Гонсалес), архидиакон Сеговии, работал в содружестве с арабоязычным Ибн Даудом, иудеем, обратившимся в Христианство, и с Иоанном Севильским. Вероятно, Гонсалес выбирал сочинение для перевода и придавал латинскому тексту окончательную форму, после того как помощники передавали на латыни основной смысл арабского оригинала. Как представляется, большинство переводов XII в. были сделаны именно таким образом – двумя учеными, работавшими сообща. Другим великим переводчиком был

Джерардо Кремонский, итальянец, приехавший в Толедо и проработавший там много лет, до своей смерти в 1187 г. Ему приписывается около ста переводов. Можно предположить, что существовала группа переводчиков, группа переводчиков, работавших под его руководством; во всяком случае, известно, что он работал с мосарабом, христианином по имени Галиб. По другому предположению, Джерардо Кремонский – просто имя, добавляемое более поздними учеными к переводам, авторство которых вызывало сомнения.

Другие части Испании также внесли свой вклад в работу переводчиков XII в. Несколько предшествовал Гундисалви Хуго Сантальский, переводивший научные сочинения для епископа Тарасоны, городка к западу от Сарагосы. Примерно там же и в то же время трудились над переводами работ по астрономии и метеорологии два ученых из-за Пиренеев, но их оторвали от этого занятия ради теологических переводов для аббата Петра Достопочтенного (на них мы остановимся далее). Это были Херманн Далматийский и англичанин Роберт из Кеттона, ставший впоследствии архидиаконом Памплоны. На восточном побережье, в Барселоне, итальянец Платон Тиволийский переводил с арабского труды по геометрии и астрономии.

Из государств крестоносцев на Востоке дошли до нас всего один-два перевода. Главным из них был перевод медицинского компендиума Хали Аббаса, выполненный Стефеном Пизанским (или Антиохийским). Абельяр, получив образование в традициях кафедральных школ, он тем не менее стал одним из самых влиятельных проводников научного духа. Его переводы включали астрономические таблицы аль-Хорезми и Основы Эвклида.

К XIII в. среди интеллигенции Западной Европы наметилось сильное течение, способное ассимилировать арабские достижения в науке и философии и готовое к новым открытиям. Оставшиеся значительные арабские сочинения переводились теперь в той мере, в какой они интересовали европейцев. Выдающейся личностью этого периода был Майкл Скотт (Михаил Шотландец), умерший не позднее 1236 г., возможно в Шотландии. Со временем вокруг его имени возникло много легенд, его называли волшебником и наделяли магической силой, из-за чего он и снискал место в дантовом аду. Рассказы о том, как он угощал друзей кушаньями, доставленными прямо из кухни короля Франции или Испании, возможно, отражают в несколько утрированной форме тот факт, что повышением уровня своих гастрономических вкусов европейцы были обязаны мавританской кухне. Известно, что Майкл был в Толедо, затем в Бо-

лонье, в Риме, а оттуда по рекомендации Папы был направлен к архиепископу Кентенберийскому. Наиболее подходящее окружение он обрел, однако, в Сицилии, при дворе Фридриха II Гогенштауфена, который сам интересовался различными отраслями арабской науки. Именно для него были сделаны некоторые переводы Майкла: научных и философских сочинений Аристотеля, комментариев Аверроэса (Ибн Рошда) к этим сочинениям, трудов Авиценны. Еще одной значительной личностью XIII в. был Алфонсо X Мудрый из Кастилии (1252-1284 гг.). Руководствуясь глубокой личной заинтересованностью, он заказывал переводы научных и исторических работ; он также основал несколько высших учебных заведений. Одни переводы выполнялись на латыни, другие на кастильском диалекте испанского языка, который только что стал официальным языком государства. Конец XIII в. знаменовал завершение великой эры переводов с арабского на латынь, хотя отдельные переводы появлялись еще в XVI и даже в XVII в. Именно благодаря этим ранним переводам арабская наука и философия оказали столь большое влияние на интеллектуальное развитие Западной Европы. К XII в. европейцы уже сами достигли высокого уровня в науке и философии.

Следует особенно отметить роль испанских евреев в передаче Европе арабской науки и философии. Как и в других мусульманских государствах, евреи в Испании представляли опекаемое меньшинство – Ахль-аз-Зимма; с арабами у них были прекрасные отношения, как потому, что евреи помогали арабам против вестготов во время завоевания страны, так и потому, что сами арабы составляли в Испании меньшинство. В середине X в. Хасдаи ибн Шапрут стал придворным врачом Абд-ар-Рахмана III, проявил себя на халифской службе умелым дипломатом и собрал в Испании группу изучающих Талмуд. Благодаря этой группе древнееврейский стал развиваться в Испании как язык науки. В повседневной же речи испанские евреи пользовались либо арабским, либо испанским языком. Некоторые евреи, изучив арабскую науку и философию, стали специалистами в этих областях. Отдельные, как ибн Гебироль (Avicbron) (ум. 1058) или Маймонид (ум. 1204 г.) писали по-арабски. В начале XII в. стали появляться переводы арабских научных сочинений на древнееврейский, а также оригинальные труды на этом языке. Одним из наиболее известных еврейских ученых был Ибн Эзра, или Абрахам-иудей (ум. 1167). В XIII-XIV вв. Еврейская ученость процветала не только в Испании, но также на юге Франции и в других областях. Были случаи, когда древнееврейские сочинения переводились на латынь. Но прежде всего евреи играли роль передатчи-

ков арабской науки и философии, поскольку они часто были непосредственно связаны с христианскими учеными Западной Европы.

Европейская наука быстро впитывала получаемые знания и очень скоро стала опережать в развитии арабскую.

Первое заимствование, которое стало толчком в развитии науки в целом, относится к заимствованию системы счёта и написание цифр. До XIII в. в Западной Европе пользовались неудобными римскими цифрами, которые значительно усложняли большую часть математических операций и серьезно мешали изучению математической теории.

Вероятно, отдельные люди знали о существовании греческой шестеричной системы. Обычно считается, что арабская система счисления была введена в действие благодаря публикации в 1202 г. сочинения *Liber abaci*, написанного Леонардо Фибоначчи из Пизы. В этой книге автор показал, как десять знаков упрощают арифметические операции и расширяют возможности их применения. История написания книги весьма показательна. Отец Леонардо одно время возглавлял пизанскую торговую колонию в Бужи (Алжир) и при торговых сношениях с арабами видимо ценил превосходство арабской системы счета. Чтобы подготовить сына к занятию фамильным ремеслом, он стал посылать его к арабскому учителю математики в Бужи. Возможно, и других детей учили так же, но Леонардо отмечен печатью математического гения, и ему по праву принадлежит первенство. Его проарабские тенденции отразились даже на собственном имени, которое он дает в книге на арабский манер: Леонардус сын Бонациуса.

Почти сразу после того как удобство арабского счета было убедительно показано, он получил широкое практическое применение. Вместе с цифрами в европейские языки вошли различные новые слова. Французское *chiffre*, немецкое *ziffer*, английское *cipher*, так же как и английское и французское *zero*, все произошли от арабского сыфр – пустой. Арабское слово прилагалось к знаку, который использовали, чтобы показать, что определенная позиция (единицы, десятки, сотни и т. д.) не заполнена. Поскольку этот знак выражал некую отвлеченную идею, его стали применять позже, чем остальные девять знаков: кое-кто из освоивших девять знаков находил сложным применение нуля, они просто привыкли оставлять данную позицию пустой. Тем не менее (или, возможно, как раз вследствие этого) слово, обозначающее отсутствие цифры, ноль стало употребляться в европейских языках для обозначения всех десяти цифр. Есть другое арабское слово сифр (по-арабски отличающееся написанием и произношением), означающее книга, пи-

сание; иногда полагают, что оно повлияло на европейское осмысление заимствования, но это представляется нам маловероятным.

Некоторый интерес к астрономии вызвало обсуждение в Каролингскую эпоху христианского календаря. Как мы уже упоминали, следы этого интереса можно обнаружить и в последующих веках. Самостоятельное продвижение вперед (на базе арабской астрономии) можно считать начатым одним испанским евреем, который в 1106 г. принял Христианство под именем Педро де Алфонсо. От его собственных сочинений мало что сохранилось, но он оказал большое влияние на последующие поколения астрономов, особенно в Англии и Франции. Он прибыл в Англию около 1110 г. в качестве врача короля Генриха I. И большую часть своих знаний поведал монаху по имени Уолчер, который приехал из Лорэна и уже несколько лет вел астрономические наблюдения. Уолчер и Абельяр из Бата, возможно также испытавший влияние Педро де Алфонсо, помогли формированию научной традиции, которая достигла кульминации в Роберте Гроссетесте (ум. в 1253 г.), од но время занимавшим пост ректора Оксфордского университета. Эти люди не просто интересовались явлениями природы, но были преисполнены истинно исследовательским духом, который находил выражение в их наблюдениях и экспериментах. Гроссетест позднее пришел к убеждению, что в основе всей вселенной лежат математические принципы. К тому времени ученым были доступны переводы некоторых греческих трудов, выполненные непосредственно с греческого языка, но основными стимулами к развитию науки были личные контакты с живой арабской традицией и латинские переводы арабских работ.

Не менее важные заимствования были сделаны в медицине. Уровень медицинской практики в Европе, до того, как дало себя знать арабское влияние, видимо, был очень низок. Усаме ибн Мункизу, арабскому автору времен Крестовых походов, принадлежит известное описание варварских методов европейских медиков. Мусульманский эмир, дядя писателя, послал соседу-франку по его просьбе врача. Врач вернулся на удивление быстро, но ему было что рассказать! Его позвали лечить рыцаря и женщину. У рыцаря был абсцесс на ноге, и арабский врач применил припарки. Абсцесс прорвался и начал уже подсыхать. Женщина страдала сухоткой (вероятно изжогой). Араб предложил строгую диету, включавшую много свежих овощей.

Затем появился франкский врач. Он спросил у рыцаря, что тот предпочитает: жить на свете с одной ногой или умереть с двумя. Рыцарь дал желаемый ответ. Врач заставил его положить ногу на колоду, и какой-то

силач взялся отрубить большую часть ноги острым топором. Первый удар не достиг цели. Второй раздробил кость, и тот человек умер сразу.

Лечение женщины оказалось еще ужаснее. Франкский доктор объявил, что в нее вселился бес и что надо ее остричь. Так и сделали, после чего больная вернулась к своему рациону из чеснока и горчицы. Сухотка усилилась, что врач приписал перемещению беса в голову больной. Он сделал крестообразный надрез на ее черепе, так, что обнажил кость, и втер туда соль. Женщина тут же умерла. После этого арабский врач спросил, нужен ли он еще, получил отрицательный ответ и отправился домой.

Эта история напоминает рассказы европейских миссионеров XIX в. об африканских знахарях-колдунах. Однако это не последний приговор Усамы европейской медицине. Он описывает также лечение франкским врачом гангренозной ноги и приводит лекарство от золотухи, рекомендованное одним франком, добавив, что сам проверял его и нашел весьма эффективным. И хотя, казалось бы, в высказываниях Усамы существует некоторое противоречие, присмотревшись внимательнее, можно увидеть в нарисованной им картине европейской медицины известную стройность. В первом рассказе содержится критика, прежде всего – непонимания физиологических причин болезненного состояния, а затем – критика незнания соответствующей хирургической техники. Хвалит же Усама франков за их познания в лечебных свойствах минералов и растений.

Европейские источники обычно разделяют эти воззрения о сильных и слабых сторонах медицины в Европе. Старейшей медицинской школой принято называть училище в Салерно, но ранняя история его неясна. Климат тех мест способствовал выздоровлению больных, и в источниках встречаются упоминания о бенедиктинской больнице конца VII в. Очевидно, подразумевается скорее гостиница, предоставляющая койки, чем лечебное заведение.

Другая ранняя медицинская школа, возможно отпочковавшаяся от Салерно, существовала в Монпелье. Для 1137 г. Исследователи располагают сведениями о студенте гуманитарии из Парижа, отправившемся изучать медицину в Монпелье. Среди населения города было много арабов и евреев, в том числе арабоязычные христиане, в начале XIII в. медицина там была тесно связана с арабской традицией на юге Испании. Благодаря этому вклад Монпелье в посредничество между европейской и арабской медициной вероятно гораздо более значителен, чем это обычно представляют.

Очень скоро предметом изучения в медицинских школах стала хирургия. Первоначально хирурги считались низшими по своему обще-

ственному положению, и преподаватель медицинских школ смотрели на них свысока. В 1163 г. даже появился специальный церковный рескрипт, запрещающий преподавание хирургии наравне с другими медицинскими дисциплинами. Перемена в отношении к хирургии, вероятно, произошла в результате более широкого распространения медицинских знаний, когда стали доступны переводы с арабского, а крестоносцы уже имели какой-то практический опыт в сарацинской медицине. К 1252 г. Бруно да Лонгобурго из Падуи смог составить важный трактат под названием *Chirurgica Magna*[20].

Возможно, что опыт крестоносцев сказался и на первых лечебницах, открытых к 1200 г. как заведения, специально предназначенные для содержания больных. Однако они все еще отставали от арабских в таких вопросах, как выделение для инфекционных заболеваний специальных палат. Пациентов в больницах посещали врачи, однако первое свидетельство о больнице с собственным врачом относится к 1500 г. (в Страсбурге). Другая арабская традиция – клиническая практика студентов в больнице – была заимствована Европой лишь около 1550 г.

Продолжавшаяся вплоть до XV-XVI вв. Зависимость европейской медицины от арабской наглядно видна в списках работ ранних печатных книг. Первой из них был комментарий Феррари да Градо, ученого из Павии, к девятой части основ ар-Рази. Канон Авиценны был издан в 1473 г., второе издание вышло в 1475 г., а третье – до того, как было напечатано первое сочинение Галлена. До 1500 г. было выпущено шестнадцать изданий Канона. Поскольку этой книгой продолжали пользоваться и после 1650 г., считается, что это самый изучаемый медицинский труд во всей истории человечества. За Каноном идут другие переведенные с арабского работы таких авторов, как ар-Рази, Аверроэс, Хунайн ибн Исхак и Хали Аббас. Статистические данные показывают, что число ссылок в ранних европейских трудах убедительно свидетельствует о преобладании арабского влияния над греческим. В работах Феррари да Градо, например, Авиценна цитируется более трех тысяч раз, ар-Рази и Гален – по тысяче раз каждый, и Гиппократ – всего сто раз. Короче говоря, в XV-XVI вв. европейская медицина была лишь слабым развитием арабской.

Особое внимание следует уделить открытию арабами для европейцев античной философии.

В 1100 г. Ансельм приближался к концу своей карьеры, а карьера Пьера Абеляра только начиналась. Классические предметы образования еще сохранялись в монастырских и кафедральных школах, но основ-

ной интерес сосредоточен был на их литературном аспекте. С X века велось изучение определенного числа сочинений Аристотеля по логике, в переводе и с комментариями Боэция. Это привело к развитию диалектики. Естественно, поскольку вся жизнь общества протекала в рамках христианской догмы, а образование находилось в руках церкви, диалектика тоже была подчинена той же догме. И вот Ансельм составляет диалектические, или рациональные, оправдания смыслу религии, и в результате его трудов религия предстает как стройная рациональная система. В следующем поколении Абельяр представляет мысль более изощренную. Он начинает с противоречий, в которые упирается диалектика, но обращает свою критику не против самой диалектики, а против неверного ее применения. Никто из них, однако, не предпринимает попытки связать христианскую доктрину с всеобщим метафизическим взглядом. Вообще к 1100 г. христианской церкви совсем не была знакома всеобщая метафизика.

Можно наблюдать любопытные черты сходства и различия в процессе того, как арабы воспринимали греческую философию и как Западная Европа воспринимала философию арабов. Интересы арабов прежде всего проявились в области медицины и астрономии, но эти дисциплины всегда оставались на окраине интеллектуальной жизни Халифата. Философия первоначально попала в поле зрения арабов из-за того, что была связана с другими предметами, но затем они нашли ее весьма полезной для своей главной интеллектуальной цели – тех аргументов, которые, будучи откровенно теологическими, имели важное политическое значение. В Европе же основные теологические доказательства почти не несли политической нагрузки и были в основном предназначены для чисто церковного употребления. В то же время, широко распространился интерес к отдельным наукам, проникнувший даже в некоторые школы. Это упрощалось и принятой в то время системой семи свободных наук, восходящей к VI в. Эти семь наук подразделялись на тривиум (арифметику, астрономию, геометрию и музыку). Большинство монастырских и кафедральных школ сосредоточивали свое внимание на тривиуме, поскольку с точки зрения европейской учености квадриум представлялся несущественным. Даже когда Шартрская школа в первой половине XII в. разработала с помощью ряда выдающихся преподавателей платоновскую форму квадриума, в нем была мало использована арабская наука.

Первые оригинальные европейские труды по метафизике (как и по многим другим наукам) были созданы переводчиками. Доминик Гун-

дисалви, в частности, написал сочинения (в значительной базе на базе арабских источников) под названием «О бессмертии души» и «О разделении в философии». Разрабатывая концепцию Бога, как недвижимого Движителя, он соотнес теологию с физикой, как это было сделано Авиценной в Китаб аш-Шифа и в Макасид аль-Фаласифа, своде воззрений Авиценны, принадлежащим перу аль-Газали. Это сближение теологии с физикой и метафизикой постепенно привело к появлению на латыни нового типа теологических сочинений, который достиг кульминации в философии Фомы Аквинского[20].

В европейской философской мысли было весьма сильно августинское и платоновское направление, которое еще больше укрепилось под влиянием неоплатонического учения Ибн Сины (Авиценны) и его последователей. Некоторые отличия от него вносило лишь европейское стремление к эмпиризму в практических дисциплинах, которому весьма импонировала экспериментальная часть арабской науки. Тем более примечательно, что, когда интеллектуальная атмосфера эпохи потребовала рационального подтверждения научного метода, представили эти аргументы Роберт Гроссетест и Роджер Бэкон (ок. 1214-1292 гг.), т. е. ученые, придерживавшихся платоновской традиции.

Учение Аристотеля о логике, по крайней мере, частично, было давно известно в Европе по трудам Боэция. В XII в. появился перевод части Органона, выполненный непосредственно с греческого, за ним – другие, сделанные с арабского. Однако значительно более полное понимание аристотелианства пришло с переводом трудов Ибн Рошда (Аверроэс), особенно его комментариев к метафизическим сочинениям Аристотеля. Эти переводы относятся к XIII в., но кое-какие сведения о воззрениях Аверроэса могли дойти до латинских философов еще до смерти ученого в 1198 г. Разумеется, аристотелианство было быстро подхвачено членами доминиканского ордена, такими как Альберт Великий (ок. 1206-1280 гг.) и Фома Аквинский (1226-1274 гг.). Последний особенно полно усвоил и использовал взгляды Аристотеля в теологически приемлемой системе.

Однако влияние Аверроэса на европейскую мысль может быть понято неверно, если слишком близко связать его с латинским аверроизмом Сигера Брабантского (ок. 1235-1282 гг.) и др. Среди прочего Сигер учил, выводы разума в его философском смысле могут противоречить истинным откровениям, но и те и другие следует принимать. Такова теория двойственной истины, хотя сам Сигер никогда не употреблял этого термина. Аверроэс, безусловно, подразумевал нечто подобное, но смягчал эту оп-

позицию предположением, что коранические тексты могут быть интерпретированы таким образом, что всякое противоречие будет снято: дело в том, что арабский язык обладает более широкими возможностями для различной интерпретации, чем латынь. Латинские Аверроисты не делали подобных попыток примирить разум с откровением, и их современники полагали, – и возможно не без оснований, – что их доводы, будучи доведены до логического конца, постепенно разрушат религию.

Само название латинские аверроисты не должно приводить к ошибочному заключению, что главным образом благодаря этому направлению арабская философская мысль, и в особенности воззрения Аверроэса, оказала влияние на Европу. Это далеко не так. Арабская мысль предоставила европейцам новый материал, открыла для них вместе со своим кругозором целый новый мир метафизики. Переводы с арабского были известны всем течениям европейской мысли – не только аверроистам и их противникам, группы последователей Фомы Аквинского, но и таким сторонникам консервативного платонизма, как Бонавентура, или платоникам-рационалистами типа Роберта Гроссетеста и Роджера Бэкона. Все последующее развитие европейской философии в глубоком долгу у арабских авторов; и Фома Аквинский столь же обязан аристотелианству Аверроэса, как и Сигер Брабантский.

Глава III. Евреи и еврейская общность в средневековой Западной Европе

Еврейская община, как особый социальный и религиозный институт как новая форма еврейского существования, была создана сразу же после разрушения Первого Храма, когда часть еврейского народа была изгнана в Вавилон (586 г. до н. э.).

Но своё полное развитие она получила именно в Западной Европе, где «чужим» по характеру жизни и традициям евреям необходимо было выживать в суровом христианском мире Средневековья, и именно община стала тем институтом, который гарантировал социальную и правовую поддержку еврейскому народу.

Но прежде чем перейти к рассмотрению этого социального института, необходимо кратко рассмотреть историю появления евреев в Западной Европе.

Евреи жили на территории Римской империи с глубокой древности. Уже тогда начинают формироваться первые зачатки антисемитских настроений в обществе, но в целом римляне относились к евреям до-

статочно терпимо. Иосиф Флавий, которого мы вправе считать первым историком еврейского народа, так как именно благодаря его трудам, написанным около двух тысяч лет назад, мы можем иметь достаточно систематизированное представление об истории евреев, даёт чётко понять, что положение еврейского народа в Римской империи было в действительности особым. Ряд законодательств в отношении иудеев, которые приводит он в пример, говорит о том, что это отношение не было с негативной окраской, а скорее наоборот, было направлено на поддержание устойчивого положения евреев в империи. Октавиан Август провозгласил, что народ иудейский всегда был опорой римского правопорядка и в знак благодарности им «разрешил жить по своим законам, чтобы священные деньги были неприкосновенны, посылались в Иерусалим и вручались там казначеям иерусалимским; чтобы иудеев не привлекали в судебные заседания ни по субботам, ни накануне суббот с девятого часа...»

Флавий приводит и ряд других законодательств, где ясно прописывается то, что императоры Римской империи стремились поддержать и экономический потенциал еврейских общин, и помогали евреям отстаивать права, связанные с их религиозными воззрениями и традициями.

В первые века уже нашей эры евреи были вынуждены бежать из Иудеи из-за постоянных войн, происходивших в ней. Евреи образовали свои крупные общины в Северной Африке, Испании, Италии и Франции.

Известно, что в первые века христианства положение евреев в обществе постоянно менялось. Первым, кто стал выступать против иудейской веры, был Савл из Тарса, известный впоследствии, как апостол Павел. Савл был евреем, который сначала не принял христианства и выступал против новой веры, но впоследствии стал яростным защитником христианской веры. Именно благодаря ему произошёл почти полный разрыв христианской обрядовости с иудейской (впоследствии иудейские обряды будут восприниматься в христианском средневековом мире, как проявление ереси)[14].

В целом отцы церкви сделали немало, чтобы зачатки антисемитизма дали свои прочные корни. Борясь не столько с евреями, сколько с иудаизмом, чтобы последнее не могло составить конкуренцию молодому, но постепенно широко распространявшемуся христианству, отцы церкви делали всё возможное, чтобы у большинства сформировалось негативное отношение к иудаизму. На первых порах, не отрицая того, что религия евреев очень близка к христианской, они всё же полагали, что евреи «уклонились от истинного познания». Постепенно в обществе

складывается мысль, что зло — это не только иудаизм, но не меньшее зло представляют и его главные носители — евреи.

Несколько смягчил отношение к евреям, которое накалялось с тем, как росло христианство, знаменитый эдикт о веротерпимости, провозглашённый Константином Великим в 313 году. Однако положение очень стало меняться. Христианство, хотя и победившее, ещё не было достаточно уверенно в себе, чтобы проявлять настоящую веротерпимость. Линия раздела между христианством и иудаизмом была ещё нечёткой. Отцы церкви постоянно боролись за то, чтобы чётко отделить одно от другого, дабы удержать христиан от выполнения иудейских обрядов и подпадания под еврейское влияние. Кроме того, христианство всё ещё считало иудаизм опасным соперником, которого следовало хотя бы подавить, если нельзя раздавить. Это отношение нашло своё выражение в решениях ряда церковных соборов, важнейшим из которых был Никейский собор 325 года, когда даже календарь и религиозная неделя были изменены так, чтобы в дальнейшем не было смешения с иудаизмом.

Церковная политика почти полностью была принята государством. Скоро это стало видно из императорских эдиктов. Из «особой, но дозволенной религии», как иудаизм именовался раньше, он стал «кощунственным сборищем» или «нечестивой сектой».

В 329 г. евреям было запрещено владеть рабами-христианами и обращать в свою веру язычников. Прозелитам и тем, кто обращал их в иудаизм, угрожала смерть. Под страхом смертной казни были запрещены смешанные браки между евреями и христианами. Отступничество от иудаизма не только защищалось, но и поощрялось».

При Юлиане Отступнике (361 – 363 гг.) ситуация вновь нормализовалась в пользу евреев, что легко объяснить неприятием императором христианства. В своих знаменитых греческих письмах (362-363 гг.), обращённых к евреям, Юлиан в частности говорит, что евреи «должны процветать ещё больше, чем прежде».

Но передышка была недолгой, всё вновь ухудшилось при Феодосии II (408 – 450гг.). Согласно закону, который вышел 439 году, евреи, самаритяне, еретики и язычники резко ограничивались в своих правах, в частности, закон был направлен на уменьшение распространения иудаизма по средствам уменьшения и ограничения строительства синагог. Кроме этого евреев не допускали к административно-управленческим должностям, так как считали, что это «греховно, что враги небесного величия и римских законов должны стать проводниками наших законов».

Правда, необходимо заметить, что все эти меры хоть и были распро-

странены на территории всей империи, в Западной Европе это касалось лишь итальянских земель, а вот на остальной части меры не имели такой силы, связано это было с тем, что население, проживающее здесь, в большинстве своём были язычниками.

Ситуация эта на этих территориях мало чем изменилась и с распадом в V в. Римской империи.

Сведения о жизни евреев в Западной Европе этого периода весьма скудны. Община формируется прежде всего под воздействием того, что евреи чужаки по сути, не являвшиеся коренными жителями, пытались не теряя этнической и религиозной самобытности, наладить взаимоотношения с местным населением. Так продолжалось до тех пор, пока христианство не на этих территориях не стало единственной религией. Как только это произошло, положение евреев резко ухудшалось, к евреям стали относиться, как к «чужим», которые противопоставлялись по своему образу жизни, традициям идеалам христианства.

Как уже известно, в Италии раньше всего под воздействием, прежде всего, законодательства ряда римских императоров формируется негативное отношение к евреям, и именно в Италии раньше чем на других территориях Западной Европы возникла еврейская община. Но фактически отношение к евреям в Италии до XIII в. было весьма благоприятным, о чём свидетельствует ряд обстоятельств.

В VI – XI вв. евреи жили в предместье, на низменном берегу Рима, за «мостом, ведущим к иудеям». Как существовали эти иудеи, мы не знаем. До нас об этом периоде дошли лишь разрозненные сведения. Сообщается, что появилась синагога, где торжественно отдавали дань уважения, венчавшимся папам и королям или коронованным особам, въезжавшим в город».

Общины, подобные римской, создаются и в других городах. Евреи славятся здесь как прежде всего великолепные торговцы, чьи товары известны далеко за пределами Италии и к ним относятся достаточно терпимо[14].

Однако время от времени Рим сотрясали выступления против евреев. В 1020 – 1021г. произошёл случай, подтверждающей это. Общину обвинили в том, что она вызвала землетрясение, будто бы надругавшись над распятием. В результате этого ложного обвинения толпа убила несколько евреев.

Среди членов общины появляются люди, которые начинают играть огромную роль не только в ней, но и имеют большой авторитет и среди христианского населения. Это и банкир Пьермони, и учёный знаток «Тал-

муда» Натан Иехиель Ахав, жившие в XI в., и другие. Они становятся авторитетными людьми города, которые принимают активное участие в его общественной жизни.

Для евреев Франции и Германии всё складывалось по-другому. Благоприятное отношение, которое было у местного языческого населения, сохранялась к евреям и с принятием первых христианства, но, увы, уже к XII в. отношение это ухудшилось не в пользу еврейского народа.

Правление Карла Великого было благодатным временем для еврейских общин. Карл стремился к укреплению своего государства. Он видел в евреях силу, способную привести страну к экономическому процветанию. Евреи, знавшие много языков, сходились с купцами из разных стран. Еврейские купцы совершали путешествия в Египет и Индию, распространяя там европейские изделия. Обрато они возвращались, нагруженные заморскими товарами. Еврейская община в это время тоже переживала свои лучшие годы. Карл Великий даже разрешил евреям решать имущественные споры в соответствии с законами «Торы». Многие еврейские мудрецы пополняли общину, переезжая из других мест сюда, во Францию и Германию, например, известные мудрецы Махир, Калонимус.

Естественно, Карл Великий не мог в отношении евреев полностью игнорировать политику, проводимую христианской церковью. Это нашло частичное отражение и в его решении еврейского вопроса. Капитулярий, созданный в 814 году, давал понять, что государство, несмотря на реальную поддержку евреев, формально всё же относились к евреям, как к «другим». Эти «другие» всегда должны были понимать, что их положение более или менее устойчивое, пока они устраивают государство, и их интересы не пересекаются с полноправными в отличие от них христианами, так как здесь государство целиком и полностью принимают сторону последних, а для евреев предусмотрены в этом случае более жёсткие меры наказания. Из того же капитулярия видно, как жёстко поступали с теми евреями, кто так или иначе вмешивался в вопросы, связанные с христианской религией. В частности, говорится в капитулярии, что «ни один еврей не должен принимать в залог или вместо уплаты долга какие-либо товары Церкви, будь они сделаны из золота или серебра, или с другого материала от любого христианина. Но если он предпримет попытку, не дай бог, это сделать, то все товары должны быть изъяты, а его правая рука должна быть отрезана»[9].

Сын Карла Людовик Благодетельный в отношении евреев продолжал политику своего отца. Лионский епископ Аговард потребовал от него

введения антиеврейских постановлений. Император отказался это сделать, а когда Аговард стал сам вводить эти постановления, то получил от Людовика строгий приказ «прекратить самоуправство».

После его смерти ситуация начала ухудшаться, для еврейского народа наступили не самые лучшие годы. К XI в. антисемитские настроения плотно закрепились в обществе. Так, в 1012 г. страшное несчастье обрушилось на евреев города Майнца. Власти потребовали от них либо перейти в христианство, либо немедленно покинуть город. В городе начались погромы. Большинство евреев бежало оттуда, однако были и такие, кто под страхом смерти изменил вере отцов. Через год указ был отменён, и оставшимся евреям вновь было разрешено вернуться в Майнц.

Короли и крупные феодалы европейских государств не могли не понимать, что евреи являются экономической поддержкой общества, поэтому часто стремились обезопасить евреев и наделить их такими правами, которые бы благоприятствовали развитию торговли. Так, во времена правления Генриха IV еврейским кварталам некоторых городов были присвоены вольности, подобные тем, что существовали у горожан-христиан.

К 1000-му году в германских странах насчитывалось приблизительно 4000 евреев, а веком позже, накануне первого крестового похода, их количество подошло к 20000. Так было во Франции и Германии. Со всем иная обстановка сложилась для евреев в Испании. Там еврейские общины возникли так же рано, как и в Италии, но Испания в VIII в. была полностью завоёвана арабами, что не могло ни отразиться на положении евреев. Их положение с арабским завоеванием стало намного лучше, поскольку до VIII века обстановка, которая сложилась вокруг еврейского народа, была крайне неблагоприятной.

Конечно, первоначально вестготы, которые приняли арианство, объявленное папой римским ересью, не притесняли евреев, а скорее наоборот относились с уважением к ним. Но после обращения вестготов в католицизм всё в корень изменилось. В 589 г., когда король Рекаред принял католичество, в Испании было введено церковное законодательство. Под угрозой строжайших наказаний евреям запрещалось иметь рабов-христиан, обращать иноверцев в иудаизм, жениться и выходить замуж за христиан. Евреи были изгнаны со всех постов в государстве. Последующие правители были несколько более терпимы. Но с 616 г., когда на престол взошёл король Сисебут, над евреями спустилась непроглядная тьма. В течение почти ста лет открытое исповедание иудаизма было абсолютно запрещено[9].

Ряд церковных соборов, состоявшихся в Толедо под руководством короля, сформулировал подробнейшие правила, с помощью которых бывших евреев и их потомков следовало оторвать от веры их предков. Еврейских детей отнимали у родителей и отдавали на воспитание в ортодоксальные католические семьи. Сохранилась патетическое письмо бывших евреев столицы, в котором говорится об их физической неспособности есть свинину, несмотря на все желания продемонстрировать свою правоверность. Естественно, в большинстве случаев обращения в христианство было притворным, и у себя дома евреи соблюдали, насколько это было возможно, еврейские обряды и обычаи.

Основные положения, касающиеся еврейского вопроса в Испании, были изложены ещё в VII веке, даже с приходом арабов, отношение к евреям среди христиан на бытовательском уровне осталось прежнее, поэтому неудивительно, что именно испанская инквизиция была столь жестока в своих методах в отношении еврейского народа. Презрение и скрытая ненависть к иудаизму и к его носителям евреям уходила своими корнями не на одно столетие назад. К евреям в VII веке относились крайне негативно.

Для евреев, как правило, было два пути: изгнание или принятие христианства. Такие исследователи, как французский медиевист Ж. Ле Гофф, и отечественный исследователь Л. Поляков, который специализируется на вопросах антисемитизма, в том числе в Западной Европе эпохи Средневековья, полагают, что корни европейского антисемитизма, который ещё не раз будет выливаться в настоящее бедствие для еврейского народа, нужно искать, на территории католической Испании, до прихода сюда арабов. К евреям в VII веке, в действительности, предъявляли жёсткие требования, даже к тем, кто принимал христианство. Государство не могло не понимать, что некоторые положения тех условий, на которых иудеи могли стать христианами, были просто невыполнимыми, особенно если учитывать то, что иудаизм, как религия, всегда отличался некоторой изоляцией, строгим соблюдением всех предписаний. Новый христианин, бывший иудей, не мог так быстро отказаться от того старого образа жизни, быстро влиться в «новый мир», каким для него было христианство. В Вестготском кодексе, в котором есть положения, посвященные и евреям, созданные в 654-681 года, чётко оговариваются эти условия. В частности, в обращение евреев Толедо к королю Реккесвинту (649-672гг.), вступающие в христианство иудеи обязуются выполнять следующее: «мы не будем наблюдать, и участвовать в еврейских обычаях и обрядов, не будем поддерживать общения

с любимыми некрещеными евреями»; «мы не будем практиковать обрезание. Мы не будем праздновать Пасху, субботу, и другие праздники, как это велит еврейский обычай» и прочие обещания. Это означало, что еврей, который стал христианином, должен полностью выйти из общины, служившей для него защитой не только религиозных, но и социальных, экономических интересов, т.е. он полностью терял поддержку в обществе, поскольку христианский мир к нему по-прежнему продолжал относиться, как к иудею, и не спешил принимать его к себе, а значит, надеяться теме же правами, что имели остальные[10].

Если о евреях Франции, Германии, Италии и Испании сохранились какие-либо сведения, относящиеся к периоду до XI в., то о евреях Англии этих сведений нет. Первые упоминания относятся к XI в., когда на других территориях уже сформировались общины, как особые социальные институты еврейского народа.

Складывание еврейской общины, которая представляла собой особую форму существования еврейского народа, в Западной Европе, окончательно произошло к XI веку. В этом регионе к евреям отношение с самого начала было особым и разным. На это отношение, так или иначе, влияла политика церкви, однако её роль в этом вопросе не была ведущей. Правители чаще проявляли к евреям не негативное отношение, а скорее наоборот, видели в них поддержку государства. Но, даже не смотря на благосклонное отношение к евреям, к ним всегда относились, как к «другим», «чужим». Они никогда не были наделены теми же правами, что и христиане. Скрытая ненависть и презрение по отношению к еврейскому народу всегда присутствовали в обществе, иногда это «выливалось» наружу, но вплоть до XII века, это не носило массового характера.

Еврейская община первоначально формировалась, как религиозный институт, но очень скоро на неё возлагаются функции главного экономического, социального фундамента, кроме этого, ей предстоит выполнять и политические функции, она будет своего рода связующим звеном между рядовыми членами общины и официальной властью, на территории которой она существует.

Христианское общество своим особым отношением к евреям способствовало на протяжении всего Средневековья расцвету и дальнейшему развитию и изоляции общины. Каждая еврейская община всегда преследовала две цели, реализовывала две основные свои функции, в соответствии с которыми решались все задачи – защиты и изоляции. Защиты и изоляции, прежде всего от западноевропейского христианского мира.

Община была своего рода гарантом того, что иудаизм с его традициями, обычаями, ценностями не изживёт себя под давлением христианства. В своём завещании Елеазар Майенс писал своим детям: «мои сыновья и дочери должны жить в общине, а не изолировать себя от других евреев, таким образом, и ваши сыновья и дочери должны также изучать пути иудаизма».

Большинство общин не являлось, как правило, крупными объединениями, но как крупные (1000-1200 человек), так и средние общины (200-300 человек) делали всё, чтобы оказать своим членам полную и своевременную помощь, в случае необходимости.

Благотворительность была в почёте у членов общины. Каждый еврей, который жил в достатке, считал своим долгом делать благотворительные взносы. Община всегда строго контролировала их поступление и, что называется, боролась за них, ведь порой пожертвования в действительности были весомыми. Известен случай, когда один еврей, некий Авраам Аскандрани, всё своё имущество завещал своей дочери, но при этом, согласно завещанию, после её смерти, если не останется наследников, всё должно было перейти к одному из благотворительных фондов. Фактически женщина согласно завещанию отца никак не могла распоряжаться имуществом, так как детей своих она не имела. Распоряжаясь по-своему имуществом, она своего рода распорядилась тем, что по праву может принадлежать фонду, так как неизвестно, оставит ли она после себя детей или нет. Всё должно достаться фонду в том количестве, в котором оставил отец по завещанию. Женщина жаловалась: «Он сказал мне, что не дай бог, я умру не оставив детей, тогда всё перейдёт к благотворительному фонду. Теперь я вынуждена заниматься торговлей, чтобы содержать себя. Распоряжаться имуществом я практически не могу, я даже не могу найти покупателя, так как все знают о завещании для благотворительного фонда, все знают о воли отца». Решение отца суд не смог оспорить, поскольку на суд оказывала своё давление община, которая была заинтересована в поступлении средств в фонд[9].

Община, в действительности, нуждалась в регулярных поступлениях, так как она оказывала реальную материальную поддержку многим своим членам. Так она помогала устраивать свадьбы, поддерживала вдов, сирот. Но, пожалуй, одной из главных обязанностей, которую брала на себя община, было предоставление получения образования детям всех членов общины. В синоде кастильских евреев говорится: «Отцы детей должны оплачивать работу учителей в соответствии со своими

средствами, и если сумма, которую может выплатить отец, недостаточна для поддержания учителя, то община обязана выплатить оставшуюся сумму, необходимую для существования учителя». Все это делалось, с одной целью, в которой больше всех была заинтересована община, а цель эта была проста – сохранить основы иудаизма. Дело в том, что основу образования иудеев составляло подробнейшее изучение Торы. В отличие от христианского мира, где подробное изучение религиозных основ было своего рода привилегией духовенства, евреи полагали, что знать основы своей религии должен каждый, не в зависимости от того, чем он занимается в миру.

Как уже упоминалось, община брала на себя задачи по оказанию помощи нуждающимся членам. «Вдовы, мужчины или женщины, сироты, не состоящие в браки и имеющие менее четырёхсот мареведисов, освобождаются от уплаты налогов. Если кто-то из них будет иметь больше, чем указанная сумма, то только излишке будут облагаться налогом. То же правило применяется к хромым и увечным». Но при этом община устанавливает дополнительное «введение налогов на мясо и вино» для остальных, более платёжеспособных членов.

Вся жизнь общины, по сути, была подчинена тому, что она постоянно отстаивала, сохраняла традиции, обычаи еврейского народа. Община вмешивалась буквально во всё, будь то свадьба, или то, какую одежду должны носить её члены. Так, «ни одна женщина, за исключением тех, кто состоит в браке или невеста в первый год своего замужества, не должна носить дорогие платья из парчи или тонкого льна, или шёлка, или тонкой шерсти оливкового цвета» или «нет сына Израиля в возрасте пятнадцати лет и более, которые могли носить бы плащ с золотой нитью».

О социально-экономическом и духовном значении общины для обычного еврея всё более или менее понятно, а вот с политическими задачами всё немного решалось по-другому. Во-первых, община – это яркий пример средневекового органа самоуправления, имеющий свою структуру, выполняющий определённые обязанности. Но главное, состояло не в этом.

Евреев в обществе всегда рассматривали как особую группу. К ним не были применимы те же законы, что и для христиан, у них было своё особое законодательство. Каждый еврей был частью общины, но община была частью того общества, в котором она существовала, именно поэтому она следила за соблюдением законов, которые местные власти создавали в отношении евреев. Большинство вопросов были связаны с взаимоотношениями с христианами. Однако королевские указы

часто не только ограничивали в правах евреев, но и расширяли их права. Община должна была строго следить за соблюдением всех положений законодательства, она несла двойную ответственность, как перед властью, так и перед своими членами, чьи интересы она защищала.

Еврейская община имела свою структуру, где каждое звено выполняло свои определённые обязанности. Несмотря на различие политических, этнических, языковых, религиозных рамок среды, основные социальные институты общины сохранились везде – иначе не сохранилась бы сама община. В общине всегда наблюдалась строгая иерархия, и действовал принцип разделения властей. Вся власть подразделялась на законодательную (включая судебную) и исполнительную.

Светским исполнительным элементом власти являлся демократически избираемый (один голос от каждой семьи) комитет общественных представителей (старейшин). Он назывался в еврейской литературе «институтом семи наиболее значительных членов общины». Обычно в этот институт входили состоятельные, влиятельные люди со связями «вне», которые занимались в основном решением финансовых проблем, умели регулировать отношения с внешней властью, добиваясь уменьшения налогов и освобождения от воинской повинности.

Роль института мудрецов – роль вторичной законодательной инстанции (первичной законодательной инстанцией является Всевышний) сосредотачивалась в Средние века в руках раввинского суда. «Еврейская община в средние века, а практически до XIX века, до коренных изменений в политической системе Европы, пользовалась довольно обширной юридической автономией. Преступления, совершенные внутри общины, судили и наказывали, согласно постановлениям раввинского суда.

Судьи в общине имели особый статус и положение, эта должность находилась в особенном почёте. Но при этом их деятельность всегда строго контролировалась, так «если любой еврей или еврейка имеет претензии в отношении любого судьи, то судья сам обязан явиться в суд и предстать по воле истца перед своими коллегами-судьями». Так же, что очень важно сфера деятельности судей, во избежание произвола, всегда строго разграничивалась. Судьи обязаны были только судить, и не могли вмешиваться в решение других важных вопросов общины. Например, «судья не уполномочен вмешиваться посредством своей судебной власти в вопросы о налоговых списках и распределение налогов».

Ещё одним очень важным элементом, «свободным от какого-то стандарта, но влиятельным в древнееврейском государстве, был пророк. Но без пророка нет пророка. Нет механического пророка, нельзя назначить кого-

то пророком. Поэтому в общине функция пророка делилась на несколько частей. Одна часть – это постоянное присутствие особого сословия людей, не занимающих никакой официальной должности, но отдающих либо все свое время, либо большую часть его, изучению Торы и готовых свободно критиковать официальные сословия. Частично прерогативы пророков перешли к раввинам. И неоднократно раввин, защищая кого-то из членов общины, оказывался в оппозиции к наиболее богатым и уважаемым ее членам. Вторая часть – юридическая возможность такой критики по отношению к светским и религиозным главам общины.

Отлучение от общины было явлением нечастым, но имеющим место. Применяли его, однако крайне редко: «либо при намерении еврея перейти в другую веру, либо при поступлении его на королевскую службу, когда тот отрекался от общины, как бы, по собственному желанию».

Для укрепления общины были приняты знаменитые правила Гершомы, запрещающие под страхом отлучения злословие, доносы, бигамию и др.

В Талмуде разбираются два вида отлучения: отлучение на 30 дней (попробуй, как ты будешь жить сам по себе) и отлучение навсегда. Еврей, собиравшийся оставаться евреем, никак не мог прожить без общины. В случае отлучения он вынужден был уйти в отдаленную общину, куда сведения о нем не могли попасть, хотя само по себе такое путешествие было очень опасным.

Вот что представляла собой еврейская община, существовавшая в эпоху Средневековья в Западной Европе. Она, возникшая первоначально, как некое религиозное образование, очень скоро стала решать целый ряд экономических, социальных, политических задач. Но главное, что пыталась решить община, это была защита своих членов и относительное изолирование их от пагубного для иудаизма влияние извне. Община имела свою относительную автономию, но её действия постоянно находились под контролем государства. Западноевропейской еврейской общине приходилось нелегко, так как реализую одну из основных функций, а именно функцию изоляции, она не могла постоянно удерживать идущий процесс аккультурации в обществе, хотя и пыталась этому противостоять.

История еврейского народа в Западной Европе в Средние века неразрывно была связана с развитием такого общественного института, как община, который не только регулировал все сферы жизнедеятельности, но и оказывал реальную поддержку своим членам. Положение еврейского народа на западноевропейских территориях долгое время оставалось стабильным, вплоть до XII вв. открытые проявления анти-

семитизма были редкостью. Позиция правителей, осознававших, прежде всего то, какую роль играют евреи в экономике государств, часто являлась своего рода гарантом относительно спокойного существования евреев. Церковь в отношении евреев с самого начала заняла негативную позицию. Что же касается общественности, то её позиция относительно «еврейского вопроса» постоянно менялась. Но, каким бы ни было отношение к евреям, их положение в Западной Европе было с самого начала особым, к евреям никогда здесь не относились, как равноправным членам общества, их всегда выделяли в особую группу.

Несмотря на то, что евреи в западноевропейском обществе в Средневековье выделялись в особую группу, государство всегда их высоко ценило. Те занятия, которыми занимались евреи, были в действительности, «общественно полезными».

Основными занятиями евреев в этот период принято считать: ростовщичество, ювелирное дело и торговлю, но на самом деле евреи занимались не только этим. Они проявляли себя, как замечательные врачи, астрономы и т.д. В этих видах деятельности им зачастую не было равных.

Благодаря торговле, как локальной, так и международной, евреи имели высокую репутацию в широких слоях местного населения, т.к. были носителями новых знаний и занимали важное место как культурные посредники. Долгое время еврейским купцам не было равных. Такая ситуация сохранялась вплоть до XI века и не случайно, что понятия «торговый агент» (коммерсант) и «еврей» считались в то время равнозначными, что является свидетельством того положения, которое занимали еврейские торговцы в те времена.

Евреи, в действительности, играли важную роль в экономике Западной Европы того времени. Они играли роль посредников в мире, разделённом между исламом и христианством.

С усилением влияния церкви ситуация кардинально меняется. Евреи по-прежнему не перестают заниматься торговлей, но их деятельность испытывает слишком большой контроль, как со стороны церковного представительства, так и со стороны светской власти. Ко всему прочему еврейские купцы начинают испытывать сильную конкуренцию со стороны итальянских купцов, которые тоже начинают вести крупную международную торговлю. На Средиземноморье отдельную опасность начинают всё больше представлять пираты.

При всём при этом значение еврейского купечества для экономики Западной Европы остаётся по-прежнему огромным. Торговля между христианской Европой и мусульманскими странами зависела в основ-

ном от еврейских торговцев, проживающих на северных и южных берегах Средиземного моря, которые торговали на юге с мусульманами, а на севере с христианами.

Тому, что еврейская торговля процветала, способствовал целый ряд факторов. Самую главную причину этого процветания нужно искать в самом еврейском обществе и сложившемся в нём укладе жизни. Еврейские купцы отличались всегда настоящим профессионализмом, связано это было в первую очередь с тем, что в торговой среде евреев, как и в целом в еврейской общине, существовали также понятия «защиты и изоляции», но выражались они по-своему. Во-первых, еврей-купцы всегда пытались сохранить и передать своё дело детям, но не просто передать, а предварительно обучить их вести это дело, сделать их профессионалами в этой сфере. В дела впускали только «своих», причём подготовленных людей. Во-вторых, со всем нельзя забывать и влияние общины, которая постоянно оказывала всяческую поддержку своим членам, этот принцип взаимной поддержки проявлял себя и в профессиональной сфере. Еврейским купцам удалось сделать то, что никогда не удавалось сделать другим, а именно вселить в свои ряды «дух равенства, который можно объяснить только разделением ответственности между всеми игроками коммерческих сделок». Каждый, не зависимо от того на какой ступени торговой пирамиды он находился, был ли он мелким посредником на местах или богатым купцом, ездившим по всему миру, понимал значимость своего дела, он знал, что в любой момент может рассчитывать на поддержку своих «братьев» евреев.

Эти положения всё больше касаются тех евреев, которые вели крупную международную торговлю, но и у тех евреев, которые занимались торговлей на местах, всё было также.

Немало способствовала развитию еврейской торговли и политика, которую проводили на территориях, где проживали евреи, официальные власти. Те ограничения, которые касались занятия евреями земледелия, а связаны они в первую очередь были с распространением феодализма в Европе, так как теперь «земля стала не только источником материального богатства, но и основой политического и военного могущества», повлияли на всю дальнейшую жизнь еврейского народа в Западной Европе. Во многих регионах постоянная угроза погромов, изгнаний и насильственного обращения в христианство сделали землепользование непривлекательным для евреев. Они начинают реализовывать свой потенциал, в тех сферах, где бы они могли это сделать, где для них не был закрыт доступ. Но все занятия, которыми бы могли занять-

ся евреи, в том числе и торговля, могли реализовываться по большей части только в городе, поэтому еврейский мир в Западной Европе эпохи Средневековья – это с самого начала городской мир.

Еврейские торговцы установили, что городская жизнь благоприятствовала их экономической деятельности и селились в городах, они получали привилегии в гарантии свободной торговли, а также освобождение от уплаты таможенных пошлин. Евреи были составной частью каждого большого городского поселения в средневековье. В пределах городских стен или резиденции епископа еврейские коммерсанты находились под защитой властей. Ничего существенно нового в отношении евреев в христианской церкви к XIV – XVI не произошло: церковь по-прежнему осуждало еврейских ростовщиков, считало борьбу с еретиками и евреями – своей одной из главных задач.

Ещё одной из важных особенностей решения еврейского вопроса в XIV- XVI вв. станет массовое формирование еврейских гетто. Гетто в Западной Европе были не только своего рода неким ограничением в свободе действий и передвижения евреев, но они ещё способствовали решению таких важных для общины целей, как «защита и изоляция». Защиты и изоляции, прежде всего от западноевропейского христианского мира. Общине также необходимо было сохранять основы иудаизма, так как всюду насаждалось христианство. Сделать это в условиях проживания в гетто было гораздо проще.

К XIV веку уже окончательно определяются те занятия, которыми евреи будут заниматься все последующие века, и в которых они добьются наибольшего успеха. Это и ювелирное дело, и торговля, конечно же, ростовщичество, которое более в крупных масштабах будет перерастать в банковское дело в дальнейшем[9].

Таким образом, в Западной Европе к XIV-XVI вв. «еврейский вопрос» получил своё полное оформление и обоснование. К религиозной причине прибавился ещё ряд причин, в том числе и экономических, которые стали составлять основу в распространении антисемитских взглядов в дальнейшем. Почти окончательно сложился тот комплекс стереотипов о еврейском народе, который существует и в наши дни.

На протяжении всего Средневековья к торговой деятельности евреев власти были более чем благосклонны. Даже во времена усиления антисемитских волнений власти всегда осознавали то, какую роль играет торговая деятельность евреев. Поэтому, даже после того как в той же Франции в 1315 году евреям было разрешено вернуться, никто не собирался их ограничивать в занятии торговлей, хотя это, наряду с ростовщичеством

было одной из главных причин их изгнания в 1306 году. В законе, в котором оговаривались те условия, на которых евреев могут впустить обратно, в том числе говорилось и то, что они могут вернуться обратно, если будут содержать себя «продажею хороших товаров».

О том, что к евреям, которые занимались торговлей, относилось с ненавистью простое население, тоже говорить не приходится. В периоды, когда антисемитские настроения не перерастали во что-то большее, чем просто настроения, христиане проявляли своё открытое презрение, а иногда и ненависть лишь к тем евреям, которые занимались ростовщичеством. К остальным занятиям, которыми занимались евреи, какого-то явного негатива не наблюдалось. Если негатив и был, то связан он скорее был с тем, что евреи, всегда, чем бы они ни занимались, христианами воспринимались, как отступники от истинной веры. Достаточно обратиться для примера к великому творению Боккаччо «Декамерон». Его творение было написано им в 1349-1351 года, несмотря на то, что это художественное произведение, но и из него мы можем подчеркнуть многое. Никогда не стоит забывать, что Боккаччо был реальным лицом, которое жило в XIV веке. По сути он тоже являлся носителем тех идей, взглядов, которые существовали в обществе того времени. В своём творении он в частности приводит историю одного иудея-купца Абрама, который впоследствии стал христианином. Говоря о нём, Боккаччо не раз говорит, что он был «справедливым и честным» человеком, но «из-за его неправой веры» погибал. Если же мы обратимся к другим литературным источникам, в которых рисуется образ еврея-злодея, то почти во всех, которые относятся к XIV-XVI, еврей этот будет ростовщиком.

Несмотря на всё это христианские конкуренты очень часто использовали в своей борьбе тот ложный довод, что любой еврей представляет зло, так как повсюду постоянно, «куда допускали евреев, росло число еврейских магазинов». Евреям приходилось постоянно бороться, бороться в первую очередь с верхушкой городов, которая желала монополизировать все виды экономической деятельности. «Во многих городах конкуренты в конечном счете добивались полного изгнания евреев и даже получали у правителей, в чьих интересах было защищать права евреев в экономике, особую привилегию — «не терпеть евреев». В годы правления Генриха III (1216-1272 гг.), когда огромные налоговые поступления зависели от процветания евреев, волна антиеврейских указов прошла по многим городам. В большинстве городов Европы еврейская торговля ограничивалась пределами еврейского квартала, а евреям-торговцам запрещалось выставлять товары

в воскресенья и христианские праздники, что наносило им серьезный ущерб, так как они держали лавки закрытыми также и по субботам, и по еврейским праздникам. И все же экономическая необходимость вынуждала евреев пользоваться всеми доступными средствами, чтобы заработать на жизнь торговлей».

Особую роль в жизни любого еврейского купца играли ярмарки. «Когда в позднем средневековье большинство прежде знаменитых ярмарок перестали быть международными, евреи по-прежнему прибывали туда как желанные гости — даже в те места, где им было запрещено проживать. Евреи пользовались специальными установлениями о ярмарках, принятыми большинством городов, которые стремились расширить международную торговлю и избежать гонений на участников ярмарок. Важной льготой, предоставляемой на ярмарках, была отмена групповой ответственности торговцев общего происхождения за недобросовестные действия одного из их группы. Такая групповая ответственность касалась также и не евреев, но в отношении евреев обвинение всей группы за поведение одного из них было особенно развито».

В провинцию евреи не любили отправляться торговать, на это у них были свои весомые причины. Во-первых, это было весьма не прибыльное занятие, так как многие, жившие там простые люди, вели традиционное хозяйство, и всё необходимое выращивали и изготавливали сами, в каких-то особых предметах быта или красивых одеяниях они не нуждались, зато всё это, за, естественно, низкую цену охотно разбирала городская масса. Во-вторых, заниматься торговлей было и просто опасно. Главную опасность в Средневековье представляли дороги, на которых грабежи и насилие были делом обычным. Для торгующего еврея добраться до какого-нибудь отдалённого уголка представляло двойную опасность. Кроме того, что его могли ограбить, нередки были случаи, когда евреев, лишённых всяческой защиты на дорогах, убивали, в первую очередь, руководствуясь своей национальной и религиозной неприязнью к ним. Всё это ещё усугублялось тем, что евреи просто не могли быть не замеченными. Во многих областях Европы действовали законы, согласно которым евреи были обязаны носить отличительные знаки. Например, в законодательстве Кастилии говорилось: «Все евреи, мужчины и женщины, проживающие в наших владениях, обязаны носить определённый отличительный знак на голове, так чтобы люди прямо могли признать их евреем или еврейкой, и любой еврей, которых не имеет такой отметки, должен платить за каждый раз, когда он находится с без него десять золотых мареведисов, в случае если он не имеет

средств чтобы уплатить это, он должен получить десять ударов плетью за своё преступление». На некоторых территориях, в частности во французских, власти часто позволяли евреям, на время таких путешествий не носить отличительные знаки, но так было не везде.

Несмотря на то, что еврейские купцы будут играть важную роль на протяжении всего Средневековья, попытки оградить их от этой деятельности будут предприниматься постоянно. Уже в X веке такая попытка будет предпринята в Венеции, где еврейским коммерсантом будет запрещено плавать на кораблях, которые держат свой путь на Восток. Следующая попытка будет предпринята с наступлением эпохи Крестовых походов. И если власти и будут пытаться постоянно противостоять этому, то евреи найдут свой выход из этой ситуации. «Чтобы выжить в таких условиях, возрастающих опасностей и угроз, и избежать полного ограбления евреи прибегают к превращению их собственности в деньги и благородные металлы, которые легко спрятать и унести. Отсюда, усиление роли денег, переход к денежной торговле, появление ростовщичества. Денежная торговля не требует от кредиторов дальних поездок, они могут оформить сделки даже дома. Понятие «еврей» теперь начинает становиться созвучным слову «ростовщик».

Евреи к XIV веку сохраняют свои позиции в торговой сфере, но очень многие, в особенности те, кто ранее был занят в международной торговле, предпочтут заниматься ростовщичеством. Но, однако, это не мешает возникновению целого ряда мифов, которые получают своё широкое распространение к XV веку. О еврейских купцах в народе, в действительности, слагали целые легенды. Так повсеместно был распространён миф, что еврейским богатством нет конца, были и мнения, что всё это нажито с помощью участия нечистой силы.

Ещё одна из легенд, которая больше относится к фантазиям некоторых историков, говорит о том, что «вся еврейская торговля была сосредоточена на предметах роскоши». Правда, что торговля предметами роскоши была одной из ведущей, но далеко не главной. Евреи уже в то время, даже несмотря на то, что каждый купец старался выбирать, чтоб было легче, определённую специализацию, вели постоянное наблюдение за спросом. Их предложения полностью зависели от того, каков и на что был в данный момент спрос. А то, что еврей-купцы занимались продажей предметов роскоши, в особенности ювелирными изделиями объясняется просто. Евреи часто преследовались, подвергались грабёжам, а ювелирные изделия в случае необходимости было «легко спрятать и транспортировать». Кроме этого, торговля предметами рос-

коши всегда тесно переплеталась с другим важным еврейским занятием, а именно с ювелирным делом.

В этом деле евреям не было равных в эпоху Средневековья в Западной Европе. И многое в этом играло не только мастерство ювелиров, а оно было на самом высоком уровне, но и тесная взаимосвязь всей экономической жизни евреев. У еврейских ювелиров был доступ к сырью необходимому для создания настоящих ювелирных шедевров. Еврейские купцы снабжали своих мастеров всем необходимым, а потом уже продавали готовые изделия по всей Европе. Всё дело в том, что еврейские купцы очень удачно смогли найти золотую жилу, которой была Африка. Таким количеством запасов драгоценных металлов и камней в Средневековье не мог похвастаться не один регион. Большинство европейских купцов туда ездили неохотно, их пугали и местные племена, и мусульманское население, к тому же всех тянуло туда на Восток, к заманчивым и почти мифическим богатствам Индии. Еврейским купцам неоднократно путь на Восток, как уже рассказывалось, закрывали, им ничего не оставалось, как искать другие прибыльные районы, они что называется «открывали новые горизонты, такие, как славянские территории», к примеру. Они наладили к XII веку импорт золота из Судана. Благодаря усилиям еврейских купцов получит распространение к XIII веку обработка алмазов, где главную роль будут играть еврейские ювелиры.

Евреи раньше европейцев поймут, что сырьё всегда дешевле, чем произведённый товар. В их среде получит широкое распространение практика, когда купцы будут поставлять сырьё, а ремесленники заниматься изготовлением изделий, которые будут продаваться всё теме же купцами, но уже по высокой цене и, принося гораздо больше прибыли.

XIV – XVI века – это века, где не было равных в торговле итальянским купцам, но они постоянно испытывали на себе конкуренцию со стороны еврейских купцов, но открытых гонений на них не было, у них имелась «полная свобода для выполнения своих коммерческих интересов».

Отдельному рассмотрению подлежит ростовщическая деятельность евреев, о причинах возникновения которой у еврейского народа, уже говорилось. Именно ростовщическая деятельность евреев часто становилась причиной возникновения антисемитских настроений в обществе среди простых обывателей, а религиозный компонент только усиливал нарастающее недовольство.

Официально церковь осуждала занятие ростовщичеством, правда, на деле под осуждение церкви и общественности попадали лишь мелкие ро-

стовщики, и в особенности ростовщики евреи, именно «на их головы падала основная тяжесть церковных проклятий и публичного презрения».

Во многом из-за ростовщической деятельности христиане к евреям начинали относиться, как к лицам бесчестным, хитрым. Хотя существовала в то время и иная точка зрения, согласно которой «евреи и язычники ценили честь дороже и хранили её строго, ибо соблюдали её ради себя самих и в чаяниях воздаяния на земле». Евреев, в действительности, отличала некоторая практичность, но связана она была с тем, что они в отличие от средневековых христиан, которые грезили другой счастливой загробной жизнью, предпочитали получать блага в этой реальной жизни. Но представление о том, что все евреи безумно жадные – это не что иное, как очередной стереотип общества, который зародился ещё в эпоху Средневековья и напрямую был связан с ростовщической деятельностью евреев. В средневековом мире типичный образ еврея-ростовщика был такой: богатый, хитрый, бесчестный, злой и жестокий, скупой, скупой настолько, что зачастую экономит буквально на всём, предпочитая жить в бедности и отказывая себе во многом. На самом деле среди евреев-ростовщиков встречалось немало, тех, кто, напротив, любил жить, не отказывая себе не в чём. «При первом счастливом денежном обороте они одевались в шёлковое платье; украшали своих жён кружевами и драгоценными платьями, покупали оружие для своих сыновей и обучали их изящным искусствам, особенно пению».

В литературе образ жестокого и злого еврея-ростовщика использовался писателями достаточно часто, что являлось своего рода отражением тех взглядов, которые были в обществе того времени. Конечно, самое знаменитое произведение, которое посвящено этой теме, – это «Венецианский купец» У. Шекспира, но это творение великого английского писателя, было создано им уже в конце XVI века (около 1596г.), а были и более ранние работы других писателей, посвящённые этой теме, из которых Шекспир «черпал» как сюжет, так и идею. К тому же, что очень важно в этом творение взгляд Шекспира неоднозначен, на общепринятый взгляд о евреях-ростовщиках накладывается и его субъективный подход к этой проблеме. Но обо всём подробнее.

Сюжет своего творения Шекспир позаимствовал у Джованни Фьорентино. В одной из новелл из сборника «Овечья голова»(1378 г.) рассказывается история, которая по своему содержанию очень сильно напоминает историю, рассказанную Шекспиром. Однако, несмотря на то, что в новелле тоже еврей-ростовщик одна из ключевых фигур, идейная составляющая этой новеллы мало затрагивает еврейский вопрос. Фигура ев-

рея-ростовщика скорее показана здесь, так как удачно вплетается в общий сюжет, но вовсе не из соображений автора создать определённый образ. Автор просто взял готовый образ еврея-ростовщика, созданный обществом, в котором он жил и вплёл его в свой сюжет.

Ряд произведений, в которых затрагивалась тема евреев-ростовщиков, не дошли до нас. Это и пьеса «Венецианский купец» Декерра, и пьеса Шекспира «Еврей». Но то, что они имели место быть, говорит о том, что еврейский вопрос был актуален в обществе.

«Венецианский купец» Шекспира и «Мальтийский еврей» (около 1589г.) Кристофера Марло являются наиболее яркими художественными произведениями, которые посвящены еврейской проблеме. И несмотря на то, что главный герой Марло Барабаш – еврей-банкир, а не ростовщик, как Шейлок Шекспира, это существенно не изменяет того общего образа, который был создан писателями.

Барабаш, главный герой пьесы Марло, который по сюжету теряет, будучи одним из самых богатых людей Мальты, всё своё состояние, показан как личность крайне мстительная, которая всё время плетёт интриги против окружающих, и что самое главное – Барабаш открыто надсмехается над христианскими ценностями. В одной из своих речей он прямо говорит: «Пусть я буду евреем, и другие будут ненавидеть меня за это, но не нищим христианином, чтоб другие меня жалели». Шейлок Шекспира, как и Барабаш Марло, также презирает христианские ценности и всех христиан, говоря об Антонио, он в первую очередь говорит о том, что он ненавистен ему, как христианин. И Шейлок, и Барабаш, ставят свой народ превыше других народов, называя его не как иначе, как «священный народ». Богатства, которыми владеют евреи, Барабаш, объясняет, как «благословение, обещанное евреям».

Показательны слова, сказанные в «Венецианском купце» Грациано в адрес Шейлока: «Свирепый дух, освободясь из петли, в утробе подлой матери твоей в тебя вселился; да, таков твой дух: несытый, волчий, кровожадный, хищный!». Это ещё раз подтверждает, что христиане очень часто связывали воедино поступки и деятельность отдельного человека с его еврейским происхождением, т.е. по их мнению, любой еврей с самого своего рождения несёт в себе зло.

Евреи несли в себе зло, так как в представлении христиан Средневековья весь народ еврейский всегда будет виноват в смерти Христа. Шекспиру эта позиция общества была знакома, поэтому он не просто изобразил Шейлока жадным ростовщиком, а сделал его настоящим палачом, который пытается распорядиться жизнью ненавистного ему хри-

стианина Антонио. Здесь Шейлоком движет во все не меркантильные мотивы, ему просто ненавистна правда и те моральные ценности, которые несёт в себе фигура Антонио. Образ Антонио в произведении сопоставлен фигуре Христа. Он добр, честен, милосерден, но он есть жертва, с которой собирается расправиться злая, расчётливая еврейская сущность. Антонио с чувством покорности идёт на свою же погибель, сравнивая себя с овцой, животным, которое в христианском мире всегда было символом невинной жертвы.

Таков был взгляд христианской общественности на еврейский народ, и в частности на их занятие ростовщичеством. Но также в пьесах приводится и другая позиция, касающаяся евреев, это позиция самих авторов. Барабаш, который выступает главным носителем зла в пьесе, не лишён человечности, он резко и открыто осуждает политику властей, которые возложили все заботы по выплате дани туркам на еврейский народ острова. Шейлок, показан Шекспиром, как заботливый отец, как верный и любящий муж, который всю жизнь хранил кольцо, которое досталось ему в память о его рано умершей жене.

Свою собственную позицию в отношении евреев Шекспир вложил в одну из пламенных речей Шейлока: «Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть – разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать – разве мы не смеемся? Если нас отравить – разве мы не умираем?». В этих строках Шекспир выразил своё отношение к антисемитизму, подвергнув его критике.

Такая, более гуманная позиция Шекспира и Марло к евреям, в XVI веке имела место быть, поскольку XVI век и первая половина XVII века прошли под знаменем Реформации, когда доминирующее влияние церкви на многие вопросы заметно ослабло. Еврейский вопрос не был исключением. Религиозный фактор антисемитских взглядов заметно ослабевает в этот период, но зато появляется новый, связанный с экономическими интересами, поэтому отношение к ростовщической деятельности евреев остаётся прежнем.

Художественная литература, в действительности, может показать нам взгляд христианского мира западноевропейского общества того периода на ростовщическую деятельность евреев. Но особую позицию в этом вопросе отстаивали официальные власти.

Церковь, как уже говорилось, всегда осуждала ростовщическую деятельность, преследую не всегда только религиозные мотивы, но и часто, делая это, из-за меркантильных своих соображений. «Для церкви запрет имел большое значение, так как вплоть до XII в. она сама нередко занималась ростовщичеством, а некоторые церковные учреждения занимались этим и позднее. Евреи сталкивались также с ожесточенной конкуренцией со стороны ростовщиков из Ломбардии и Кагора, часто получавших откуп на ростовщичество от пап за их услуги по переводу в Рим и Авиньон церковной десятины. Однако у евреев было то преимущество, что они могли заниматься ссудным делом открыто, а нередко при явной или скрытой поддержке правителей».

Правители всегда были напрямую заинтересованы в том, чтобы евреи могли заниматься ростовщичеством, так как обычно ростовщичеством евреи должны были за право заниматься ростовщичеством часть дохода отдавать им. Кроме того, были и другие весомые причины для поддержки. Например, «в 1208 г. папа Иннокентий III в письме графу Неверскому сообщал, что, хотя «некоторые князья стыдятся сами заниматься ростовщичеством, они приглашают в свои города и замки евреев и назначают их своими представителями по взиманию денег».

Но какой бы негатив не испытывали к еврейским ростовщикам, от их услуг не могли отказаться никогда. Так как, «как правило, ростовщики-христиане устанавливали еще более высокий процент по ссудам, отчасти как компенсацию за «бесчестье и греховность» их занятия в глазах единоверцев».

Официальные власти, которые чаще поддерживали евреев, иногда принимали сторону общественности и церкви, не запрещая евреям заниматься ростовщичеством, но делая эту деятельность крайне невыгодной. Так, Людовик IX в упоминавшемся уже указе 1315 года, в котором оговаривались условия возвращения евреев во Францию, постановил, что «евреи могут давать деньги под залог, но без законных процентов; прежние должники обязываются выплатить свои деньги, из которых евреи получают треть, а остальные две трети переходят в казну».

Но, несмотря на все эти меры, евреи всегда охотно занимались ростовщичеством, так как контроль, как правило, велся в отношении крупных займов, мелкие займы правители просто не в силах были контролировать. Мелкие займы евреи производили для простых небогатых людей, которые составляли основную массу населения. Это всё приводило к тому, что на бытовательском уровне складывался негатив по отношению к еврейским ростовщикам.

Другим важным занятием евреев в Средние века была медицина. Евреи зарекомендовали себя в этот период как великолепные врачи. «Большинство Пап и королей христианских государств (в том числе и Людовик Святой) лечились у врачей-евреев». Особенно преуспели в занятии медициной те евреи, которые жили на юге Западной Европы. «Евреи испанские, итальянские и лангедокские приобретали много сведений в естественных науках от арабов, и много трудились сами над различными изысканиями».

Население всегда охотно обращалось за помощью к еврейским врачам. Правда, иногда высказывались идеи, по которым «еврейским врачам запрещалось работать с христианами».

Еврейским врачам тоже приходилось испытывать на себе негатив, который был у христиан ко всем евреям. Известно, что «император Карл Лысый имел при себе еврея, по прозвищу Седекия. Когда он пользовал короля франков в последний раз, дав ему питья, которым не вылечил, народ обвинил лекаря в отраве короля, хотя Карл Лысый умер, после принятия лекарства, дней через одиннадцать и народ знал лекаря за отличного знатока своего дела и чародея. Рассказывали о нём тысячу чудес, много нелепых сказок: будто он отрезывал и пришивал головы, мог, когда хотел, проглотить лошадь с всадником и сбруей и т.д.».

Еврейских врачей, в действительности, очень часто обвиняли в связях с нечистью, именно этим многие христиане объясняли их способности и знания в медицине. Демонолог Гулар сообщал о враче, который приобрёл свой успех благодаря связи с нечистыми силами. К концу жизни врача стали мучить угрызения совести, «только эти угрызения привели его не к покаянию, а к ожесточению». Многие обвинения и доводы, которые делались в адрес еврейских врачей, сейчас нам кажутся сказками, но в эпоху Средневековья – это были настоящие и серьёзные обвинения, которые чаще всего заканчивались не в пользу евреев.

«Кроме специфически еврейских профессий евреи занимались почти всеми ремеслами. В Кельне, где гильдии запретили для евреев практически все ремесла, им все же разрешили заниматься стекольным делом, по-видимому, потому, что в этой области не было достойных профессионалов среди христиан. Есть свидетельство о греческих стеклодувах во Франции в VII в., которые уверяли, что могут производить стекло так же хорошо, как евреи».

К еврейским ремесленникам отношение было особое, власти чётко следили за их количеством, стараясь не допускать большого роста, чтобы евреи не могли составить серьёзную конкуренцию для других городс-

ких ремесленников. Городские власти, однако, в тех видах ремесла, где не было равных евреям, как например, в ювелирном деле, напротив, делали всё, чтобы евреи могли развиваться и процветать. Сами правители часто предпочитали пользоваться услугами еврейских ремесленников.

В некоторых городах Испании евреев-ремесленников было столько, что они могли создавать собственные гильдии. В уставе гильдии евреев-сапожников Сарагосы, утвержденном королем Педро IV в 1336 г., содержится косвенное свидетельство о непрерывности еврейского занятия ремеслом со времен древних объединений евреев-мастеров. Когда 18 июня 1492 г. указ об изгнании евреев из Испании был распространен на Сицилию, власти Палермо и других городов протестовали против него на том основании, что «в этой стране почти все ремесленники - евреи. Если они исчезнут сразу, возникнет нехватка многих товаров, ибо христиане привыкли получать от них множество механических изделий, в особенности железный товар дляковки лошадей и для обработки земли, а также необходимые поставки для парусных, гребных и иных судов.

Евреи также очень часто допускали к чеканке монет, но и здесь им было непросто, их очень часто обвиняли в порче монеты. Одно из таких обвинений «привело в 1278-79 гг. к казни 293 евреев Англии, и отчасти оно стало причиной изгнания евреев из страны в 1290 г».

Кроме этих занятий евреи проявляли себя, как добросовестные аптекари, талантливые банкиры, при испанских правителях были евреи, которые занимались астрологией. Есть даже упоминание, что в «Германии процветал еврейский трубадур Зюскинд из Тримберга, который пел при дворах баронов и князей в одно время с Вальтером фон дер Фогельвейде и Гартманом фон Ауэ. Безусловно, сильные мира сего относились к нему хуже, чем к его христианским собратьям».

Еврейское население в странах Западной Европы в Средние века было невелико, в сравнении с христианским населением. Но при этом, например, в Священной Римской империи «в XIII веке евреи давали 13% доходов империи», а доля их в общих городских налоговых поступлениях в целом составляла около 20 %.

Особенности повседневной жизни еврейской общины в Средние века

Повседневная жизнь еврейской общины вся была проникнута религиозным компонентом. Евреи всегда очень чтити традиции, которые сохранили для них их предки, и сами пытались сохранить и передать их своему потомству. Но вместе с тем евреи, которые веками прожи-

вали на христианских территориях, не могли не впитывать в себя ценности, обычаи, традиции христианского мира. Постоянно, особенно на тех территориях, где еврейское население составляло значительный процент или было особо заметно, происходил процесс аккультурации. В большинстве случаев процесс этот затрагивал в большей мере еврейский народ, который составлял меньшинство. Касался он, как правило, повседневной жизни, и почти не затрагивал религиозных воззрений евреев. Еврейская община считала своей целью ослабить этот пагубный в её представлении процесс.

Это народ, который жил преимущественно и развивался в городах. Сам город, правда, впускал евреев неохотно в свой мир, не смотря на все их заслуги. Для евреев обычно отводилось отдельная часть в городе, в большинстве случаев, это было предместье города. На одних территориях евреям приходилось постоянно тесниться, на других они могли иметь даже свой приусадебный участок. Но только в городах юга Франции «они, в Средние века, приобретали и продавали имения свободно, наравне с христианами».

С правом строить синагоги всё обстояло намного сложнее. Власти были заинтересованы в деятельности еврейского народа, поэтому место для проживания, плохое или хорошее, они всё же предоставляли, а вот в распространении и процветании иудаизма они никак не были заинтересованы. Поэтому, всегда чётко контролировалось строительство новых синагог, так, в кастильском законодательстве, касающемся евреев, говорилось: «Синагога является местом, где евреи молятся, и новое здание такого типа не может быть установлено в любой части нашего владения, кроме, как по нашему заказу». Что касается кладбища, то оно обычно располагалось рядом с синагогой, в большинстве случаев его состояние было крайне неприглядным. Например, на кладбище, которое было в Лиссабоне «могилы теснились одна возле другой, осенённые несколькими плакучими ивами». На отдельных территориях евреям предоставляли не только место для жилых дворов, синагог и кладбищ, но, например, в Вене евреи занимали отдельный квартал, который носил название «Жидовской площади», «там у них были: синагога, госпиталь, постоянные дворы, бойня, бани и кладбище»[14].

XV-XVI вв. – это время массового формирования еврейских гетто, которые являлись не только неким ограничением в жизни евреев: именно благодаря гетто могли полноценно реализовываться те функции, которые брала на себя община, в условиях широкого распространения антисемитских взглядов.

В Западной Европе евреям «приходилось постоянно скрываться со своими религиозными обрядами, избегать неприязненных толков и всего того, что могло бы подать повод к новым преследованиям. Но несмотря на это, именно Средневековье считается временем оформления Талмуда.

То, какую роль играл в жизни средневековых евреев в Западной Европе Талмуд, легко можно проследить, если обратиться к системе образования и воспитания, которое существовала в то время. Воспитание детей было полностью направлено на усвоение основ иудаизма, которые могли быть усвоены, как считалось, лишь с подробным изучением Торы и Талмуда. Те принципы воспитания и обучения, которые были сформированы ещё в древности, сохранились у еврейского народа и в эпоху Средневековья. Не смотря на то, что в Западной Европе евреи были разбросаны по разным территориям, для всей системы их образования и воспитания были характерны следующие общие черты.

Школьное воспитание и обучение, как правило, было трёхступенчатым. На первой ступени обучения и воспитания дети овладевали зачатками чтения и письма, а также счётом. В начальной школе учитель и ученики сидели на полу, демонстрируя своё равенство перед Богом, когда же старшие дети получали возможность включаться в дискуссию, учитель садился на некоторое возвышение.

Тора и Талмуд – свод религиозно-этических и правовых догм иудаизма, а также толкование Торы – служили главными предметами школьного изучения. Тору заучивали почти наизусть, развивая память, которая считалась у иудеев важнейшим свойством ума. В процессе этих занятий дети учились рассуждать и излагать прочитанное и заученное. Третий этап обучения был связан с подготовкой к будущей профессиональной деятельности. Поскольку профессия чаще всего передавалась мальчику по наследству, отец выполнял и роль учителя.

Девочек также знакомили с Торой и письмом, но в меньшем объёме. Знания эти были необходимы для соблюдения строгих и сложных традиций при ведении домашнего хозяйства.

Религиозному воспитанию детей уделялось огромное внимание и в семье. Родители, а точнее отцы, должны были проводить постоянные беседы с детьми. Беседовали они, несмотря на то, что воспитание в семье носило явно выраженный деспотический характер, не только на религиозные, но и на нравственные темы[14].

В Средневековье многие евреи считали необходимым оставлять после себя этические наставления-завещания своим детям. В них много говорилось о необходимости сохранения и нерушимости основ иудаиз-

ма, всегда подчёркивалась значимость изучения Торы, так в одном из таких завещаний писалось: «Сын мой! Не останавливайся на достигнутом, когда я покину тебя, посвящай дальше себя изучению Торы и медицинской науки. Но главным образом, займи себя Торой, ибо так ты сможешь быть мудрым и иметь справедливое сердце». Но вместе с этим, в тех же самых наставлениях-завещаниях очень много внимания уделялось и нравственной стороне воспитания, к примеру, говорилось о том, что дети должны «никогда не отворачиваться от бедного человека с пустыми руками, а должны дать ему то, что имеют, пусть будет это мало или много».

Еврейским детям с малых лет прививали уважение к старшим, в особенности к родителям. Во многом это было связано и с тем, что старшее поколение всегда являлось носителем тех традиций, обычаев, которые необходимо было усваивать. Норяду с этим, евреи всегда ещё больше заботились о том, чтобы их дети уже заботились о своих детях, и бережно передавали то, что им оставило предыдущее поколение.

Еврейская семья в Западной Европе эпохи Средневековья – это семья патриархальная, мужчине здесь отводится главная роль. Именно он решает основную часть вопросов, связанную с воспитанием детей, их содержанием и т.д. Роль женщины в иудаизме, как принято считать, всегда была незавидной, Средневековье не стало исключением. Но при всём при этом, ошибочно думать, что женщина в семье находилась на правах рабыни. Еврейские мудрецы всегда подчеркивали незаменимое духовное влияние женщин и требовали от мужей бережного отношения к своим жёнам: «Люби жену как самого себя и оказывай ей уважение в большей степени, чем себе. Не заставляй женщину плакать, потому что Всевышний внимателен к ее слезам. Сыны Израиля были избавлены из египетского рабства благодаря добродетельности женщин. Тот, кто находит добродетельную жену, приравнивается к тому, кто исполнил все заповеди Торы».

За мужчиной, в действительности, оставались многие права, такие например, как тоже право развода, развестись или нет, мог решать только муж. Конечно, измена жены была более тяжким грехом, чем измена мужа. В Средние века у евреев считалось, что женщина, изменившая своему мужу, совершает грех против мирового порядка, который установил Всевышний. Но и здесь находились оправдания поступков женщины, так если женщина изменила по насильственному принуждению или по ошибке, то муж не мог подать на развод. Известен интересный случай, когда «в одну семью стал заезжать некий магнетического ха-

рактера человек, который выдавал себя за пророка и пользовался большим уважением хозяйки дома. И через некоторое время он сказал ей, что получил пророчество, и она должна ему отжаться.

Слово, переданное через пророка, надо выполнять. Она выполнила, после чего встал вопрос, запрещена она мужу или нет, и бейтдин постановил, что она мужу не запрещена, поскольку она нарушила по ошибке.

Важно не забывать, что кроме прав, у мужчины было немало и обязанностей, как духовных, так как он всегда должен был выступать своего рода духовным лидером семьи, так и чисто материальных, кроме содержания детей, он был обязан кормить и одевать свою жену.

Кроме всего этого, «законоучители Талмуда призывают мужчин считаться с мнением женщин, поскольку те наделены Всевышним более глубоким пониманием действительности. Мужу следует советоваться с женой по всем жизненно важным вопросам, отдавая должное ее мудрости. Предписано воздерживаться лишь от праздной болтовни с женщинами, сопровождающейся шутками и подтруниванием».

Все эти положения всегда строго контролировались общиной, но община не могла остановить полностью влияние, которое шло извне. Процесс аккультурации происходил постоянно. Так, XIV – XVI вв. стали рождением новоевропейского индивидуализма. Раньше всего этого явление проявилось в ренессансной Италии. Еврейскому населению, которое проживало здесь, это явление тоже становится знакомым. Выражалось оно, «как осознанное обособление индивидом своего собственного «Я» от остального мира. Под «остальным миром» понимается, прежде всего, социум, в котором существует индивид. В Средневековье в Западной Европе для евреев таким социумом была община. Жизнь вне коллектива не представлялась возможной. Каждый должен был подчиняться правилам коллектива, жить по его законам. Обособление себя от коллектива, т.е. общины, было редкостью. Но уже с XIV века это явление перестаёт быть редкостью.

Семья в еврейском мире представляло собой часть общины, именно семья, в первую очередь, являлась гарантом сохранения традиций, обычаев. Её отличительными особенностями являлись её патриархальность, религиозное воспитание, почитание старшего поколения. Всё это помогало сохранению и передаче основ иудаизма, традиций еврейского народа. Еврейский мир в Западной Европе, в действительности, отличался некоторым традиционализмом, но вместе с этим он постоянно влиялся в процесс аккультурации, принимал в себя часть того, другого мира, который противостоял ему[14].

Антисемитизм в Западной Европе в период средних веков

В XIV-XVI вв. «еврейский вопрос» стал наиболее остро. Причин столь массовых и открытых проявлений антисемитизма было много. Но все их можно разделить на два основных блока – религиозные и экономические, последние получают своё распространение именно в это время.

Религиозных причин было масса. Антисемитизм, на своих первых порах, начинал формироваться под влиянием христианской церкви, которая, как уже говорилось, видела в иудаизме, и в самих евреях, угрозу своим интересам. На первых порах становления христианства отцы церкви сделали всё от них зависящее, чтобы иудаизм не смог составлять реальной конкуренции христианству. Знаменитые «Восемь слов против иудеев», которые были произнесены Иоанном Златоустом в Антиохии являются одним из самых ярких примеров, подтверждающих это. В своих речах он открыто называет евреев жалкими людьми, говорит о синагоге, как о месте распутства, обиталище демонов. По его мнению, «не только синагога, но и сама душа иудеев есть обиталище демонов».

Одна фраза в «Евангелие от Матфея» по сути в Средние века в Западной Европе стала готовым приговором для всего еврейского народа. Знаменитая сцена, когда Понтий Пилат умывает руки и ещё раз обращается с вопросом к народу о том, кого же отпустить, стала роковой. «И отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших», – таков был ответ народа. В Средние века эту фразу понимали буквально: все евреи всегда будут виноваты в смерти Христа.

В конце XI века весь христианский мир Западной Европы будет вовлечён в такое неоднозначное явление, как крестовые походы. Для еврейского народа, проживающего в Западной Европе, многое изменится с началом крестовых походов. Энтузиазм по поводу Иерусалима и связанный с этим городом образ распятого Христа – жертвы евреев – породили по отношению к ним волну враждебности и ненависти. Тут сыграло свою роль одно важное обстоятельство: уже доказано, что христиане, жившие в конце XI века, не вполне представляли себе протяжённость исторического времени и считали, что Христа распяли в современную им эпоху. А значит, те, кого они собирались наказать, и были его непосредственными палачами.

Церковь в Средние века в Западной Европе считало борьбу с еретиками и евреями – своей одной из главных задач. Доводы церкви, касающиеся пагубного влияния, которое мог оказывать на добропорядочных христиан иудаизм, не всегда были убедительны для про-

стых обывателей. Поэтому в широкие массы вливается миф «о злом еврее». Самыми распространёнными были истории, связанные с убийством младенцев евреями.

Спасти от разъярённой фанатичной толпы, которая слепо верила во все обвинения, которые выдвигались против евреев, было практически невозможно. Городская чернь, которая, как правило, чинила расправу над еврейским населением, «разоряло всё, что попадалось под руку, убивала детей и стариков». Власти предпочитали не вмешиваться в конфликт, сохраняя нейтралитет в вопросах взаимоотношения христиан и евреев.

Постепенно представления о том, что евреи виноваты во всех бедах и являются настоящим воплощением зла, настолько сильно закрепились в сознании западноевропейского человека, что когда в Западную Европу в XIV веке пришла чума, то сыскать виновников не составило труда. Почти по всем городам Западной Европы прошла череда погромов еврейских кварталов и массовые убийства еврейского населения. Многие считали, что евреи были напрямую связаны в распространении Чёрной смерти в Западной Европе, например, был распространён слух о том, что евреи специально отравляли водоёмы, колодцы, которые использовали для своих нужд христиане.

В XV – XVI века в основу причин возникновения антисемитских взглядов будет положен, как уже об этом говорилось, вовсе не религиозный компонент, а экономический. Во многом это будет связано с тем, что церковь в этот период заметно потеряет свой прежний авторитет, только в Испании будет лежать в основе религиозный компонент. Именно в этот период развитие еврейского ростовщичества в Западной Европе достигает своего пика. Разрабатываются положения, по которым пытаются обосновать причины негатива к еврейскому народу с экономической позиции. Одно из самых знаменитых сочинений, которое посвящено как раз-таки этому, является трактат Лютера «О евреях и их лжи»(1543г.), в которых основоположник протестантизма прямо обвиняет евреев в краже денег христиан, «которые они украли отвратительным путем – ростовщичеством». Он также обвиняет их в алчности, нечестности. Пытается Лютер дать и практические рекомендации относительно «еврейского вопроса». Он не является сторонником насильственного решения «еврейского вопроса», «он не призывает к уничтожению евреев, но советует уничтожить их образ жизни». Он пишет в частности, что необходимо «дать в руки каждому молодому, сильному еврею и еврейке цепь, топор, лопату, прялку, веретено и заставить их в поте лица добывать хлеб свой».

Ещё одной причиной, которая всегда существовала, была и позиция самих евреев по отношению к другим народам. Евреи всегда считали свой народ выше других народов, считали себя избранными: «У каждого еврея есть доля в будущем мире, как сказано: «А народ твой – все праведники, навеки унаследуют они Страну (Израиля – страну вечной жизни. Они – ветвь насаждений Моих, создание рук Моих, которым Я горжусь)». Нередко такая позиция выражалась в презрении еврейскими другими народами, что часто становилось причиной конфликтов.

Отступив от причин распространения антисемитизма, необходимо отметить ещё и тот факт, что XIV-XVI вв. становятся веками, когда высказываются и первые слова в защиту еврейского населения. Уже упоминалось о пьесах английских драматургов, но кроме них, идеи в защиту еврейского населения высказывался и Лютер, который впоследствии поменяет свои взгляды, и Джироламо Савонарола, который будучи яростным проповедником католической церкви, однако, все же будет говорить: «Но зачем нам обращать свою речь против иудеев? Зачем видеть сучек в глазу ближнего, а не замечать в своём собственном?».

Если антисемитские настроения в Западной Европе XIV в. были связаны с религиозной подоплёкой, то в XVI в. они имели уже экономическую природу, которая напрямую была связана с ростовщической деятельностью евреев.

1492 год стал не только годом открытия Америки Колумбом, в этом же году произошла и другая значимая, но печальная дата, а именно началось изгнание всех евреев из Испании.

Испания долгое время была страной трёх религий. Здесь не один век бок о бок жили христиане, мусульмане, иудеи. Уже рассказывалось о том, что, по мнению многих специалистов, именно в Испании до прихода сюда арабов следует искать корни западноевропейского антисемитизма. К сожалению, многие из тех положений, которые были сформированы ещё в те далёкие времена, сохранились здесь в общественном сознании на долгие годы.

Среди причин, которые подтолкнули христианское население полуострова на борьбу с евреями, были следующие. Во-первых, это Реконкиста, которая приводила к резкому противопоставлению испанцев (христиан) другим народам, которые, по их мнению, столько лет незаконно проживали на их родных территориях. Во-вторых, это чисто религиозные причины, т.е. освобождение Испании от неверных. На многих территориях Западной Европы церковь в это время начинает терять свой прежний авторитет, в Испании всё происходит наоборот. Реконкиста ве-

лась не только, как борьба за национальную независимость, но и как борьба за духовную независимость. Испанские христиане не испытывали гнёта со стороны представителей других религий, но мысль о том, что они, христиане, должны подчиняться неверным, всегда была ужасна для них. Церковь, прекрасно осознавая то, что она обязательно найдёт поддержку правителей, решилась на борьбу с евреями, попросту объявив их еретиками. Официально церковь вела борьбу «против иудеиствующих еретиков для возвышения веры».

В-третьих, это социально-экономические причины. Испанских христиан беспокоил вопрос экономического возвышения евреев, как и других христиан, проживающих в Западной Европе. «Христиане, которые не могли с ними соперничать в промышленности, почти все стали их должниками». Но ещё более их беспокоил вопрос их социального возвышения. Нигде в Западной Европе евреи так высоко не поднимались по социальной лестнице, как в Испании. Всё дело в том, что арабы всегда очень ценили евреев. Среди евреев в Испании были известные врачи, учёные, дипломаты и т.д.

И наконец, последняя причина – это личная позиция первых королей объединённой Испании Фердинанда и Изабеллы. Многие полагают, что Фердинанд и Изабелла выбрали такую жёсткую позицию в отношении евреев, руководствуясь в первую очередь своими религиозными воззрениями, но это лишь отчасти так. Короли прекрасно осознавали то, какие богатства были нажиты евреями за то долгое время пребывания их на Пиренеях. Новому, молодому государству, которому ещё только предстояло утвердиться на западноевропейской арене среди других более сильных государств, эти средства были как никогда необходимы. Как подтверждение того, что король и королева преследовали и материальную выгоду в изгнание евреев, может служить письмо написанное Фердинандом и Изабеллой 12 сентября 1492 года к Родриго де Меркадо, комиссару, посланному в округ епархии Толедо, чтобы вступить во владение имуществом евреев, изгнанных из этой части королевства. Они писали: «Король и королева – Родриго де Меркадо, нашему рехидору города Медина-дель-Кампо, мы вам посылаем письмо, которым повелеваем, чтобы в архиепископии Толедской вы произвели розыск о лицах, которые, вопреки запрету, вывезли из королевств богатства, золото, серебро, монету и другие запрещенные предметы, принадлежавшие евреям, изгнанным по приказу нашему из названных королевств, или хранят их при себе для вывоза. Вы должны вчинить иск против виновных по известной форме и секвестровать всякое имущество евре-

ев, которое найдете, согласно всему объему приказа нашего, которое вам посылаем».

Кровавые погромы 1391 и 1411 гг. стали первым предупреждением для испанских евреев. После них многие евреи обратились в христианство. «К середине XV в. их число в 2-3 раза превышало количество евреев, сохранивших верность своей религии».

Для евреев указ 1492 года об их изгнании оказался полной неожиданностью, но ещё большей неожиданностью стали инквизиционные процессы, которые стали проводить против новообращенных христиан, бывших иудеев. Многие евреи были уверены, что принятия христианства станет гарантом их спокойствия и стабильности, но на деле всё оказалось не так.

Правители в большинстве случаев, осознавая прежде всего ту огромную экономическую роль, которую играли евреи в жизни государства, часто оказывали поддержку и помощь еврейскому народу. Иногда власти принимали сторону общественности, ограничивая деятельность евреев или даже ведя открытую антисемитскую политику, как было в той же Испании.

Отношение общественности к евреям всегда было негативное, правда, это не всегда приводило к открытому проявлению антисемитизма. Первоначально, причиной антисемитских настроений была религия, но к XV веку появляется и ряд других мотивов для ненависти и презрения к евреям со стороны простых христиан. Связаны они были в первую очередь с ростовщической деятельностью евреев, а на некоторых территориях и с их возвышением по социальной лестнице, которое в глазах некоторых христиан было несправедливым. Религиозный компонент, по которому занятие ростовщичеством осуждалось, в XV-XVI вв. только усиливал и без того имеющийся негатив, но во все не был главной причиной этого негатива. Но, что очень важно, именно в этот период высказываются одни из первых слов защиты в адрес евреев, которые появились во многом из-за потери прежнего авторитета церкви. Церковь была единственным общественным институтом, который на протяжении всего Средневековья в Западной Европе сохранял свою неприязнь к еврейскому народу как главному носителю основ иудаизма. На самых ранних порах христианская церковь рассматривала иудаизм как своего главного конкурента, поэтому именно ею были сформированы прогнать». Фанатизм доминиканца произвел внезапный поворот в душе Фердинанда и Изабеллы. 31 марта 1492 года они издали декрет, которым все евреи, мужского и женского пола, обязывались покинуть Испанию до 31 июля того же года под угрозой смерти и потери имущества».

Всем евреям, покидавшим Испанию, запрещалось брать с собой золото, серебро и другие драгоценности, которые ранние принадлежали им. Но, несмотря на запрет «евреи унесли с собой большое количество золота, запрятанного во вьюках, седлах и других потайных местах, даже в собственных кишках. Это было засвидетельствовано при вскрытии трупов некоторых евреев, которые, превратив в порошок золотые монеты, известные под именем дукатов и крестовиков, проглотили их, чтобы получить их обратно по ту сторону границы».

Точного количества евреев, которым пришлось покинуть Испанию в 1492 году, определить до сих пор нельзя: одни называют цифру в 2 млн. человек, другие – в 800 тыс. человек, есть точка зрения, что страну покинуло не более 100 тыс. человек. По сути, евреям, которые были изгнаны из Испании, пришлось начинать всё с нуля в других странах.

Многими евреями, которые покидали Испанию, была совершена роковая ошибка. Лишь немногие решились отправиться в Англию, Германию, и другие более далёкие от Испании страны. Большая часть евреев отправилась в соседнюю Португалию, где вскоре так же начались инквизиционные процессы против иудеев.

Для многих евреев, изгнанных из страны, было ужасно не только потерять большую часть своего имущества, лишиться своего социального положения, стабильности в жизни, но и было ужасно потерять свою родину, которой для них являлась Испания. «И в самом деле, эти изгнанники проявили по отношению к стране, бывшей столь долгое время их родиной, такую преданность, которая мировая история, без сомнения, не знает. Лучшим примером этой преданности является их язык ладино, который представляет собой ничто иное как кастильский язык эпохи Возрождения, передававшийся от отца к сыну в Салониках или Марракеше на протяжении двадцати поколений и почитавшиеся почти столь же высоко, как Тора и пророки...» Правда, тем евреям, которые приняли христианство и смогли остаться, пришлось нелегче. То и дела инквизиция проводила процессы против бывших иудеев. Так, с 1540 года по 1614 год было осуждено и казнено ею 1779 человек, которые были обвинены в иудействующей ереси. Разрабатывались целые положения, по которым евреев, принявших христианство, могли снова обвинить в том, что они исповедуют иудаизм. Многие из этих положений статей смешны и нелепы, другие несправедливы и почти все дышат произволом. Например, «если он соблюдает субботу из уважения к покинутому им закону, что достаточно доказывается тем, что он в этот день но-

сит рубашку и платье более чистые, чем обыкновенно, что покрывает чистой скатертью свои стол» и т. д.[9].

Последствия изгнания евреев из Испании и дальнейших инквизиционных процессов, которые будут проводиться против евреев, к сожалению, окажутся неудачными в большей мере для самой Испании. Еврейское население, которое проживало здесь и свободно развивалось, всегда являлось гарантом экономической стабильности страны. В XV – XVI вв. Испания потеряет эту поддержку[9].

XV-XVI вв. стали самым тяжёлыми веками для испанских евреев. В основу распространения антисемитизма в Испании будут положены как религиозные, так и социально-экономические причины. Главной особенностью решения «еврейского вопроса» в Испании в это время станет его решение абсолютно на всех уровнях. «Еврейский вопрос» будет решаться как на бытовательском уровне, так и на государственном. «Еврейский вопрос» станет одним из главных, которые будут стоять перед испанской властью. Впервые государство в столь широких масштабах будет проводить антисемитскую политику.

В XIV – XVI вв. в Западной Европе в стали веками, когда антисемитизм достиг своего пика. Никогда ещё в эпоху Средневековья он не проявлялся так открыто и массово. Во-вторых, именно в это время за основу распространения антисемитизма берётся экономический фактор. Именно он будет доминировать в последующие века. Также ещё важно, что именно в это время впервые официальные власти не просто берутся решать «еврейский вопрос», ограничивая права евреев, или наоборот, расширяя их, но открыто и целенаправленно проводят антисемитскую политику. Самым ярким примером может служить политика, проводимая испанскими королями, в XV-XVI вв.

Вопросы для самоконтроля

1. С чем связано появление в среде западноевропейского общества образов «чужой» и «другой»?
2. Всегда ли эти образы воспринимались негативно?
3. Известны ли Вам примеры, встречающиеся в исторических источниках, взаимопроникновения культур?

Литература

1. Батунский М.А. Развитие представлений об исламе в западноевропейской средневековой общественной мысли (XI - XIV вв.). // Народы Азии и Африки. – 1971. – № 4.

2. Бейкер Дж. История географических представлений и исследований. – М., 1950.
3. Верн Ж. История великих путешествий. – М., 1993. – Кн. 1: Открытие земли.
4. Габриэли Ф. Данте и ислам // Арабская средневековая культура и литература. – М., 1978.
5. Генон Р. Влияние исламской цивилизации на Европу // Вопросы философии. – 1991. – № 4.
6. Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. – М., 1987.
7. Журавский А.В. Христианство и ислам. – М., 1990.
8. Зайдлер Л. Атлантида. – М., 1966.
9. Кресин А. Судьба евреев в Средние века и обычаи их в настоящее время. Талмуд и его начало. – М., 1860.
10. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. – СПб., 2008.
11. Лучицкая С.И. Араб глазами франка (Конфессиональный аспект восприятия мусульманской культуры) // Одиссей. Человек в истории. – М., 1994.
12. Лучицкая С.И. Образ Мухаммада в зеркале латинской хронистики XII-XIII вв. // Одиссей. Человек в истории. – М., 1994.
13. Лучицкая С.И. Образ «другого» (мусульмане в хрониках крестовых походов). – СПб., 2001.
14. Ойербах Р. М. История еврейского народа. – Иерусалим, 1992.
15. Орлов М.А. История сношений человека с дьяволом. – М., 1992.
16. Памятники средневековой латинской литературы IV - IX вв. – М., 1970.
17. Пиков Г. Г. Библия и представления европейцев VIII - XII вв. об исламе и арабах // Традиции и инновации в истории культуры: Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск, 1995.
18. Пиков Г.Г. О восприятии монголов европейцами в XIII веке // История мировой культуры и методы ее преподавания: Тезисы докладов международной конференции. – Новосибирск, 1995.
19. Пиков Г.Г. О восприятии Нового Света европейцами в XVI - XVII вв. // История мировой культуры и методы ее преподавания: Тезисы докладов международной конференции. – Новосибирск, 1995.
20. Уотт У.М. Влияние ислама на средневековую Европу. – СПб., 2008.

Дополнительная литература

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. – Екатеринбург, 1999.

2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М., 1992.
3. Ахмедов А. Социальная доктрина ислама. – М., 1982.
4. Белл Р., Уотт У.М. Коранистика. – СПб., 2005.
5. Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. – М., 1965.
6. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в Средние века. – М., 1991.
7. Бессмертный Ю.Л. Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII-XIII веков. – М., 1969.
8. Бессмертный Ю.Л. Структура крестьянской семьи во французской деревне IX в. // Средние века. – Вып. 43. – М., 1980.
9. Блонин В.А. Любовные связи и их литературное преломление во Франции XII века // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. – М., 1996.
10. Большаков О.Г. История Халифата. – М., 1989. – Т.1: Ислам в Аравии (570-633).
11. Виолле-Ле-Дюк. Жизнь и развлечения в средние века. – СПб., 1997.
12. Габдрахманов П.Ш. Средневековые крестьяне и их семьи. – М., 1996.
13. Гис Ф., Гис Дж. Брак и семья в средние века. – М., 2002.
14. Григорян С.И. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. – М., 1966.
15. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984.
16. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М., 1990.
17. Даркевич В.П. Народная культура Средневековья. – М., 1988.
18. Демография западноевропейского средневековья в современной буржуазной историографии: Реферат. сб.– М., 1984.
19. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII века // Одиссей. Человек в истории. – М., 1990.
20. Еремеев Д.Е. Ислам: Образ жизни и стиль мышления. – М., 1990.
21. Женщина, брак, семья до начала нового времени. Демографические и социокультурные аспекты. – М., 1993.
22. Идеология феодального общества в Западной Европе: Проблемы культуры и социально-культурных представлений Средневековья в современной зарубежной историографии: Реферат. сб. – М., 1980.
23. Ирвинг В. Жизнь Магомета. – М., 1990.
24. Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы: Проблемы и исследования. – М., 1988.
25. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. – М., 1987.

26. Карсавин Л.П. Монашество в средние века. – М., 1992.
27. Карсавин Л.П. Символизм мышления и идея миропорядка в средние века: XII–XIII вв. // Научный исторический журнал. – 1914. – Т. 1. – Вып. 2.
28. Кин М. Рыцарство. – М., 2000.
29. Климович Л.И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии. – М., 1988.
30. Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв. Ч. 1–2. – М.; Ставрополь, 1995.
31. Ле Гофф Жак. С небес на землю // Одиссей: Человек в истории. – М., 1991.
32. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
33. Леманн. Иллюстрированная история суеверий от древности до наших дней. – Киев, 1993.
34. Маркузон Ф.Ю. Население мира от начала нашей эры до середины XX в. // Вопросы экономики, планирования и статистики. – М., 1967.
35. Массе А. Ислам: Очерк истории. – М., 1982.
36. Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М., 1973.
37. Мильская Л.Г. Монастырь как социальная общность и его роль в средневековом мире // Общности и человек в средневековом мире. – М.; Саратов, 1992. С. 117–119.
38. Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. – М., 1976.
39. Опыт тысячелетий. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. – М., 1996.
40. Орлов М.А. История сношений человека с дьяволом. – М., 1992.
41. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. – М., 1987.
42. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. – М., 1987.
43. Очерки истории арабской культуры V–XV вв. – М., 1982.
44. Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б. Жизнь Мухаммеда: (О пророке Мухаммеде, основателе исламской религии). – М., 1990.
45. Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола. – М., 2001.
46. Петров М.Т. Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. – Л., 1982.
47. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. – Л., 1966.
48. Поньон Э. Европа в 1000 году. – М., 1999.

49. Ревякина Н.В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV – первой половины XV в. – М., 1977.
50. Резван Е.А. Коран и его мир. – М., 2001.
51. Резван Е.А. Коран и его толкования: тексты. Переводы. Комментарии. – М., 2000.
52. Репина Л.П. «Женская история»: проблемы, теории и метода // Средние века. Вып. 57. – М., 1994.
53. Самаркин В.А. Историческая география Западной Европы в средние века. – М., 1976.
54. Сказкин С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века // Избранные труды по истории.– М., 1973.
55. Социальная природа средневекового бюргерства XIII–XVII вв. – М., 1979.
56. Средневековый быт. – Л., 1935.
57. Тарновский В. Ведьмы. – М., 1995.
58. Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII вв. – Иваново, 1995.
59. Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI в. – Киев, 1897.
60. Уколова В.И. Феномен средневековой культуры // История Европы: В восьми томах с древнейших времен до наших дней. Т. 2: Средневековая Европа. – М., 1992. С. 591–594.
61. Флори Ж. Идеология меча: Предыстория рыцарства.– СПб, 1999.
62. Фролов Д.В. Мусульманская эстетика и Коран // Восток. – 1992. – № 6.
63. Хаджнал Дж. Европейский тип рождаемости в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. – М., 1979.
64. Хейзинга И. Осень средневековья: Исследование форм жизни, уклада и форм мышления в XIV–XV вв. во Франции и Нидерландах. – М., 1988.
65. Хейзинга Й. Осень Средневековья. – М., 2002.
66. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М., 1996.
67. Человек и культура. – М., 1990.
68. Шевеленко А.Я. Природный фактор и европейское общество V–X веков // Вопросы истории. – 1969 – № 10.
69. Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. – СПб., 1907.
70. Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI–XIII веков. Эпоха. Быт. Костюм. – М., 1978.

ГЛОССАРИЙ

Антисемитизм – отрицательное представление о евреях, неприязнь и предубеждение к ним, основанные на религиозных либо этнических предрассудках, разновидность ксенофобии

Гарем (от араб. *НСЗгээ*, Харим – отделинное, запрещённое) – закрытая и охраняемая жилая часть дворца или дома, в которой жили жёны высокопоставленного восточного государственного деятеля. Женщины, как правило, находились под присмотром первой жены или евнухов. Первая жена имела право разделять титул владельца гарема.

Гетто – (итал. *ghetto, getto*), часть города, выделенная для проживания евреев. Название появилось в XVI в. (по-видимому, от итал. *ghetta* – пущечная мастерская, около которой находился учрежденный в 1516 еврейский квартал в Венеции), но гетто существовали во многих европейских средневековых городах и ранее (наиболее известны гетто во Франкфурте-на-Майне, Праге, Венеции, Риме). Поселение евреев в гетто, будучи первоначально одним из проявлений характерного для средневековья корпоративного строя, когда каждая профессия или религиозная группа жила обособленно, с XIV-XV вв. стало принудительным. Выход из гетто в ночное время не разрешался (на ночь ворота в гетто запирались). Внутри гетто жизнь регулировалась богатой верхушкой еврейской общины и раввином. Гетто, представлявшие собой наследие Средневековья, исчезли в первой половине XIX в. (римское гетто было окончательно уничтожено только в 1870).

Грех – прямое или косвенное нарушение религиозных заповедей (заветов Бога, Богов, предписаний и традиций); реже — нарушение доминантных морально-этических правил, норм, установившихся в обществе. Наиболее общее определение гласит, что грех является следствием акта воли индивида, подразумевает вину и влечёт за собой воздаяние.

Интеллигенция – (лат. *intelligentia, intellegentia* – понимание, познавательная сила, знание) особая социально-профессиональная и культурная группа людей, занятая преимущественно в сфере умственного труда.

Компиляция – (от лат. *compilatio*, буквально – кража, грабёж), литературная работа, сочинение (научное или учебное), составленная по заимствованным у других авторов материалам, без самостоятельной их обработки и собственных исследований.

Ксенофобия – (от греч. *оЭнпт*, «чужой» и *цвьпт*, «страх») нетерпимость к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривыч-

ному. Восприятие чужого как непонятого, непостижимого, а поэтому опасного и враждебного. Воздвигнутое в ранг мировоззрения, может стать причиной вражды по принципу национального, религиозного или социального деления.

Медиевистика – раздел исторической науки, изучающий историю Средних веков в Западной Европе (в более широком, но менее употребительном значении – и в других районах мира).

Менталитет – [от лат. mens, mentis – ум и alis – другие] система своеобразия психической жизни людей, принадлежащих к конкретной культуре, качественная совокупность особенностей восприятия и оценки ими окружающего мира, имеющие надситуативный характер, обусловленные экономическими, политическими, историческими обстоятельствами развития данной конкретной общности и проявляющиеся в своеобразной поведенческой активности.

Мимесис – (греческое mimesis – подражание) термин древнегреческой философии, характеризующий сущность человеческого творчества как подражание (музыка – гармонии небесных сфер; искусство – реальности).

Нуклеарная семья – семья, состоящая из родителей и детей, находящаяся на их иждивении и не состоящих в браке. В нуклеарной семье на первый план выдвигаются отношения мужа и жены, а не кровнородственные связи.

Раввин – (от древнеевр. рабби – мой учитель), служитель культа в иудаизме. Раввин разъясняет догматы вероучения, разрешает вопросы, связанные с ритуалом, совершает некоторые обряды, произносит в синагоге проповеди религиозно-нравственного содержания. В средние века и новое время раввины управляли не только религиозной, но также политической и экономической жизнью иудейской общины.

Рецепция – заимствование и приспособление данным обществом социальных и культурных форм, возникших в других обществах и в другую эпоху.

Семантика – (фр. sémantique от др.-греч. *σημαντικός* – обозначающий), также семасиология – наука о понимании (значении) определённых знаков, последовательностей символов и других условных обозначений; раздел семиотики.

Семиотика, или семиологика (др.-греч. «знак, признак»), – наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем.

Харам – действие, категорически запрещаемое и осуждаемое исламским шариатом. Делаящий харам является большим грешником. Кто,

боясь греха, воздерживается от выполнения харам, тот будет вознагражден Аллахом. Опровергающий харам теряет веру и переходит в категорию неверующих. Харам различается двух видов: харам зулми и харам гайри зулми. Харам зулми – это такой харам, совершение которого наносит вред посторонним людям, кроме производящего. Например, кража. Харам гайри зулми – харам, совершение которого приносит вред только производящему его. Например, потреблять недозволенное. Совершивший харам зулми и поклявшийся впредь не совершать его, будет прощен Аллахом лишь в том случае, если простит пострадавший. Если совершивший харам гайри зулми покается в содеянном и зарекся не повторять – Аллах возможно простит его.

Цивилизация – (от лат. *civilis* – гражданский, государственный) 1) общефилософское значение – социальная форма движения материи, обеспечивающая её стабильность и способность к саморазвитию путём саморегуляции обмена с окружающей средой (человеческая цивилизация в масштабе космического устройства); 2) историческое значение – понятие, обозначающее единство исторического процесса и совокупность материально-технических и духовных достижений человечества в ходе этого процесса (человеческая цивилизация в истории Земли); 3) стадия всемирно исторического процесса, связанная с достижением определённого уровня социальности (стадия саморегуляции и самопроизводства при относительной независимости от природы дифференцированности общественного сознания); 4) локализованное во времени и пространстве общество. Локальные цивилизации являются целостными системами, представляющими собой комплекс экономической, политической, социальной и духовной подсистем и развивающиеся по законам витальных циклов.

Шариат – (от араб. «шариа» – прямой, правильный путь; обязательные предписания; право; закон) свод мусульманских правовых и теологических нормативов, закреплённых прежде всего в Коране и сунне и провозглашённых исламом «вечным и неизменным» плодом божественных установлений. Шариат, понимаемый как универсальная нормативная система, часто называют мусульманским религиозным законом. В этом смысле шариат нередко отождествляют с мусульманским правом. Является непосредственно действующим правом в Иране, Судане, Пакистане и ряде других стран Азии.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
----------------	---

РАЗДЕЛ I. ЛИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Глава I. Личность и общность в цивилизационном поле Западной Европы	6
Глава II. Определения «личность» и «общность» цивилизационном пространстве арабского Востока	14
Глава III. Личность и семантика средневекового общества	22

РАЗДЕЛ II. ЛИЧНОСТЬ И ЕЁ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ ЗАПАДА

Глава I. Трёхчастная модель европейского общества	33
Глава II. «Новые» социальные группы западноевропейского общества ...	74
Глава III. Специфика социального устройства исламского средневекового общества	108

РАЗДЕЛ III. ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ И ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Глава I. Женщина и её социальные роли в западноевропейском обществе	116
Глава II. Институты брака и семьи в Западной Европе	142
Глава III. Мужчина-мусульманин и его место в арабском средневековом обществе	153
Глава IV. Женщина в арабском обществе Средневековья	156
Глава V. Семейно-брачные отношения в исламе	163
Глава VI. Детство и отношение к детям в средние века в Западной Европе	168
Глава VII. Мусульманские дети и их воспитание на арабском Востоке	176

**РАЗДЕЛ IV. ОБРАЗЫ «ЧУЖОГО», «ДРУГОГО»
В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Глава I. Арабы и исламское общество в представлениях европейцев	184
Глава II. Накопление цивилизациями практических и научных знаний: опыт заимствований	204
Глава III. Евреи и еврейская общность в средневековой Западной Европе	225
ГЛОССАРИЙ	265

Для заметок

Для заметок

Учебное издание

Людмила Николаевна Величко

**ЛИЧНОСТЬ И ОБЩНОСТЬ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ЗАПАДА И ВОСТОКА**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Редактор Т.Б. Кузнецова,
Компьютерная верстка П.Г. Немашкалов

	Подписано в печать 30.11.10	
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$	Усл.печ.л. 15,81	Уч.-изд.л. 13,89
Бумага офсетная	Тираж 100 экз.	Заказ 79

Отпечатано в ООО «РБК-Сервис».